

ПРОВЕРЕНО *8/2*

34(090)
33

ЗАПРОСЪ ОБЪ АЗЕФЪ

ВЪ

Государственной Думѣ.

(Засѣданія 50 и 51-ое).

(По стенографическому отчету).

146086

Цѣна 50 коп.

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

22638

34(09с)1

3-33

ЗАПРОСЪ ОБЪ АЗЕФЪ

ВЪ

Государственной Думѣ.

146086

(Засѣданія 50 и 51-ое).

(По стенографическому отчету).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909.

ЗАПОРОВ ООР АЗЕФР

В. П.

Государственный Цумф

(Заблани 50 и 51 год)

Типографія „Т-ва Екатеринбург. Печатное Дѣло“, СПБ. Екатеринбург. 10—19.

(По отчету за 1901 год)

С. ПЕТЕРБУРГ

С. ПЕТЕРБУРГ

1901

0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

Запросъ объ Азефѣ въ Государственной Думѣ.

Засѣданіе 50.

Среда, 11 февраля 1909 г.

Засѣданіе открывається въ 8 ч. 34 м. вечера.

Предсѣдатель. Объявляю засѣданіе Государственной Думы открытымъ. Приступаемъ къ повѣсткѣ: доклады комиссіи по запросамъ: а) по заявленію № 51 о запросѣ Министру Внутреннихъ Дѣлъ по поводу участія агента Департамента Полиціи Азефа, въ качествѣ члена сообщества социалистовъ-революціонеровъ, въ совершеніи ряда террористическихъ актовъ и б) по заявленію № 52 того же содержанія *). Докладчикъ—гр. Бобринскій 2.

Гр. Бобринскій 2. Я прошу разрѣшенія доложить краткія соображенія, комиссіи по запросамъ какъ № 51, такъ и № 52 совокупно. Рѣшенія комиссіи по этимъ двумъ запросамъ различны. Запросъ № 51 мы предполагаемъ отклонить, запросъ № 52—принять. Это потому, что мы считаемъ, что даже, если факты, приведенные въ запросѣ № 51, и были бы доказаны или имѣли бы даже какое-нибудь вѣроятіе, что они дѣйствительно вѣрны, то все же нельзя дѣлать тѣхъ заключеній, которыя находятся въ заключительныхъ статьяхъ этого запроса. Вся комиссія по запросамъ единогласно считаетъ, что необходимо пролить полный свѣтъ на это дѣло, заключающее въ себѣ тягчайшее изъ тяжкихъ обвиненій, какое только вообще можно предъявить какому-нибудь правительству, а посему она рѣшилась на отклоненіе запроса № 51, считая, что все можетъ быть выяснено при разсмотрѣніи запроса № 52, тѣмъ болѣе, что, предлагая свое заключеніе съ отклоненіемъ запроса № 51, мы никому вѣдь не заграждаемъ устъ. Всѣ авторы запроса могутъ тутъ высказать все, что они имѣютъ. Вся Дума съ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы были предъявлены и Государственной Думѣ, и странѣ тѣ доказательства, которыя имѣются по данному запросу, тѣмъ болѣе, что этихъ доказательствъ пока мы еще въ своемъ распоряженіи не имѣли. А потому я ограничусь только краткимъ повтореніемъ

*) Запросъ № 51 сдѣланъ фракціею социаль-демократовъ, а № 52—фракціею партіи Народной Свободы (к.-д.).

того, что уже изложено въ розданномъ вамъ докладѣ комиссіи по запросамъ. Запросъ № 51 заявляетъ, что съ вѣдома Департамента Полиціи совершено убійство губернатора Богдановича, Министра Внутреннихъ Дѣлъ Плеве и даже Великаго Князя Сергѣя Александровича. Далѣе, авторы запроса заявляютъ, что это не обособленныя какія-нибудь явленія, а что это эпизоды въ цѣлой системѣ провокаціонной дѣятельности Департамента Полиціи. Въ-третьихъ, интерpellанты обвиняютъ Правительство въ томъ, что оно эту провокаціонную дѣятельность произвело для того, чтобы оправдать свою реакціонную политику. Пока никакихъ данныхъ въ подтвержденіе столь тяжкаго обвиненія налицо нѣтъ, а посему мы предлагаемъ запросъ № 51 отклонить. Запросъ № 52, приводя приблизительно тотъ же самый матеріалъ, какъ и запросъ № 51, не дѣлаетъ такихъ рискованныхъ, на нашъ взглядъ, выводовъ и просто спрашиваетъ: извѣстна ли Правительству незаконномѣрная дѣятельность отдѣльныхъ его агентовъ и какія мѣры оно предполагаетъ принять противъ нихъ? Въ заключеніе я, гг., скажу, что вообще неощутимы блага народнаго представительства, но рѣдко можно сознавать, насколько необходимо для страны это народное представительство такъ, какъ сегодня, когда столь тяжкое обвиненіе, столь тяжелый вопросъ могутъ свободно и публично обсуждаться. Будемъ надѣяться, что какъ со стороны внесшихъ запросъ, такъ и со стороны Правительства, будетъ полная откровенность, полная ясность, которая дастъ возможность и намъ, и странѣ разобраться въ этомъ тяжеломъ вопросѣ.

Покровскій 2 (Кубанская и Терская обл. и Черноморская губ.). Господа. Членъ-докладчикъ сдѣлалъ докладъ по двумъ запросамъ одновременно. Я вышелъ сюда, чтобы защищать запросъ, предъявленный нашей фракціей — социаль-демократами. Моя задача — защищать именно нашъ запросъ, который мы отличаемъ отъ запроса, предложеннаго партіей народной свободы.

Задача моя облегчается тѣмъ, что запросъ по дѣлу Азефа не отвергнутъ; докладчикъ предлагаетъ отвергнуть нашъ запросъ и предъявить Правительству запросъ, предложенной партіей народной свободы. Представители думскаго большинства желали итти въ дѣлѣ укрывательства незаконномѣрныхъ дѣйствій Правительства дальше Правительства (какъ это сдѣлалъ тотъ же докладчикъ г. Бобринскій въ комиссіи по запросамъ, предложившій отвергнуть оба запроса, увѣряя, что Правительство и при отверженіи запроса сочтетъ тѣмъ не менѣе долгомъ выступить съ разъясненіями по этому дѣлу), но такъ далеко представители думскаго большинства пойти не могли, потому что

Правительство само отказалось от первоначальной своей тактики сказать по поводу всего шума, сосредоточеннаго вокруг дѣла Азефъ-Лопухинъ, что все это вздоръ, все это ложь, провокаціи нѣтъ, провокація недопустима. Правительство должно было признать фактъ, и представители думскаго большинства должны были признать тотъ или другой запросъ, но, конечно, остановились на запросѣ, предложенномъ партией народной свободы. Этотъ запросъ, какъ нельзя лучше, предоставляетъ Правительству возможность встать въ благородную позу на этой трибунѣ по данному щекотливому вопросу. Запросъ ставятъ очень узко и очень просто: «извѣстно ли Правительству, что агентъ Правительства Азефъ принималъ участіе въ террористическихъ актахъ?». На это Правительство, вѣроятно, отвѣтитъ—отчасти оно уже отвѣтило въ двухъ своихъ правительственныхъ сообщеніяхъ, которыя были выпущены—что ему де неизвѣстно, до какихъ предѣловъ могъ итти еврей Азефъ въ своей дѣятельности, но ему извѣстно, что Азефъ былъ цѣннымъ слугою Правительства, доставлялъ цѣнныя свѣдѣнія Правительству, и, не будь предателя Лопухина, Правительство и теперь жило бы за Азефомъ, какъ за каменной стѣной. Докладчикъ въ этомъ направленіи, въ дѣлѣ освѣщенія всего этого инцидента, идетъ предупредительно по тому же пути, который намѣчаетъ и Правительство. Онъ говоритъ въ своемъ докладѣ: Азефъ продавалъ полиціи свои свѣдѣнія о преступныхъ замыслахъ революціонеровъ, т. е. былъ тайнымъ агентомъ Рачковскаго, и добавляетъ, что большинство комиссіи считаетъ, что такое использование за мзду предательства революціонеровъ является дѣяніемъ вполне законмѣрнымъ и цѣлесообразнымъ. Нашъ запросъ, я говорю, ставится шире. Правда, мы полагаемъ, что нашъ запросъ не сводится къ обобщеніямъ, «не обоснованнымъ и рискованнымъ», какъ сказалъ здѣсь докладчикъ, а есть освѣщеніе во всемъ объемѣ этого знаменитаго инцидента Азефъ-Лопухина. Наша задача не въ томъ, чтобы всесторонне освѣтить темныя стороны дѣятельности Азефа, наша задача выяснить, на какой почвѣ могъ возникнуть такой поражающій инцидентъ. Является ли онъ случайнымъ, или занимаетъ определенное мѣсто въ системѣ нашего внутренняго управленія. Что такое представляетъ изъ себя Азефъ по отношенію къ Правительству? Правительство говоритъ, что Азефъ доставлялъ свѣдѣнія, Азефъ предупреждалъ: комиссія—что Азефъ продавалъ полиціи свѣдѣнія; но вотъ тѣмъ не менѣе въ докладѣ по запросу № 52 примѣняется такой терминъ: Азефъ называется агентомъ освѣдомительной службы,—и я думаю, что такое опредѣленіе будетъ самымъ точнымъ. И

вотъ постараюсь выяснитъ, каковы должны быть отношенія подобнаго агента къ Департаменту Полиціи и другимъ центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ. Чтобы не быть голословнымъ, я обращаюсь къ казенному документу. У меня въ рукахъ экземпляръ свода правилъ, выработанныхъ въ развитіе утвержденныхъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 августа 1902 г. положеній о начальникахъ розыскныхъ отдѣленій. § 7 говоритъ (*читаетъ*): „розыскъ производится черезъ частную агентуру и филерское наблюденіе“. § 8: „на обязанности начальниковъ розыскныхъ отдѣленій лежитъ, главнымъ образомъ, приобрѣтеніе внутренней агентуры“. Вотъ та категорія, къ которой безусловно долженъ быть отнесенъ Азефъ. Объ этихъ агентахъ въ § 33 читаемъ (*читаетъ*): „отчеты о своей дѣятельности начальники розыскныхъ отдѣленій представляютъ въ запискѣ на имя директора Департамента Полиціи. Существенныя агентурныя свѣдѣнія, наиболее яркіе эпизоды, обнаруженные наблюденіемъ, сообщаются немедленно, дневники же наблюденія со сводками къ нимъ — 1-го числа каждаго мѣсяца, а вывѣренныя дневники — черезъ недѣлю послѣ ликвидаціи“. Далѣе § 34:— „Независимо отъ этихъ дневниковъ и записокъ, начальники отдѣленій передъ ликвидаціей представляютъ директору Департамента подробную мотивированную записку относительно предполагаемой ликвидаціи дѣла. Въ этой запискѣ, независимо отъ предшествовавшихъ сообщеній, которыя могутъ иногда представлять собой матеріаль еще непровѣренный, должна быть изложена въ исторической послѣдовательности вся дѣятельность той или иной организаціи, какой она будетъ касаться«. Такимъ образомъ, на основаніи этого официальнаго документа, мы видимъ, что такой агентъ охранной службы, какъ Азефъ, долженъ стоять въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи и директору Департамента вся его дѣятельность должна быть извѣстна, доходя до него въ видѣ дневниковъ и специальныхъ донесеній или докладовъ. Такъ должно быть по правиламъ, такъ обстоитъ дѣло съ Азефомъ и въ дѣйствительности. Мы видимъ, что онъ, дѣйствительно, вхожъ въ департаментскія сферы, мы видимъ это съ самаго начала его дѣятельности, съ 1902 г. Дѣло происходило такъ: въ іюнѣ этого года завѣдывавшій русской политической полиціей за границей Рачковскій обратился письменно въ Департаментъ Полиціи съ просьбой объ ассигнованіи ему 500 р. для внесенія этой суммы въ кассу партіи социалистовъ-революціонеровъ черезъ своего секретнаго сотрудника, лично знакомаго съ Гершуни, но Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Дурново, опасаясь, что деньги эти мо-

тутъ поступить въ спеціальную кассу боевой организаціи, предложилъ вызвать сотрудника въ Департаментъ Полиціи для объясненій; сотрудникъ этотъ оказался инженеръ Евно Азефъ. Такъ обстояло дѣло въ 1902 г. Въ 1903 г. мы видимъ, что тотъ же Азефъ по долгу службы доноситъ въ Департаментъ Полиціи о готовящемся покушеніи на генерала Богдановича въ Уфѣ. Въ 1905 г. Треповъ возвращаетъ Рачковскаго, удаленнаго Плеве; такимъ образомъ Азефъ связанъ въ Департаментъ Полиціи опять черезъ того же Рачковскаго. Съ 1906 по 1908 гг. Рачковскаго уже нѣтъ въ Департаментъ Полиціи, но за то мы видимъ здѣсь, въ Петербургѣ, Герасимова, отношенія котораго къ Азефу, его вниманіе и оцѣнку дѣятельности Азефа мы видимъ опять-таки изъ инцидента Герасимова съ Лопухинымъ. Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, на основаніи правилъ и фактическаго положенія, подтверждающагося сообщеніями партіи социалистовъ-революціонеровъ, мы видимъ, что Азефъ въ продолженіе всей своей дѣятельности съ 1902 по 1908 гг. находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи черезъ его чиновниковъ и извѣстенъ директору Департамента Полиціи и даже Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Теперь надо выяснитъ вторую сторону дѣла. Если выясняется, чѣмъ былъ Азефъ для Правительства, то нужно выяснитъ, чѣмъ былъ Азефъ въ партіи социалистовъ-революціонеровъ. Опять-таки правительственное сообщеніе говоритъ намъ, что послѣ предательства Лопухина Азефъ былъ исключенъ изъ партіи социалистовъ-революціонеровъ, что, благодаря предательству Лопухина, Правительство лишилось возможности предупредить важные террористическіе акты. Мы хотѣли бы, чтобы Правительство пошло по пути признанія нѣсколько дальше и признало бы, что Азефъ былъ не только членомъ партіи, но и членомъ центрального комитета партіи и членомъ боевой организаціи партіи. Мы думаемъ, что у Правительства нѣтъ возможности отрещиваться и отъ этого, разъ оно говоритъ въ своемъ сообщеніи, что, благодаря предательству Лопухина, Правительство лишилось возможности предупредить важнѣйшіе террористическіе акты. Это уже служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что Азефъ былъ въ центральномъ органѣ. Такія свѣдѣнія, какъ о предпріятіяхъ по централизованному террору, узнать изъ случайныхъ революціонныхъ организацій нельзя, для этого необходимо дѣйствительно быть входящимъ въ центральныя учрежденія. Мы видимъ изъ мемуаровъ жандармскаго генерала Новицкаго, что онъ былъ освѣдомленъ о дѣлѣ

убійства генерала Богдановича, опять-таки имѣя въ рукахъ постановленіе центрального комитета и диспозиціи боевой организаціи. Конечно, такіе же документы изъ центрального учрежденія долженъ былъ имѣть и Азефъ для того, чтобы предупредить главнѣйшіе террористическіе акты. Но я говорю: пока мы отъ Правительства не имѣемъ этого заявленія, но имѣемъ категорическое заявленіе на этотъ счетъ отъ центрального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ. Правда, докладчикъ гр. Бобринскій въ своемъ докладѣ старается опорочить этотъ источникъ. Но я спрошу: въ какомъ смыслѣ заинтересована въ этой лжи партія социалистовъ-революціонеровъ? Вѣдь для нихъ не составляетъ пріятнаго удовольствія раскрытіе того, что въ ихъ организаціи занималъ видную роль агентъ Правительства. Самъ же гр. Бобринскій говоритъ, что, конечно, мы не можемъ требовать документальныхъ доказательствъ по запросамъ; важно только, чтобы свѣдѣнія были правдоподобны. Вотъ, сопоставляя, съ одной стороны, официальное сообщеніе Правительства объ участіи Азефа въ партіи социалистовъ-революціонеровъ и, съ другой стороны, сообщеніе центрального комитета этой партіи, мы и утверждаемъ безусловно, не только уже правдоподобно, но и съ несомнѣнностью, что Азефъ состоялъ въ партіи социалистовъ-революціонеровъ членомъ центрального комитета этой партіи и его боевой организаціи. Теперь третій вопросъ: что же, пользуясь этимъ двойственнымъ положеніемъ, дѣлалъ Азефъ, къ чему сводилась его дѣятельность? Опять, если обратимся къ правительственному сообщенію, то мы увидимъ, что Азефъ доносилъ, Азефъ предупреждалъ Правительство. Мы говоримъ, что съ такой постановкой вопроса согласиться мы не можемъ, и едва-ли можно ввести кого-нибудь въ заблужденіе по этому предмету. Совершенно вѣрно: Азефъ донесъ о томъ, что Гершуни хочетъ на правительственныя деньги поставить типографію или динамитную мастерскую; но вѣдь не только извѣстно, что эти 500 р. были переданы въ распоряженіе Гершуни, но и что на эти 500 руб. была поставлена типографія или, можетъ быть, динамитная мастерская, и прежде чѣмъ она была конфискована, эта типографія могла выпустить и выпустила, несомнѣнно, прокламаціи, конечно, не говорящія о сочувствіи къ Правительству, а говорящія о томъ, что партія социалистовъ-революціонеровъ рѣшила прибѣгнуть къ систематическому централизованному террору, а можетъ быть, и сообщающія о первой жертвѣ этого террора, о Сипягинѣ. Затѣмъ, точно такъ же Азефъ донесъ о томской типографіи социалистовъ-революціонеровъ, но прежде чѣмъ онъ

донесъ, и она была конфискована, она успѣла выпустить три нумера журнала „Революціонная Россія“. Можетъ быть, изъ тѣхъ транспортовъ литературы въ домашнихъ ледникахъ или бочкахъ съ саломъ, которые доставлялъ Азефъ, можетъ быть, большинство было конфисковано. Точно также, можетъ быть, большинство было конфисковано изъ транспортовъ оружія, которое привозилъ Азефъ, но, тѣмъ не менѣе, другая часть всего этого матеріала вѣдь дошла же по назначенію и сдѣлала свое дѣло. Объ этомъ можетъ подтвердить, вѣроятно, и самъ Департаментъ Полиціи. Теперь мы подходимъ къ самому важному пункту, къ отношенію Азефа къ террористическимъ актамъ. Мы утверждаемъ, что Азефъ принималъ непосредственное участіе въ организаціи террористическихъ актовъ. Конечно, и Дума, и общество ждутъ, чтобы мы представили непреложныя доказательства тому. Официальныхъ документовъ съ приложеніемъ казенной печати по такимъ вопросамъ достать нельзя. (*Голосъ изъ центра*: ага, значитъ больше ничего и нѣтъ). Но мы говоримъ, что въ данномъ случаѣ мы обращаемся къ другой сторонѣ и черпаемъ свѣдѣнія изъ другого источника—изъ сообщенія той же партіи социалистовъ-революціонеровъ. (*Голосъ изъ центра*: скверный источникъ). Я говорю, что докладчикъ старается опорочить эти свѣдѣнія и для этого, между прочимъ, приводитъ такой, яко бы разительный примѣръ внутренняго противорѣчія двухъ сообщеній, изданныхъ центральнымъ комитетомъ партіи. Онъ говоритъ, что, съ одной стороны, въ 1907 г. депутатъ Ширскій въ Думѣ говорилъ, что партія социалистовъ-революціонеровъ не принимала участія въ заговорѣ на Государя, а, съ другой стороны, мы видимъ въ сообщеніяхъ центральнаго комитета извѣщеніе о томъ, что подготовлялось цареубійство. Но такъ какъ этого совпаденія двухъ фактовъ по существу нѣтъ, потому что въ одномъ случаѣ рѣчь идетъ о 1907 г., а въ другомъ о 1908 г., то г. Бобринскій поступаетъ очень просто: онъ говоритъ, что, очевидно, дата о покушеніи на цареубійство не вѣрна, что это ошибка, рѣчь идетъ не о 1908 г., а о 1907 г. Мы утверждаемъ, что это не ошибка, что дѣло именно было такъ. Всѣ эти соображенія Бобринскаго шиты бѣлыми нитками. Совершенно вѣрно, центральный комитетъ сообщилъ въ 1907 г. во время засѣданій второй Государственной Думы, что онъ отказался на время засѣданій отъ террористическихъ актовъ; то же самое подтвердилось и на процессѣ по поводу этого покушенія; всѣ подсудимые показали, что они вели дѣло независимо отъ партіи социалистовъ-революціонеровъ. Но въ 1908 г., когда засѣдаетъ третья Государственная Дума, партія социалистовъ-революціонеровъ не было

основанія отказываться отъ своей террористической дѣятельности (*смѣхъ и голосъ справа*: великолѣпно; по первоисточнику), и мы видимъ, что она готовится царубійство. Но допустимъ даже, что мы откажемся отъ этого, опороченнаго гр. Бобринскимъ, источника; допустимъ, что мы примемъ по отношенію къ фактамъ, которое мы принимаемъ, освѣщеніе Правительства; допустимъ, что Азефъ былъ только доносителемъ; допустимъ, что онъ въ 1903 г. донесъ въ Департаментъ Полиціи о готовящемся покушеніи на Богдановича; допустимъ, что грѣшилъ въ данномъ случаѣ генераль Новицкій, который полагалъ, что Плеве, зная о готовящемся покушеніи, не принимаетъ мѣръ для предупрежденія такового изъ личной неприязни къ Богдановичу; допустимъ, что Департаментъ Полиціи хотѣлъ предупредить преступленіе и послалъ для этого чиновника особыхъ порученій Мѣдникова. Мѣдниковъ выѣхалъ въ Уфу, но террористы поторопились, нарушили диспозиціи Азефа, Мѣдниковъ запоздалъ, а Богдановичъ, тѣмъ не менѣе, былъ убитъ. То же самое въ 1904 г. съ убійствомъ Плеве. Азефъ, сотрудникъ Каляева, Сазонова и Покотилова, знаетъ и принимаетъ участіе въ организаціи покушенія на Плеве. Онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ три раза осматривать позиціи, можетъ быть по—долгу службы Департаменту Полиціи, и доносить, но, тѣмъ не менѣе, Плеве убитъ; то же самое и относительно убійства Великаго Князя Сергѣя Александровича. Азефъ благословляетъ на это убійство, онъ доноситъ, онъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы предупредить это покушеніе въ послѣдній моментъ. Покушающійся долженъ быть арестованъ ан мѣстѣ, гдѣ назначено покушеніе, скажемъ—у Иверскихъ воротъ. Но покушающійся въ послѣдній моментъ, въ нервномъ возбужденіи, не остается на мѣстѣ, онъ рѣшаетъ идти впередъ по пути слѣдованія Великаго Князя. Убійство происходитъ, можетъ быть, не въ томъ мѣстѣ и не въ то время, какъ назначено, нарушена диспозиція Азефа, но тѣмъ не менѣе убійство произошло. И мы утверждаемъ, что о готовящемся покушеніи на Великаго Князя Сергѣя Александровича знало не только Московское охранное отдѣленіе, но и Департаментъ Полиціи, потому что въ день покушенія изъ Петербурга, а не изъ Москвы, Департаментъ Полиціи разсылаетъ телеграммы по всей Россіи о немедленномъ арестѣ Савинкова, а за его родными, проживавшими въ Варшавѣ, предписываетъ учредить самое строгое наблюденіе. Савинковъ, какъ мы видимъ изъ его записокъ „Воспоминанія о Каляевѣ“, дѣйствительно сопровождалъ Каляева въ этотъ день. Но откуда же Департаментъ Полиціи зналъ объ участіи Савинкова въ этотъ же день? Правда, благодаря тому

же предупредительному и предупреждающему Азефу, покушенія на генерала Трепова и Великаго Князя Владиміра Александровича были предупреждены, но покушеніе на Лауница было доведено до конца. Охранное отдѣленіе знало всѣхъ участниковъ по дѣлу о Лауницѣ и хотѣло произвести арестъ на мѣстѣ преступленія, а революціонеры, между тѣмъ, безъ вѣдома провокаторовъ, измѣнили планъ нападенія—и Лауницъ былъ убитъ. Такимъ образомъ, допустимъ, какъ дѣлаетъ это Правительство, что Азефъ былъ исправнымъ правительственнымъ служакой, всегда аккуратно доносилъ, но неужели мы можемъ сказать, что въ этой дѣятельности Азефа нѣтъ ничего преступнаго? Неужели она закономѣрна? Неужели правительственные агенты могутъ не только знать, но и участвовать въ составленіи плана кровавыхъ дѣлъ, могутъ содѣйствовать доведенію этихъ дѣлъ до конца и доносить, предупреждать Правительство; доносить своевременно или несвоевременно, предупреждая покушенія или не предупреждая? Неужели это доносительство снимаетъ съ агента Правительства, не скажу нравственную, а уголовную отвѣтственность? Вѣдь пособничество, поощреніе, содѣйствіе преступленію наказуется уголовнымъ закономъ. Но мы, конечно, не можемъ стать на точку зрѣнія Правительства. Мы не можемъ признать, что такова была дѣятельность Азефа, что онъ былъ простымъ наблюдателемъ партіи социалистовъ-революціонеровъ и добросовѣстно доносилъ Правительству обо всемъ, что тамъ происходило. Какъ равноправный членъ боевой организаціи, организаціи небольшой, въ высшей степени конспиративной и, какъ показываетъ само названіе, активной, онъ не могъ занимать только наблюдательное положеніе. Онъ долженъ былъ дѣйствовать; а тѣмъ болѣе, дѣйствуя на два фронта, онъ долженъ былъ проявлять особую дѣятельность для того, чтобы заслужить необходимое довѣріе и чтобы поддержать это довѣріе, которое, какъ известно, нѣсколько разъ колебалось. И мы видимъ, что, напр., на нижегородскомъ съѣздѣ Азефъ, замѣтивъ, что полиція слѣдитъ, первый предложилъ планъ, избавившій участниковъ съѣзда отъ ареста. Въ организаціи покушенія на Нижегородскаго губернатора первую роль игралъ онъ самъ. Точно также въ дѣлѣ послѣдняго покушенія на Дубасова, окончившагося пораненіемъ, Азефъ также принималъ самъ участіе и былъ арестованъ въ кондитерской Филиппова, но, предъявивши свой билетъ, былъ освобожденъ.

Такимъ образомъ, на основаніи всей выяснившейся картины, кажется, мы вправѣ сказать, что Азефъ съ вѣдома Департамента Полиціи принималъ участіе, былъ соучастникомъ революціонной

и террористической дѣятельности партіи социалистовъ-революціонеровъ. Въ доказательство того, что его дѣятельность не была изолирована, что онъ не дѣйствовалъ на свой страхъ и рискъ, я укажу, какова была дѣятельность другихъ членовъ того же Департамента Полиціи. Я остановлюсь на дѣятельности Рачковскаго. Недаромъ духовнымъ отцомъ Азефа былъ Рачковскій, онъ въ дѣлѣ провокаціи специалистъ, за нимъ долгая практика. Еще въ 1892 г. онъ, при помощи Ландезина, организовалъ въ Парижѣ динамитную мастерскую и воспользовался плодами этой провокаціи; въ 1902 г. мы видимъ того же Рачковскаго, передающаго черезъ Азефа Гершуни 500 р. на типографію или на динамитную мастерскую. Въ 1903 г. Рачковскій былъ удаленъ Плеве, но и здѣсь мы слышимъ—въ этомъ инцидентѣ удаленія его—отголоски его специальной провокаторской дѣятельности. Одинъ изъ мотивовъ, по которымъ онъ былъ удаленъ, это его участіе въ провокаціонномъ убійствѣ въ Парижѣ генерала Сильвестрова, посланнаго за границу, опять-таки, для наблюденія за русскими революціонерами. Въ 1904 г. Рачковскій, удаленный отъ службы, не теряетъ связи съ Азефомъ, постоянно встрѣчается съ нимъ въ Варшавѣ, и въ правѣ ли мы не довѣрять показаніямъ социаль-революціонеровъ, что Азефъ и Рачковскій, именно Рачковскій, удаленный Плеве, составляютъ планъ и организацію убійства Плеве. Въ 1905 г. Рачковскій возвращается Треповымъ за свои услуги въ дѣлѣ предупрежденія покушенія на Великаго Князя Владиміра Александровича и Трепова; онъ получаетъ званіе вице-директора Департамента Полиціи съ совершенно самостоятельнымъ положеніемъ, но въ концѣ 1905 г. Рачковскій удаленъ и, какъ докладывалъ въ 1906 г. Столыпинъ, удаленъ опять-таки по дѣлу о провокаціи погромовъ, удаленъ по дѣлу Комиссарова и ротмистра Будаговскаго. Говорятъ, что теперь Рачковскій не имѣетъ никакого отношенія къ Департаменту Полиціи, но мы не думаемъ, чтобы такой специалистъ по охранѣ былъ устраненъ отъ этой своей специальности, и мы знаемъ, мы утверждаемъ, что и теперь Рачковскій состоитъ охранителемъ. Но если Рачковскій не состоитъ теперь въ Департаментѣ Полиціи, то мы знаемъ, что въ немъ и въ Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи есть другіе чины, которые начали свою карьеру въ качествѣ провокаторовъ. Такимъ чиновникомъ состоитъ Гуровичъ, извѣстный провокаторъ въ Петербургѣ съ 1898—1902 гг., одинъ эпизодъ изъ дѣятельности котораго недавно опубликованъ въ газетахъ. Гуровичъ, какъ пламенный революціонеръ, разбрасывалъ прокламаціи во время одного мирнаго засѣданія литераторовъ. Такимъ чиновникомъ состоитъ Доброскоковъ, который, опять-таки, въ періодъ

революціи не только ставиль типографіи въ Петербургѣ, не только отправляль по всей Россіи цѣлые транспорты литературы, но отправляль изъ Петербурга на югъ Россіи и транспорты бомбъ. Такимъ чиновникомъ состоитъ бывшій провокаторъ Панкратьевъ. Если такъ обстоитъ дѣло съ провокаціей и провокаторами въ центрѣ, то въ этомъ отношеніи не отстаетъ и провинція, и я позволю себѣ процитировать нѣсколько подобныхъ фактовъ (*читаетъ*): „Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1906 года съ вѣдома подполковника Шевякова, начальника Варшавскаго охраннаго отдѣленія, при участіи провокатора Щигельскаго въ дер. Волѣ близъ Варшавы нѣсколько лицъ изготовили бомбы и затѣмъ были арестованы. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Ползиковъ выяснилъ, что главнымъ виновникомъ въ этомъ дѣлѣ является Щигельскій и потребовалъ его ареста. Но охранное отдѣленіе, выдавъ Щигельскому подложный паспортъ, официально отвѣтило, что Щигельскій скрылся. Надъ всѣми участниками состоялся судъ, и они въ количествѣ 30 человекъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ отъ 8 до 15 лѣтъ. За это предательство Щигельскій получилъ 100 р., а подполковникъ Шевяковъ былъ произведенъ въ чинъ полковника. Весной 1906 года провокаторъ Болеславъ Бродскій, съ вѣдома того же полковника Шевякова, везъ изъ Кракова нелегальную литературу. Таможенная стража, не зная, что Бродскій агентъ, арестовала его и передала въ распоряженіе судебного слѣдователя. Дѣло поступило въ судебную палату, но начальникъ жандармскаго отдѣленія ротмистръ Заварницынъ, уже новый, обратился къ прокурору палаты Набокову. Выяснивъ въ чемъ дѣло, Набоковъ произвелъ соотвѣтствующее дѣйствіе и Бродскому лишь было зачтено мѣсячное предварительное заключеніе. Тотъ же Бродскій въ 1907 году оперируетъ уже въ Петербургѣ и обучаетъ рабочихъ за Нарвской заставой изготовленію бомбъ. Все это онъ дѣлалъ съ вѣдома жандармскаго подполковника Герасимова, начальника Петербургскаго охраннаго отдѣленія. Тотъ же Бродскій, по порученію Герасимова и ротмистра Лукьянова, не послѣднюю роль игралъ въ куоккальской динамитной лабораторіи“. Затѣмъ Антонъ Дырчъ, одинъ изъ главныхъ участниковъ нападенія на гминное управленіе, на чиновъ полиціи и организаторъ убійства еврея Ягоды, былъ арестованъ и переданъ судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ, ему грозила ст. 279. Въ тюрьмѣ Дырчъ заявилъ желаніе поступить сотрудиномъ въ охранное отдѣленіе. Ротмистръ Заварницынъ доставилъ его къ себѣ и, сойдясь съ нимъ, выпустилъ изъ охраннаго отдѣленія. На запросъ же судебныхъ властей по поводу исчезновенія Дырча

Заварницынъ отвѣтилъ, что онъ бѣжалъ. Впослѣдствіи по указанію Дырча было поставлено не мало висѣлицъ. Агентъ Санковскій, обвинявшійся и розыскивавшійся по дѣлу убійства еврея Ягоды и городского Н., спокойно продолжалъ служить, при чемъ служеніе понималъ такъ же, какъ покровительствовавшій ему Заварзинъ,—онъ специализировался въ провоцированіи вооруженныхъ сопротивленій. При участіи Санковского было устроено вооруженное сопротивленіе въ Ново-Минскѣ, при чемъ одинъ убитъ, а остальные соучастники преданы военному суду. Подобное же вооруженное сопротивленіе тѣмъ же Санковскимъ устроено въ Ченстоховѣ и другихъ городахъ, при чемъ убито нѣсколько рабочихъ, а Бемба и другіе, по приговору военно-полевого суда, были казнены. За это ротмистры Муевъ и Федоровъ получили ордена. Въ 1905 году чиновники Департамента Полиціи Мѣдниковъ и Луценко, при помощи провокаторовъ Эйзенклейста и Шварца и служащихъ Варшавскаго охраннаго отдѣленія Яковлева и Бенза, подготовляли покушеніе на начальника того же отдѣленія ротмистра Петерсона и генераль-губернатора Максимовича только лишь потому, что хотѣли избавиться отъ Петерсона. При этомъ было произведено дознаніе Макаровымъ, — не Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ; все подтвердилось, но участниковъ только перевели въ другія мѣста. Разслѣдованіе по этому дѣлу, если не уничтожено, въ настоящее время находится при Департаментѣ Полиціи и о немъ извѣстно сенатору Коваленскому. Наконецъ, сообщеніе самыхъ послѣднихъ дней. На дняхъ я получилъ изъ Сѣдлеца письмо отъ адвоката Жозефа Латура, который сообщаетъ слѣдующее (*читаетъ*): „въ 1907 и 1908 гг. членомъ соціалъ-революціонной польской партіи М. Вольгемутъ, слесаремъ, было организовано нападеніе на станцію Межирѣчье, Привислинской ж. д., на контору и монопольную лавку въ посадѣ Л. и на станцію Соколы, а также совершены многіе другіе террористическіе акты. За участіе въ этихъ дѣлахъ названный Вольгемутъ былъ приговоренъ Варшавскимъ окружнымъ судомъ къ смертной казни вмѣстѣ съ другими 14 соучастниками. Тогда онъ предложилъ свои услуги охранѣ, и смертная казнь ему была замѣнена 15-ти-лѣтней каторгой. Вскорѣ дважды тотъ же судъ приговорилъ его къ такому же наказанію съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, но вмѣсто того, чтобы вступившій въ законную силу приговоръ о немъ привести въ исполненіе, варшавская охрана зачислила каторжника Вольгемута въ свои агенты, и на основаніи однихъ его заявленій присуждено къ смерти, каторгѣ и ссылкѣ много лицъ“. Въ заключеніе авторъ письма добавляетъ (*читаетъ*): „въ виду изложеннаго, интересно

было бы запросить новаго военнаго прокурора, почему до сихъ поръ не приведенъ въ исполненіе надъ М. Вольгемутомъ приговоръ Варшавскаго суда,—и Министра Внутреннихъ Дѣлъ, извѣстенъ ли ему фактъ, что судьба многихъ гражданъ находится въ рукахъ каторжника“? Таковы факты нашей дѣйствительности. Но, если отрѣшимся отъ ужасовъ современности и обратимся вглубь исторіи, какъ мы указываемъ въ своемъ докладѣ, мы видимъ такіе же акты провокаціи въ практикѣ нашего Правительства, которое остается тѣмъ же, что и 20 лѣтъ тому назадъ, — мы и тамъ наблюдаемъ ту же самую картину: здѣсь какъ Азефъ—Рачковскій, тамъ фигурируютъ Дегаевъ—Судейкинъ. Судейкинъ жандармскій генералъ—вверху, а внизу Дегаевъ, членъ революціонной организаціи. Судейкинъ мечтаетъ о такой идиллической картинѣ: онъ за свои заслуги будетъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а Дегаевъ овладѣетъ всѣми революціонными организаціями. Такимъ образомъ, два устоя правительственнаго управленія будутъ сосредоточены въ однѣхъ рукахъ. Вотъ идеаль, котораго стремился достигнуть Судейкинъ и который не достигнутъ Правительствомъ и понынѣ. Какъ же, гг., послѣ всей обрисовывающейся картины сосредоточить все вниманіе исключительно на Азефѣ и запрашивать Правительство только о томъ, убивалъ Азефъ или нѣтъ? Можно ли выдвигать и раздувать эту личность и не видать за дѣятельностью Азефа дѣятельности Рачковскихъ, Герасимовыхъ, Гуровичей, Доброскокова, дѣятельности Департамента Полиціи, всѣхъ охранныхъ отдѣленій и дѣятельности самого Правительства? Мы говоримъ: нѣтъ, нужно поставить вопросъ о томъ, откуда возникаютъ въ русской дѣйствительности такіе факты,—и мы приходимъ, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, къ тому заключенію, что имѣемъ дѣло съ системой провокаціи. Мы утверждаемъ на основаніи этой картины, что провокація входитъ, какъ органическая часть, въ дѣятельность политической полиціи. Но, если Правительство не въ состояніи опровергнуть всей нарисованной нами картины, а мы увѣрены, что, при всемъ обладаніи полнотою документовъ, оно опровергнуть этихъ данныхъ не можетъ, то у Правительства остается одно: заявить, что центральное Правительство ко всему этому не причастно, что центральное Правительство ничего объ этомъ не знаетъ, какъ отчасти говоритъ оно въ своемъ второмъ сообщеніи. Можетъ быть, Правительство не знаетъ всего, что дѣлается у него подъ рукою. Мы знаемъ такіе прецеденты: Правительство не знало, можетъ быть, директоръ Департамента не зналъ, что дѣлается за дверями кабинета Комиссарова, гдѣ печатались на казенной машинѣ прокламаціи, призывающія къ

еврейскимъ погромамъ; можетъ быть, Правительство не знало, что дѣлается за дверями кабинета Рачковскаго, который разсылалъ свои циркуляры, вѣроятно, не телеграфно, можетъ быть, и не письменно—Татаровымъ и Азефамъ; можетъ быть, оно не знало всѣхъ этихъ деталей, но это нисколько не умаляетъ его вины, его преступности. Мы утверждаемъ, что система провокаціи, система политическаго сыска перешла въ настоящее время въ систему управленія странюю, что провокація составляетъ неотъемлемую часть именно внутренняго управленія странюю. Система провокаціи является неотъемлемою частью режима умирающаго „абсолютизма“. (*Голоса справа: что такое? этого нельзя позволять; легче; шумъ; звонокъ Предсѣдателя*). Въ самомъ дѣлѣ, если нѣтъ надобности прибѣгать къ провокаціи въ странѣ, гдѣ существуетъ правовой строй, гдѣ управление странюю ведется на основаніи, на точномъ основаніи закона, гдѣ Правительство опирается на довѣріе населенія, а не на силу штыка и полицейскихъ нагаекъ, то, съ другой стороны, провокація необходима тамъ, гдѣ управление основывается на личномъ усмотрѣніи, гдѣ царитъ разнузданный произволъ отдѣльныхъ администраторовъ. Провокація необходима Правительству, разъ оно объявило войну всему народу, объявило войну всей странѣ, а въ такомъ положеніи находится Правительство въ настоящее время, вступило на этотъ путь давно, вступило съ 60-хъ годовъ. Поставивши всю страну на положеніе страны завоевываемой, объявивши все общество своимъ врагомъ, конечно, Правительство вынуждено или поставить около каждаго гражданина шпіона, или принять другую, болѣе осуществимую систему, именно систему провокаціи. Ему нужно читать въ мысляхъ, нужно читать въ сердцахъ, и нужно замыслы, которые готовятся въ тиши, превратить въ акты, хотя бы незначительные, а этому служитъ провокація. А разъ такіе акты обнаружены, Правительство въ правѣ пустить въ ходъ всѣ силы репрессіи. Вотъ мы и видимъ, что въ Петербургѣ дѣйствуетъ Гуровичъ, втершійся въ литературную среду, издающій радикальный журналъ „Начало“ и разбрасывающій на засѣданіяхъ прокламаціи. Въ революціонную организацію посылаются Доброскоковы, Татаровы и Азефы. Этому же служатъ, конечно, на протяженіи десятковъ лѣтъ и всѣ жандармскія, и всѣ охранныя отдѣленія съ ихъ чиновниками. Конечно, такая система провокаціи, выгодная, можетъ быть, для Правительства, очень и очень часто выгодная, имѣетъ свою обратную сторону. Объявивъ, я говорю, страну въ состояніи завоевываемой, облекши неограниченными полномочіями генераль-губернаторовъ, предоставивши свободу дѣйствій жандарм-

скимъ отдѣленіямъ и охраннымъ отдѣленіямъ, и даже отдѣльнымъ провокаторамъ, Правительство, понятно, создаетъ систему, которая является показателемъ распада правительственнаго организма. Такъ именно обстоитъ дѣло съ провокаціей. Правительство создаетъ провокацію, какъ средство, но провокація превращается агентами, дѣйствующими лицами, въ самоцѣль. Охранники пользуются провокаціей въ своекорыстныхъ, матеріальныхъ или служебныхъ цѣляхъ. Если вознаграждаются за всякій розыскъ, если получаютъ денежные награды и повышение по службѣ, если трудно обнаружить революціонную террористическую дѣятельность, остается, и при свободѣ дѣйствій такъ легко, организовать все это за свой счетъ. И вотъ, мы видимъ, что охранники ставятъ типографіи, допускаютъ транспорты литературы, транспорты оружія и сами участвуютъ въ этомъ. Такимъ образомъ, получается картина какого-то тѣснаго сближенія между охраннымъ отдѣленіемъ и революціонными террористическими организаціями. Конечно, при такомъ тѣсномъ сожителствѣ, сознательно начинаетъ поддерживаться революціонная дѣятельность охранниками, а далѣе охранники начинаютъ самостоятельно пользоваться революціонными террористическими актами и въ своихъ цѣляхъ. Гр. Бобринскій, желая довести до абсурда этотъ нашъ выводъ, говоритъ: „что же, по вашему, получается, что Столыпинъ организуетъ самъ на себя покушеніе?“. Да, скажемъ мы (*смѣхъ справа*), если это не совсѣмъ такъ дословно (*смѣхъ справа; звонокъ Предсѣдателя*), то во всякомъ случаѣ г. Столыпинъ, санкціонирующій систему провокаціи, долженъ считаться и съ возможными ея послѣдствіями. Если Столыпинъ чувствуетъ себя за спиной Азефа въ безопасности, то вѣдь онъ чувствуетъ себя въ безопасности только до тѣхъ поръ и постольку, поскольку онъ довѣряетъ предателю. (*Смѣхъ справа; звонокъ Предсѣдателя*). Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ правъ не гр. Бобринскій, а кн. Мещерскій, который по дѣлу Азефъ-Лопухинъ говоритъ, что Сипягинъ погибъ именно оттого, что самъ санкціонировалъ, самъ поддерживалъ систему провокаціи, и что при Сипягинѣ тотъ же Рачковскій пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и слылъ какимъ-то магомъ-чародѣемъ. Такимъ образомъ, тѣ міазмы, которые сѣютъ наши правители внизу, поднимаются до верха и убиваютъ самихъ творцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если охранники, дѣйствуя совмѣстно съ революціонными организаціями, посылаютъ революціонную молодежь на каторгу и на висѣлицу, то потомъ сами, какъ кровожадные шакалы, приходятъ въ столкновеніе и сами убиваютъ другъ друга. Азефъ убиваетъ Татари-

нова, Азефъ убиваетъ Гапона, но процессъ разложенія, нравственнаго паденія, конечно, идетъ по этой системѣ вверхъ, въ центральныя учрежденія, въ Департаментъ Полиціи. Мы видимъ, что тѣ же провокаторы Гуровичъ и Доброскоковъ, уже въ качествѣ чиновниковъ, сотрудничаютъ съ дѣйствительными статскими совѣтниками, ихъ духовными руководителями: Рачковскимъ и Герасимовымъ. Они стоятъ близко и къ товарищамъ министровъ и министрамъ. Опять таки это независимое положеніе, предоставленное системой охраны, сказывается и здѣсь; рядомъ съ законнымъ директоромъ департамента въ 1905 г. мы видимъ независимаго и самостоятельнаго директора Рачковскаго. Такимъ образомъ, съ Рачковскимъ долженъ считаться и директоръ департамента, долженъ считаться и министръ. Мы видимъ, насколько рисковано не считаться съ нимъ, мы видимъ это на инцидентѣ убійства Плеве, который удалилъ этого всемогущаго мага-чародѣя Рачковскаго. Такіе же инциденты мы видимъ и въ дѣятельности Азефа. Тотъ же Азефъ, сотрудничающій съ Рачковскимъ и съ извѣстнымъ Лопухинымъ, въ продолженіе его трехлѣтней дѣятельности, въ 1904 г. замышляетъ убійство Лопухина, а въ 1906 г. замышляетъ убійство Рачковскаго. Гр. Бобринскій называетъ всѣ наши обобщенія смѣлыми и шаткими; думское большинство, мы знаемъ, присоединится къ этому мнѣнію, но, выдвигая нашъ запросъ по дѣлу Азефа-Лопухина, мы выдвигали его для безпристрастныхъ слушателей. Мы хотѣли весь этотъ инцидентъ предложить на судъ общественнаго мнѣнія страны. Мы увѣрены, что страна пойметъ и приметъ для предъявленія Правительству именно нашъ запросъ, въ нашей формѣ. Правительство не отвѣтитъ на нашъ запросъ, Правительство не захочетъ и не сумѣетъ отвѣтить, но за то оно никакими своими краснорѣчивыми фразами не удовлетворитъ въ этомъ отношеніи мнѣнія страны; Правительство не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта, потому что Правительство не можетъ отказаться отъ системы провокаціи. Въ то время какъ 8 іюня 1906 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Столыпинъ заявлялъ по вопросу о погромахъ, что „дѣйствія отдѣльныхъ чиновъ, вмѣшивающихся въ политическую агитацію, неправильны и Министерство обязывается принимать самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы они не повторялись“, и говорилъ, что „я могу ручаться, что повторенія ихъ не будетъ“; въ то время какъ въ ноябрѣ 1908 г. Товарищъ Министра Внутреннихъ дѣлъ Макаровъ, по запросу о Виленскомъ охранномъ отдѣленіи, заявлялъ, что провокація недопустима и нетерпима, что провокація—преступленіе, и—на протяженіи этихъ двухъ лѣтъ,

раздѣляющихъ эти два торжественныя заявленія Правительства, мы видимъ, что Правительство пользуется въ высшей степени для него полезной дѣятельностью Азефа, дѣятельностью явно и ярко провокаціонной. Правительство пользуется старой системой провокаціи и оно не можетъ отказаться отъ этой системы. Чтобы отказаться, оно должно стать стражемъ закона, а не быть попираателемъ закона, надругателемъ надъ закономъ. Для этого Правительство должно проникнуться началами законности, гуманности, справедливости, для этого Правительство должно опираться на довѣріе народа, а не на силу штыковъ и полицейскихъ нагаекъ. Не можетъ отказаться отъ провокаціи Правительство азіатскаго деспотизма, не можетъ отказаться отъ провокаторской дѣятельности Правительство каннибальски-кроважное съ его политикой каторги, пытокъ и висѣлицъ. (*Смѣхъ въ центрѣ и справа*). А чтобы перестать быть таковымъ, для него одинъ путь—погибнуть. (*Рукоплексканія слѣва; шиканье и смѣхъ справа*).

Предсѣдатель. Поступило заявленіе о прекращеніи записи ораторовъ. Записано только 54 чел. (*Смѣхъ*). Ставлю на голосованіе прекращеніе записи ораторовъ. (*Баллотировка*). Принято.

Гр. Бобринскій 2. Покровскій говорилъ, что я старался опорочить заявленіе центрального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ. Самъ Покровскій опорочилъ эти документы, когда онъ намъ объявилъ, что въ минувшемъ году, чего мы не знали, это учрежденіе подготовляло два цареубійства. Можно ли вѣрить, и достойно ли Государственной Думѣ разсматривать документы, исходящіе отъ цареубійць? Потопая и захлебываясь въ этой грязи, они стараются этой грязью забросать Правительство. Мнѣ кажется, и я надѣюсь, что это имъ не удастся. До сихъ поръ членъ Государственной Думы Покровскій никакихъ данныхъ не привелъ, и мнѣ возражать не на что. (*Рукоплексканія справа и въ центрѣ; Розановъ, съ мѣста: глухой, который не желаетъ слышать*).

Сушковъ Вотъ такихъ запросовъ, какъ объ Азефѣ, по моему, слѣдуетъ вносить поменьше—поменьше запросовъ, побольше дѣла, а дѣло самое главное. Всѣ эти запросы и въ особенности мелкіе запросы, которые будутъ вносить въ Государственную Думу, намъ слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и заняться массой представленныхъ изъ бюджетной комиссіи разныхъ смѣтъ.

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Петровъ 3. (*Голоса: отсутствуетъ; отсутствуютъ и вызываемые Предсѣдателемъ члены Государственной Думы: Волковъ, Мотовиловъ,*

БИБЛИОТЕКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВЫСШЕЙ
ШКОЛЫ МИЛИЦИИ
№ 2

Захарьевъ, Сыртлановъ, Лукашинъ, Аджемовъ, Кропотовъ
Кузнецовъ). Гг., объявляю перерывъ. *Перерывъ отъ 9 ч. 50 м.
до 10 ч. 22 м. вечера.*

Предсѣдатель. Засѣданіе возобновляется.

Булатъ (Сувалкская губ.). То возбужденное настроеніе, которое существуетъ и внизу, и наверху, свидѣтельствуешь, что нынче дѣло серьезное; хотя какъ будто бы дѣло идетъ объ одной личности весьма невзрачной, о провокаторѣ, надувавшемъ революціонеровъ, надувавшемъ Правительство, словомъ—человѣкъ, низко стоящемъ,—чего тутъ беспокоиться? Обезпокоились не потому, что эта личность поставлена на обсужденіе, а обезпокоились потому, что дѣло идетъ не объ Азефѣ, а объ азефщинѣ. Азефщина — явленіе болѣе широкое, чѣмъ вопросъ объ отдѣльномъ лицѣ, и та провокація, которая такъ широко разлилась по лицу государства Россійскаго, конечно, тревожитъ всѣхъ, и она же заставила нашу комиссію о запросахъ, при обсужденіи двухъ запросовъ, на однѣхъ и тѣхъ же посланкахъ построить два противоположныхъ вывода. Комиссія по запросамъ, руководствуясь совершенно однѣми и тѣми же посланками, приняла запросъ конституціонно-демократической партіи и отвергла запросъ, внесенный социаль-демократической партіей, поддержанный трудовиками. Я перейду, гг., къ обоснованію запроса, при томъ я долженъ сказать, что обосновываніе будетъ относиться къ обоимъ запросамъ, такъ какъ не только въ тѣхъ рѣчахъ, которыя раздавались и еще будутъ раздаваться съ этой трибуны, но вообще во всей странѣ доказательствъ происходящей азефщины болѣе чѣмъ достаточно, и всякій, гг., не только слѣва, но и изъ центра и справа, кто бывалъ у себя на родинѣ и хоть немного интересовался тѣмъ, что творится во всѣхъ охранахъ и въ полиціи, знаетъ, насколько тамъ процвѣтаетъ провокація и сколько людей она отправляетъ на каторгу и на висѣлицу. Я пойду по порядку. Официальныя сообщенія. Правительство сначала испугалось, начало штрафовать газеты и сначала заявило, что всѣ свѣдѣнія на счетъ Азефа безусловно вымышлены—такъ же, какъ и вся исторія на счетъ того, что чины полиціи участвуютъ въ этомъ; но затѣмъ Правительство повернуло въ другую сторону, когда увидѣло, что предъ Европой не скроешь своего лица, и пошло на путь признанія. Оно намъ сдѣлало признаніе, что Азефъ былъ агентомъ русскаго Правительства, что онъ былъ сыщикъ. Агенту этому, конечно, платилась мзда; даромъ этихъ вещей не дѣлаютъ. Отмѣчу тутъ же, что Азефа Правительство считаетъ весьма важнымъ агентомъ, важнымъ провокаторомъ,

потому что, какъ слѣдуетъ изъ того же объясненія, изъ-за Азефа пришлось арестовать бывшаго директора Департамента Полиціи и заявить, что онъ устранилъ Азефа отъ возможности дѣлать сообщенія объ ожидающихъ страну и отдѣльныхъ лицъ важныхъ террористическихъ актахъ. Намъ, гг., приходится это доказывать, потому что этого не хотятъ признать ни комиссія по запросамъ, ни Правительство, которое покамѣстъ упорно не хочетъ дать своихъ объясненій, хотя ранѣе было заявлено чуть ли не официально, что они будутъ сдѣланы сейчасъ же, какъ только начнутся пренія по запросу. Далѣе намъ приходится доказывать, не ожидая выступленія и признаній со стороны Правительства, что Азефъ былъ членъ партіи социалистовъ-революціонеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ боевикъ и участвовалъ въ тѣхъ или другихъ террористическихъ актахъ. И, я думаю, гг., что докажу достаточно ясно. Сначала я вамъ скажу о томъ документѣ, съ которымъ гр. Бобринскій такъ безцеремонно обращался и о которомъ онъ такъ презрительно говорилъ, но, тѣмъ не менѣе, изъ котораго гр. Бобринскій и Правительство—онъ уже сегодня это призналъ—узнали, что въ 1908 г. были еще два приготовленія къ цареубійству. Думаю, что это фактъ такой важный, особенно для гр. Бобринскаго, что нельзя ругать социалистовъ-революціонеровъ за это извѣщеніе. Чтобы опорочить этотъ актъ, гр. Бобринскій—и, главное, печально то, что онъ дѣлалъ это даже въ докладѣ комиссіи—не нашелъ ничего лучшаго, какъ утверждать, что въ этомъ извѣщеніи центрального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ опечатка, что во всѣхъ газетахъ опечатки; графъ говоритъ, что тамъ должно стоять не 1908 г., а 1907 г., и только тогда нашелъ возможнымъ торжественно утверждать, что въ извѣщеніи все ложь и неправда. Но кто прибѣгаетъ къ такимъ приемамъ, какъ гр. Бобринскій, кто опорочиваетъ чужой актъ, голословно утверждая, что онъ съ опечатками и описками, тотъ что угодно можетъ опровергнуть и оспорить. Другой приемъ былъ такой же: указывалось, что, вотъ, Ширскій—членъ второй Государственной Думы—сказалъ неправду о непричастности партіи социалистовъ-революціонеровъ къ покушенію 1907 г., потому-де, что въ извѣщеніи партіи социалистовъ-революціонеровъ, какъ его по своему изложилъ членъ Думы Бобринскій, говорится другое. Нокогда мы сдѣлали поправку, когда гр. Бобринскій, наконецъ, повѣрилъ, что было не одно покушеніе, а покушенія, какъ слѣдуетъ изъ извѣщенія партіи, то, очевидно, что Ширскій не солгалъ, когда говорилъ о томъ покушеніи, въ которомъ, по утверженію партіи социалистовъ-революціонеровъ, она участія не принимала, а принимала участіе какая-то другая

организація. Дальше, относительно этого акта тутъ уже говорилось, что, что бы ни случилось съ партіей социалистовъ-революціонеровъ, но умышленно на себя напраслину взводить никто не станетъ. Вѣдь, для этого нужно быть потерявшимъ всякій разумъ. Но даже если вы станете на ту точку зрѣнія, что они хотѣли кого-либо порочить и выдумывать, то посмотрите, кого же они порочатъ? Во всемъ своемъ извѣщеніи они порочатъ единственно Азефа; если вы вчитаетесь въ этотъ документъ, то увидите, что они о Правительствѣ очень и очень осторожно выражаются. Ужъ если бы они дѣйствительно хотѣли налгать на кого, то прежде всего, конечно, приплели бы и бывшихъ Министровъ, и теперешнихъ, сказали бы, что такой-то участвовалъ въ такомъ-то убійствѣ, такой-то въ такомъ-то и т. д.; однако, ничего подобнаго они не сдѣлали, потому что въ этомъ своемъ извѣщеніи они указывали только на то, что ими установлено. Они по такимъ-то даннымъ установили, что Азефъ— провокаторъ; они перечислили его дѣянія и огласили. И, наконецъ, въ припискѣ, въ концѣ извѣщенія говорятъ, что центральный комитетъ партіи считаетъ нужнымъ заявить, что разслѣдованіе по дѣлу Азефа продолжается, и результаты, могущіе пролить новый свѣтъ на сообщенные выше факты, будутъ опубликованы своевременно. Такъ что, гг., къ этому акту не нужно относиться съ такимъ предубѣжденіемъ, какъ это дѣлалъ гр. Бобринскій, извращавшій его. Гр. Бобринскому, какъ состоящему въ партіи весьма дружной съ Правительствомъ, не слѣдовало бы смотрѣть такъ на акты, исходящіе отъ партіи социаль-революціонеровъ: ему слѣдовало бы хотя бы справиться объ этомъ у сидящаго рядомъ съ нимъ П. А. Столыпина, который съ этой трибуны не разъ обосновывалъ свои рѣчи ссылками на акты, исходящіе отъ партіи социаль-революціонеровъ,—это было здѣсь по аграрнымъ преніямъ, это было еще и въ первой Думѣ. Но, гг., вы не хотите вѣрить актамъ, исходящимъ изъ центрального комитета социалистовъ-революціонеровъ, которые доказываютъ, что Азефъ былъ боевикъ и участвовалъ въ разныхъ убійствахъ, что онъ, значить, былъ не только агентъ, но агентъ-провокаторъ, который совершилъ рядъ преступленій. Можетъ быть, вы повѣрите другого рода доказательствамъ, исходящимъ отъ самого Азефа. У меня здѣсь имѣется, во-первыхъ, (Марковъ 2, съ мѣста: и ему нельзя вѣрить). Когда дослушаете документъ, тогда заявите, можно вѣрить или нѣтъ... Во-первыхъ, копія письма Азефа, которое, если будетъ нужно, можно будетъ представить, и, кромѣ того, у меня имѣется здѣсь и подлинное письмо Азефа. (*Голосъ справа*: завѣренное?). Завѣрять не надо, это я вамъ,

какъ юристъ, объясню, какъ доказывается подлинность. Такъ вотъ, прежде чѣмъ цитировать эти письма, я вамъ объясню, какъ подлинность писемъ устанавливается. (*Голосъ справа*: мы знаемъ, мы вѣримъ). Азефъ служилъ въ Департаментѣ Полиціи, это признается освѣдомительнымъ бюро. Вѣроятно извѣстно, что когда платятся деньги, по крайней мѣрѣ это требуется правилами Государственного Контроля, надо брать оправдательные документы въ видѣ расписокъ. Затѣмъ Азефъ, который служилъ нѣсколько лѣтъ въ Департаментѣ Полиціи и, вѣроятно, служилъ очень хорошо, такъ какъ изъ-за него пришлось арестовать Лопухина, вѣроятно, онъ давалъ и письменные отчеты, такъ что подлинный почеркъ его руки имѣется въ Департаментѣ Полиціи. Но если бы Департаменту Полиціи захотѣлось это отвергать, я укажу другой путь, чтобы провѣрить, сличить и установить, чей почеркъ въ томъ письмѣ, которое у меня имѣется, и которое будетъ при надобности представлено. Какъ извѣстно изъ газетъ, Азефъ служилъ въ какой-то электрической компаніи и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и служилъ довольно долго; сыскная полиція, вѣроятно, сумѣетъ установить, въ какой компаніи онъ служилъ, не правда ли? Такъ что найдется много рукописей Азефа, такихъ, которыя на волѣ гуляли, для сличенія ихъ съ почеркомъ, которымъ написано письмо, которое я буду цитировать. Далѣе, вамъ объясню, гг., какъ эти письма попали на эту трибуну. Конечно, вамъ извѣстно, и полиціи извѣстно, что я по порученію трудовой группы ѣздилъ въ Парижъ именно для ознакомленія съ этимъ дѣломъ. Я обратился тамъ къ извѣстному писателю—идеологу возрѣнной партіи социалистовъ-революціонеровъ Виктору Чернову, его имя, вѣроятно, извѣстно всѣмъ; можно не соглашаться съ его взглядами, но его талантъ, вѣроятно, вы всѣ признаете; и вотъ, черезъ него я получилъ то письмо Азефа, о которомъ я началъ вамъ говорить. Это письмо было написано Азефомъ одному изъ своихъ товарищей по революціонной дѣятельности, который долженъ былъ участвовать въ извѣстномъ всѣмъ, кто читаетъ газеты, судѣ между редакторомъ „Былого“ Бурцевымъ и центральнымъ комитетомъ партіи социалистовъ-революціонеровъ, въ третейскомъ судѣ, въ которомъ принимали участіе Лопатинъ, Вѣра Фигнеръ и Крапоткинъ. Въ этотъ судъ и было представлено настоящее письмо, затѣмъ черезъ писателя Виктора Чернова оно поступило сюда. Кромѣ того, мнѣ тѣмъ же путемъ доставлена копія другого письма Азефа и мнѣ обѣщали, если будетъ надобность, доставить тоже и подлинникъ. Вотъ, гг., что говорить Азефъ о своей дѣятельности, сначала въ общихъ чертахъ, а потомъ въ деталяхъ.

Когда Азефа уже признали провокаторомъ, это было до 7 января по новому стилю, послѣ того, какъ онъ, чтобы не явиться на судъ, скрылся, то, уѣзжая, онъ послалъ письмо такого содержания: „7 января 1909 г. Вашъ приходъ въ мою квартиру вечеромъ 5 января и предъявленіе мнѣ какого-то гнуснаго ультиматума безъ суда надо мной, безъ дачи мнѣ какой-либо возможности защититься противъ возведеннаго полиціей и ея агентами гнуснаго на меня обвиненія, возмутителенъ“, но, какъ видите, не полиціей возведено обвиненіе, потому что полиція его защищала. (*Голоса*: читайте, читайте)... „и противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ и представленіямъ о революціонной чести и этикѣ; даже Татаринovu, работавшему въ нашей партіи безъ года недѣлю, дали возможность выслушать всѣ обвиненія противъ него и защищаться“. Слушайте теперь дальше: „Мнѣ же, одному изъ основателей партіи социалистовъ-революціонеровъ, вынесшему на своихъ плечахъ всю ея работу въ разные періоды и поднявшему, благодаря своей энергіи и настойчивости, партію на высоту, на которой никогда не стояла другая революціонная организація, приходятъ и говорятъ“, — объ этой энергіи и настойчивости будетъ слѣдующее письмо, — „сознавайся или мы тебя убьемъ. Это ваше поведеніе будетъ, конечно, исторіей оцѣнено. Мнѣ же такое ваше поведеніе даетъ моральную силу предпринять самому на свой рискъ всѣ дѣйствія для установленія своей правоты и очистки своей чести, запятнанной полиціей и вами“. Ну, конечно, на полицію онъ клеветаетъ — она его чести не запятнала. „Оскорбленіе такое, какое мнѣ нанесено, вамъ, знайте, не прощу, и не забываютъ — будетъ время, когда вы дадите отчетъ за это передъ партіей и моими близкими. Въ этомъ я увѣренъ. Въ настоящее время я счастливъ, что чувствую силу съ вами, гг., не считаться. Моя работа въ прошломъ даетъ мнѣ эти силы, подымаетъ меня надъ смрадомъ и грязью, которыми вы теперь окружены и забросали меня. Иванъ Николаевичъ“. Это, какъ знаете, его кличка. „Я требую, чтобы это мое письмо стало извѣстно большому кругу с.-р.“. Это общая аттестація, которую выдаетъ себѣ Азефъ. Теперь перейдемъ къ деталямъ, гдѣ онъ признается въ своихъ дѣяніяхъ, которыхъ не хотѣли здѣсь признать на основаніи извѣщенія центральнаго комитета. Относительно второго его письма, которое я цѣликомъ приводить не стану, потому что оно слишкомъ длинно, а приведу только тѣ мѣста, которыя характерны, но я заявляю, что и цѣлое я не отказываюсь представить въ думскую комиссію, которая нужна для изслѣдованія азефовщины. Относительно второго письма я долженъ сказать прежде всего,

что его онъ пишетъ своему товарищу, который долженъ защищать его на судѣ, и, слѣдовательно, подсказываетъ ему, такъ сказать, доказательства, и, какъ на одно изъ главныхъ доказательствъ, онъ именно указываетъ, какъ, молъ, меня такого, который участвовалъ чуть ли не во всѣхъ убійствахъ послѣ Сипягинскаго,—вы увидите перечень главнѣйшихъ изъ нихъ: Плеве, Богдановича, Великаго Князя Сергѣя—и потому говорить: „какъ меня такого можно заподозрить въ чемъ-либо?“ и издѣвается, высмѣиваетъ Бурцева, который построилъ цѣлую систему уликъ противъ него въ этомъ судѣ и доказывалъ, что Азефъ дѣйствовалъ съ разрѣшенія Рачковскаго, чуть ли не съ разрѣшенія Министра, что Азефъ имѣлъ разрѣшеніе бить въ Петербургѣ всѣхъ, кромѣ Министровъ и Государя Императора. И вотъ онъ иронизируетъ надъ бурцевскими выводами. Но факты, вы увидите, вполне явствуютъ изъ его признанія. Въ началѣ письма, онъ, какъ хитрый человекъ, не желающій этого суда, говоритъ, что если только возможно было бы избѣжать суда, то хотя онъ и не хотѣлъ бы, но, конечно, согласенъ и говоритъ такъ: „если бы еще можно похерить судъ надъ Бурцевымъ, то я бы скорѣе былъ бы противъ этого, чѣмъ за, но, конечно, не имѣлъ бы ничего, если бы тамъ вы такъ и рѣшили это дѣло. А нѣкоторое неудобство есть“, и въ концѣ письма опять высказываетъ ту же мысль: „Конечно, мы унизились съ Бурцевымъ, это недостойно насъ, какъ организациі. Но все приняло такіе размѣры, что приходится унизиться. Мнѣ кажется, что молчать нельзя. Ты забываешь размѣры огласки. Но если вы тамъ найдете возможнымъ наплевать, то я готовъ плюнуть вмѣстѣ съ вами“. Словомъ, онъ всячески избѣгаетъ суда. Въ доказательство же своей невинности въ провокаціи онъ указываетъ на свою біографію, конечно, революціонную, и о ней говоритъ такъ: „не нужно даже знать мою біографію для того, чтобы сказать Бурцеву: этого мало,—а если знать и біографію, то и въ фізіономію Бурцева можно плюнуть!“ А теперь я вамъ процитирую тѣ мѣста, гдѣ онъ рассказываетъ о своей дѣятельности до 15 іюля 1904 г., т. е. до дня убійства Плеве, въ которомъ онъ участвовалъ: „Боевая организациа началась, конечно, не Рачковскимъ, а Гершуни. О Сипягинѣ я узналъ только черезъ нѣсколько дней послѣ акта, что это дѣло Гершуни. Скоро пріѣхалъ Гершуни ко мнѣ и мы сговорились о совмѣстной работѣ съ нимъ въ апрѣлѣ и маѣ 1902 г. Одновременно былъ планъ и на Оболенскаго. Я тогда имѣлъ въ виду Оболенскаго. Не хочу распространяться. Скажу только, что кромѣ сипягинскаго дѣла, я былъ причастенъ и ко всѣмъ другимъ, т. е. къ Оболенскому, и еще ближе—ужь къ Уфѣ, куда

я людей посылалъ“. (*Голосъ справа: хвастунъ*). „Во всякомъ случаѣ, надо считать и эти дѣла съ благословенія начальства“. Для тѣхъ, кто незнакомъ со всѣмъ письмомъ, я поясню, что Бурцевъ обвинялъ его въ томъ, что онъ дѣйствовалъ все время съ вѣдома Рачковскаго. „Разъ я дѣйствовалъ съ вѣдома Рачковскаго и дѣлалъ то-то и то-то, то Рачковскій благословилъ меня и во всѣхъ дѣлахъ Рачковскій участвовалъ“. Далѣе: „А что касается послѣ 15 іюля, то ты, вѣдь, все знаешь; скажу только о Сергѣѣ“. Вотъ онъ здѣсь опять иронизируетъ. „Нѣтъ, раньше вотъ еще что. Ну, совершается 15 іюля, Плеве нѣтъ“. Относительно Плеве Бурцевъ обвиняетъ такимъ образомъ, что Рачковскому было на руку убить при помощи Азефа Плеве, потому что Плеве когда-то уволилъ его со службы.—„Плеве нѣтъ. Рачковскій радъ, врагъ его убить. Онъ не получаетъ муравьевскаго галстука; знаетъ составъ организаціи досконально: по какимъ паспортамъ живетъ, знаетъ, что она раздѣлилась на три части: въ Москвѣ, Питерѣ и Кіевѣ, знаетъ, что ты въ Москвѣ, словомъ, знаетъ все, что ты и я“, и результатъ—убиваетъ Великаго Князя Сергія Александровича. Именно потому, что Азефъ участвуетъ въ убійствѣ Князя Сергія Александровича, онъ рассказываетъ: „Какъ такъ Рачковскому вы позволили убить князя Сергія Александровича послѣ того, какъ Плеве, врага Рачковскаго, я уже убилъ?—Бурцевъ говоритъ: не успѣли арестовать. (Онъ опять полемизируетъ съ Бурцевымъ). Дали по оплошности убить, т. е. знали въ теченіе трехъ или больше мѣсяцевъ, по какому паспорту ты живешь, по какимъ паспортамъ всѣ уѣхали изъ Парижа, когда переѣзжали границу съ динамитомъ, по какому дѣлу живутъ въ Москвѣ, объ извощикахъ, знали, словомъ, все, все, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ,—и даютъ убить Сергѣя; не успѣваютъ, и послѣ убійства тоже никого не берутъ и не устанавливаютъ долго Ивана Платоновича“,—это Каляевъ—„даютъ всѣмъ разѣхаться, ты, кажется, съ паспортомъ, по которому жилъ (хотя не помню); Дора разѣзжаетъ и возится долго“. Вотъ что говоритъ Азефъ о своей дѣятельности по дѣлу Великаго Князя Сергѣя. И фактически дѣло обстояло именно такъ, что онъ въ то время, какъ главный руководитель боевой организаціи, всѣмъ распоряжался, что слѣдуетъ изъ этого извѣщенія центрального комитета социалистовъ-революціонеровъ, и, конечно Департаменту Полиціи это очень хорошо извѣстно, что руководитель боевой организаціи долженъ былъ распоряжаться посылкой на мѣсто всей экспедиціи, что руководитель всегда вырабатываетъ планъ, назначаетъ старшихъ, распредѣляетъ роли, даетъ паспорта, оружіе, динамитъ

и т. д. Такъ вотъ, гг., послѣ того освѣщенія, которое я вамъ далъ, послѣ того указанія, что это письмо подлинное и можетъ быть вами провѣрено, я думаю, что вы уже теперь не станете утверждать, что Азефъ, который получалъ казенныя деньги,—хорошо, еслибы это были только казенныя, а не народныя,—этотъ Азефъ убивалъ Министровъ, этотъ Азефъ убивалъ и членовъ Царской семьи. Теперь, гг., нужно остановиться на томъ, можно ли допустить, что только самъ Азефъ такъ ловко обманывалъ русское Правительство, что никто изъ русскаго Правительства не могъ догадаться о его дѣятельности. Конечно, всякій, кто хоть немного задумается надъ дѣломъ, ничего подобнаго не допустить. Вѣдь, гг., Правительство въ своемъ извѣщеніи освѣдомительнаго бюро заявило, что Азефъ былъ для него весьма важнымъ агентомъ. Конечно, Правительство знало, гдѣ и на какой роли онъ сидитъ, Правительство знало, что онъ и членъ центрального комитета, и членъ боевой организаціи, иначе оно его бы не цѣнило и не могло бы получить отъ него цѣлый рядъ доносовъ, благодаря которымъ множество лицъ были арестованы, напр., хотя бы по дѣлу о покушеніи на сидящаго здѣсь Министра Юстиціи Щегловитаго, которыя были выданы, какъ теперь извѣщаютъ социалисты-революціонеры, Азефомъ, и само Правительство тоже, конечно, знаетъ, отъ кого оно получило свѣдѣнія и, можетъ быть, эти свѣдѣнія оно и намъ сообщить. Но Правительство, гг., черезъ сыскную полицію во всякомъ случаѣ знаетъ и уставъ партіи социалистовъ-революціонеровъ, и уставъ боевой организаціи, и знаетъ, что тамъ такая конспирація, что узнать оттуда что-либо можно только будучи ея членомъ, и если оно имѣло тамъ своего агента Азефа, то отъ него обо всемъ и освѣдомлено было, иначе Правительство напрасно бросало деньги для подкупа и ничего не получало. И вотъ, Правительство имѣетъ Азефа въ своихъ рукахъ, а между тѣмъ совершается одно убійство за другимъ. Убиваютъ Великаго Князя, неужели Правительство не спрашиваетъ у Азефа отчетъ—гдѣ вы были, что вы дѣлали и за что вамъ деньги платили? Вѣдь, если бы оказалось, что Азефъ ничего не сообщилъ, то это было бы самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что Правительство въ своей охранной дѣятельности никуда не годится: оно платитъ громадныя деньги и допускаетъ, несмотря на это, цѣлый рядъ убійствъ высокопоставленныхъ лицъ. Затѣмъ, говорилось въ газетахъ, и Правительство прекрасно это знаетъ и отрицать не будетъ, что въ Варшавѣ былъ убитъ охранникъ Татаровъ по обвиненію въ провокаціи социалистами-революціонерами. Этотъ Татаровъ, будучи агентомъ охран-

наго отдѣленія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ называемымъ, агентомъ центрального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ, т. е. кандидатомъ въ члены центрального комитета, принимавшимъ въ засѣданіяхъ участіе, и только не имѣвшимъ голоса. Слѣдовательно, уже Татаровъ долженъ былъ сообщить Правительству, что вотъ Азефъ членъ центрального комитета и членъ боевой организаціи. И опять я скажу, если Татаровъ ничего Правительству не говорилъ, если Азефъ ничего не говорилъ, такъ единственное, что намъ остается сдѣлать, это то, что всю смѣту на сыскную часть вычеркнуть, потому что зря бросаются деньги. Разъ это не окупается, то зачѣмъ давать деньги? (*Голоса справа: правильно*). Такимъ образомъ, гг., утверждать, что начальство Азефа—тотъ самый Рачковскій, о которомъ здѣсь говорили, и другія лица, съ которыми онъ имѣлъ соприкосновеніе, что они не знали объ участіи Азефа въ убійствахъ, это болѣе чѣмъ наивно. И получается такая картина, что наше Правительство, чрезъ лицъ, сидящихъ въ Департаментѣ Полиціи, дѣйствительно плодитъ въ странѣ азефовщину, огромныя деньги бросаетъ на то, чтобы плодить шпіоновъ, плодитъ агентовъ, провокаторовъ. Надъ этимъ я долженъ остановиться и высказать нѣкоторыя соображенія. И въ докладѣ, и въ газетахъ извѣстнаго направленія уже говорилось, что безъ шпіоновъ, молъ, обойтись нельзя, а вотъ только провокаторовъ не должно быть, и провокація, говорило съ этой трибуны Правительство, всегда преслѣдовалась и будетъ преслѣдоваться. Мы, гг., сидящіе на этихъ скамьяхъ, знаемъ, что возможны и бываютъ такія правительства, которыя не идутъ противъ воли народа, и которымъ противъ своего народа шпіоновъ не нужно,—шпіоны, если допускаются,—только на войнѣ, противъ врага. Если Правительство не врагъ своему народу, если оно свой народъ не считаетъ врагомъ, то конечно противъ народа ему шпіоны не нужны. Но такъ какъ наше Правительство считаетъ народъ своимъ врагомъ, такъ какъ оно всячески давитъ и разстрѣливаетъ его, то, конечно, шпіоны ему нужны. (*Голоса справа: это васъ*). Но такъ какъ оно имѣетъ шпіоновъ, то оно и пожинаетъ отъ нихъ свою жатву; эти шпіоны, конечно, стремятся побольше заработать, это люди, стоящіе на такомъ низкомъ уровнѣ, что, конечно, не стѣсняются заниматься всевозможной провокаціей, и они организуютъ цѣлый рядъ убійствъ, удачныхъ и неудачныхъ, потомъ выдаютъ и за это получаютъ награды. И вотъ вы, которые стоите за шпіоновъ, вы задумайтесь, можно ли имѣть такихъ шпіоновъ, которые не были бы провокаторами? Покамѣстъ всѣ

ваши шпіоны всегда провокаторы и всегда участники ряда убійствъ. Кто, гг., задумывался, кто читалъ процессы, вообще знакомился съ теперешними, такъ называемыми, политическими дѣлами, тотъ знаетъ, что на скамью подсудимыхъ въ ряду экспроприаторовъ всегда попадаетъ непременно одинъ агентъ сыскаго отдѣленія, и военный судъ, хотя на него много нареканій, всегда выноситъ этимъ провокаторамъ смертный приговоръ, только провокаторы эти послѣ смертнаго приговора, благодаря, конечно, заступничеству Департамента Полиціи, потомъ, иногда даже на слѣдующій день, оказываются на свободѣ, подготавливаютъ новыя преступленія, новыя убійства, вновь садятъ цѣлый рядъ ими сорганизованныхъ людей на скамью подсудимыхъ вмѣстѣ съ собою, и опять тѣхъ вѣшаютъ, а они опять отпускаются. Вы сегодня, гг., могли прочесть въ газетахъ, что одинъ такой провскаторъ пять разъ былъ приговариваемъ къ смертной казни. (*Голосъ*: въ какихъ газетахъ?). Это „Рѣчь“, гг., но вѣдь ее не штрафовали за это, а у насъ такъ за все штрафуютъ, что очевидно уже не могли опровергнуть, да и источникъ тамъ указанъ и, вѣроятно, если Правительству будетъ нужно, оно справится. Присяжный повѣренный Кулаковскій, показывая на судѣ въ качествѣ свидѣтеля, указалъ на нѣкоего Харевича, чиновника охраны, который за различныя преступленія былъ пять разъ приговоренъ къ смертной казни, а теперь онъ начальникъ охраннаго отдѣленія въ Радомѣ. Хорошъ начальникъ охраннаго отдѣленія, который пять разъ приговаривался къ смертной казни, и хорошъ Департаментъ Полиціи, который далъ возможность ему пять разъ послѣ смертныхъ приговоровъ организовать опять преступленія, за которыя надо садиться на скамью подсудимыхъ. Гг., мы говоримъ, что Правительство стало теперь на путь провокаціи. Это не теперь, гг., это было уже давно. (*Голоса*: когда же?). Вспомнимъ, гг., зубатовщину, она вспоминалась здѣсь, но я вамъ приведу, гг., одно изъ произведеній Зубатова, который именно и породилъ зубатовщину, мать азефовщины. Въ Москвѣ, какъ вы знаете, Зубатовъ организовалъ вокругъ Департамента Полиціи рабочихъ, ну, можетъ быть, и съ полезными цѣлями. Почитайте, какого рода наставленія онъ давалъ. На одномъ собраніи фабрикантовъ былъ изложенъ планъ организациі рабочихъ въ запискѣ, составленной 26 іюня 1902 г., со словъ Зубатова, въ респектанѣ Тѣстова и опубликованной въ №№ 3, 4 и 5 „Русскаго Дѣла“ за 1905 г. Вотъ характерныя мѣста этой записки, т. е. того, что Зубатовъ, извѣстный охранникъ, рекомендовалъ дѣлать (*читаетъ*): „Нынѣ торгово-промышленное сословіе можетъ

найти искреннія сочувствія и защиту своихъ законныхъ правъ лишь въ охранномъ отдѣленіи. Единственное средство предотвратить погромы капиталовъ и частной собственности“—это я только отдѣльные параграфы цитирую—„является расширение правъ фабричныхъ рабочихъ, но отнюдь не въ законодательномъ порядкѣ, а въ порядкѣ, такъ сказать незаконномъ, нелегальномъ“. Это агентомъ охранной полиціи рекомендуется организоваться рабочимъ въ незаконномъ, нелегальномъ порядкѣ,—это провокація, или нѣтъ? (*Голоса справа: нѣтъ*). „Расширеніе правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ должно состоять въ объединеніи рабочихъ на каждой отдѣльной фабрикѣ въ одно цѣлое, имѣющее свой комитетъ, выбирающее изъ своей среды рабочихъ обоого пола; общій надзоръ за комитетами сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ цѣляхъ особыхъ агентовъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управлять народными громадами“. И такъ, агентъ полиціи, дѣйствующій незаконными, нелегальными путями, организуетъ рабочихъ; для дѣйствованія такимъ образомъ они умудрены долгимъ опытомъ. Дальше: „Охранное отдѣленіе озаботилось подысканіемъ не только благонадежныхъ и испытанныхъ въ забастовкахъ рабочихъ, даже изъ бывшихъ въ административной ссылкѣ, но и устройствомъ питомниковъ, лабораторій для образованія будущихъ дѣятелей, руководимыхъ также людьми, искусными въ этой области“. Значитъ, даже школы агентовъ-провокаторовъ у русскаго Правительства имѣлись, а вы, гг., утверждаете, что у насъ провокаторство не процвѣтаетъ по всему лицу государства. „Всѣ эти учителя и руководители получаютъ приличное вознагражденіе въ видѣ жалованья, харчевыхъ и наградныхъ“. „Дабы рабочіе могли уяснить себѣ возможно основательнѣе права и обязанности, истекающія изъ новаго порядка вещей, охранное отдѣленіе открыло лекціи, привлекая къ этому дѣлу—слушайте, гг.,—его высокопреосвященство Московскаго Митрополита, который, по приглашенію гражданскаго начальства, уже приступилъ къ новому дѣлу просвѣщенія фабричныхъ рабочихъ свѣтомъ Христова ученія“. Это, гг., Зубатовъ организовалъ и говоритъ, что вотъ даже его высокопреосвященство его стараніями привлеченъ для чтенія лекцій и просвѣщенія рабочихъ совмѣстно съ зубатовцами, организующими рабочихъ для внѣзаконныхъ и нелегальныхъ забастовочныхъ выступленій. Гг., если уже провокація умѣетъ,—я склоненъ думать, что именно обманномъ путемъ,—завлечь даже и его преосвященство для своей дѣятельности, то задумайтесь, гг., куда еще шагъ можетъ быть

дальше. (*Голосъ: Азефъ*). Я говорю не только объ Азефѣ, но и объ азефовщинѣ, которая сюда привлекла и васъ, и эту публику. А дѣло Гапона! Вѣдь Гапонъ тоже состоялъ на службѣ охраннаго отдѣленія, ему тамъ тоже было позволено по такому же, какъ зубатовскій, рецепту организовать рабочихъ, но только Гапонъ увлекся, онъ дѣйствительно организовалъ съ попеченіемъ охраннаго отдѣленія рабочихъ и... произошелъ актъ 9 января. Ужъ не знаю, кому онъ пріятель, конечно, не Правительству, не Верховной Власти, не тѣмъ тысячамъ народа, которая дѣятельностью охраннаго отдѣленія и увлекшагося Гапона, состоящаго на службѣ охраннаго отдѣленія, были перестрѣляны на улицахъ Петербурга. Дальше, гг., вы знаете, что когда этотъ Гапонъ, увидѣвши, что его дѣло плохо, бѣжалъ за границу, то русское Правительство нашло, тѣмъ не менѣе, возможнымъ обратиться къ нему и предлагать хорошій кушъ въ 100.000 р., какъ говорятъ, для того, чтобы онъ выдалъ тамъ, не знаю, боевую организацію или центръ партіи социалистовъ-революціонеровъ. (*Голосъ справа: не скромничайте*). Онъ хотѣлъ это сдѣлать, и партія социалистовъ-революціонеровъ рѣшила изобличить его на мѣстѣ и убить вмѣстѣ съ Рачковскимъ на свиданіи въ одномъ изъ ресторановъ. Но такъ какъ Рачковскій въ данномъ случаѣ перехитрилъ, то удалось убить не Рачковскаго, а только одного Гапона на другомъ свиданіи. Дальше. Изъ этихъ провокаторовъ, которыхъ такъ заманиваютъ народные капиталы, находящіеся въ распоряженіи Департамента Полиціи,— изъ этихъ провокаторовъ вербуются вѣдь, во-первыхъ, цѣлый рядъ чиновниковъ, служащихъ въ Департаментѣ Полиціи, которыхъ уже перечислялъ членъ Государственной Думы Покровскій 2. Конечно, ихъ число очень велико. Во-вторыхъ, изъ этихъ же провокаторовъ потомъ находились мудрецы, въ родѣ Казанцева, которые малоопытныхъ, темныхъ рабочихъ, прочитавшихъ одну-другую брошюру лѣваго направленія, направляли на убійство такихъ лицъ, какъ бывший членъ Государственной Думы Юлосъ, и такихъ лицъ, какъ бывший Предсѣдатель Совѣта Министровъ Витте. Это тотъ самый Казанцевъ, который потомъ поплатился и былъ убитъ обманутымъ и подвинутымъ на эти убійства и покушенія рабочимъ. Этотъ Казанцевъ сынъ той системы, которой такъ прокровительствуетъ русское Правительство. Такимъ образомъ получается картина, что у насъ въ борьбѣ съ народомъ началось такое насажденіе: для того, чтобы блюсти надъ обывателемъ, вначалѣ поставили квартальнаго, — и бѣ простая полиція. Показалось мало,—надъ квартальнымъ и надъ обывателемъ поставили жандармовъ. Тѣ стали употреблять бо-

лѣе тонкія средства сыска, блюли и надъ обывателемъ и надъ квартальнымъ; оказалось мало. Тогда, гг., Правительство, въ борьбѣ съ народомъ, со всякимъ проявленіемъ свободы, нашло нужнымъ и надъ обывателемъ, и надъ квартальнымъ, и надъ жандармомъ поставить охранное отдѣленіе. И бѣ охранное отдѣленіе и надъ обывателемъ, и надъ квартальнымъ, и надъ жандармомъ. Но и этого оказалось мало и пришлось во главѣ всего поставить агента-провокатора, который и завершилъ пирамиду дѣятельности русскаго Правительства, дѣятельности, направленной къ подавленію русскаго народа. (*Рукопелсканія слава; голоса справа: слава Богу, кончилъ*).

Кн. Тенишевъ (Орловская губ.). Гг. члены Государственной Думы. Тѣ данныя, которыя были здѣсь представлены членами Государственной Думы Покровскимъ 2 и Булатомъ, несомнѣнно, являются нѣсколько обосновывающими тотъ запросъ, который былъ внесенъ по иниціативѣ социаль-демократической фракціи и который комиссія предполагала отвергнуть. Но какъ бы ни были подробны данныя, представленныя предыдущими ораторами о дѣятельности Азефа, все-же считать, что обвиненіе Правительства въ дѣятельности провокаціонной, какъ системъ, было-бы доказано, положительно невозможно, и эту часть запроса слѣдуетъ считать совершенно необоснованной. Засимъ еще надо сказать, что дѣятельность Рачковскаго является также совершенно необоснованной и недоказанной; остается такимъ образомъ дѣятельность Азефа, которая затронута также и въ томъ второмъ запросѣ, который комиссія предлагаетъ вамъ принять. Такимъ образомъ, требованіе социаль-демократической фракціи въ сущности уже въ достаточной мѣрѣ является удовлетвореннымъ принятіемъ второго запроса, касающагося дѣятельности Азефа, и этимъ надлежало бы и ограничиться. Что касается авторовъ второго запроса, то по сіе время объясненія въ общемъ собраніи Думы они намъ не представили. Количественно данныхъ было представлено въ обоихъ запросахъ много, но обоснованными они признаны быть не могутъ. Тѣмъ не менѣе эти данныя такъ широки и создали такое возбужденіе умовъ въ странѣ, создали такое положеніе, при которомъ нѣтъ возможности оставлять дѣло безъ дальнѣйшаго разъясненія. И вотъ на этой точкѣ зрѣнія комиссія по запросамъ стояла, по моему убѣжденію, принимая запросъ и предлагая Государственной Думѣ его принять. Нѣтъ сомнѣнія—это трафаретная истина,—запросъ не есть обвиненіе, которое мы бросаемъ Правительству. Нисколько: это есть осуществленіе права Государственной Думы контролировать

правительственную дѣятельность. Но, съ другой стороны, это есть то право, которое даетъ Правительству возможность обѣлить себя и поставить престижъ власти высоко передъ страной. Разъ нѣтъ основаній отступаться отъ принятія запроса, то мнѣ кажется столь же очевиднымъ, что всѣ дальнѣйшія пренія по этому запросу являются, въ сущности, лишней тратой краснорѣчія, раньше, чѣмъ запросъ былъ бы принятъ, и раньше, чѣмъ Правительство дастъ объясненія. Вотъ почему я первый считаю долгомъ подать примѣръ и отъ дальнѣйшихъ разсужденій по этому предмету отказываюсь.

Пергаментъ (г. Одесса). Мы второй разъ слышимъ съ этой трибуны, гг. члены Государственной Думы, что запросъ—еще не обвиненіе, и, тѣмъ не менѣе, второй разъ съ этой трибуны отъ насъ требуютъ доказательства, какъ если бы мы предъявили обвиненіе. Спѣшу васъ успокоить, гг., я самъ уже теперь представлю доказательства, а для любителей разнообразія, даже для двухъ уголовныхъ обвиненій. Если я дѣлаю эти предпосылки, то не для того, чтобы уйти отъ необходимости доказать передъ вами возможность предъявленія уголовного обвиненія противъ Правительства, но я утверждаю, что вы-то права требовать отъ насъ доказательствъ не имѣете, ибо совершенно достаточно, чтобы мы, на основаніи обстоятельствъ, ставшихъ намъ извѣстными и могущихъ, на случай ихъ провѣрки, соотвѣтствовать дѣйствительности, въ состояніи были предъявить какое-либо обвиненіе. Сейчас же достаточно обратиться къ Правительству и сказать: потрудитесь намъ по поводу смущающихъ насъ обстоятельствъ дать опредѣленное разъясненіе. Если вы сообщите намъ свѣдѣнія, которыя будутъ свидѣтельствовать, что насъ ввели въ заблужденіе, то мы скажемъ: слава Богу, что туманъ оказался только туманомъ; слава Богу, что призракъ, пугавшій насъ, разсѣялся. Но когда вы, гг., сидите здѣсь вмѣстѣ съ представителями Правительства и выжидаете, не проговорится ли оппозиція, а сами никакихъ разъясненій не даете, то позвольте мнѣ думать, что въ такомъ вашемъ поведеніи заключается не проявленіе силы и увѣренности въ томъ, что въ основѣ запроса нѣтъ никакихъ доказательствъ, а расчетъ на то, что, быть можетъ, данныя, имѣющіяся у оппозиціи, таковы, что мы въ своемъ отвѣтѣ увильнемъ какъ-нибудь и не дадимъ тѣхъ разъясненій, которыя на случай дачи ихъ могутъ насъ уличить. (*Рукоплеканія слѣва*). Вѣдь, собственно говоря, гг. (и я это неоднократно говорилъ съ этой трибуны), съ точки зрѣнія нашего го-

сударственного права, право интерпелляціи отличается отъ права интерпелляціи въ настоящей конституціонной странѣ только тѣмъ, что въ то время, какъ тамъ обращаться къ Правительству съ запросомъ можетъ каждый членъ законодательной палаты, у насъ это обставлено тѣмъ ограниченіемъ, что такой вопросъ должны предъявить 30 чел., и въ то время, какъ тамъ можно запрашивать Правительство и о нецѣлесообразныхъ его дѣйствіяхъ, у насъ его можно спрашивать только о дѣйствіяхъ незаконномѣрныхъ. Но уже въ самый моментъ постановки такого вопроса, какъ запроса, законодательная палата обязана его принять, а выслушавъ отвѣтъ Правительства, вотировать ему довѣріе или недовѣріе. Въ этой стадіи требовать отъ лицъ, которыя запрашиваютъ, предъявленія какихъ-либо доказательствъ, признавая въ то же время, что запросъ не есть обвиненіе, значитъ желать подслужиться тому Правительству, которое предпочитаетъ до поры до времени молчать, а не говорить. Комиссія по запросамъ, въ сущности, по тому запросу, который обязанъ поддерживать я, какъ первый подписавшій запросъ партіи народной свободы, дала заключеніе вполне благопріятное. Комиссія по запросамъ находитъ, что запросъ нашъ подлежитъ принятію. Правда, докладчикъ,—его соображенія остаются, конечно, на его совѣсти и отвѣтственности,—прибавилъ къ заключенію комиссіи нѣсколько положеній отъ себя. Я на нихъ остановлюсь вкратцѣ, только для того, чтобы показать, что всѣ эти соображенія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, а стало быть тотъ запросъ, который предъявляемъ мы, сугубо подлежитъ принятію, ибо тѣ сомнѣнія, которыя выдвигаются докладчикомъ, лишены всякаго основанія. Эти сомнѣнія дѣлятся на двѣ категоріи: съ одной стороны, это сомнѣнія характера формальнаго, съ другой—матеріальнаго, по существу самаго фактическаго содержанія, лежащаго въ основѣ нашего запроса. Формально докладчикъ находитъ, что матеріалы, которыми мы пользуемся, не могутъ считаться внушающими довѣріе по самому источнику своего происхожденія. Гг. члены Государственной Думы, у готтентотовъ тоже есть кодексъ морали, и въ этомъ кодексѣ содержится одно очень остроумное положеніе: если я у кого-нибудь украду, то поступлю хорошо, но если украдутъ у меня, то это плохо. Такое правило существуетъ не только у готтентотовъ. Здѣсь уже указывалось, что Правительство съ вашего, гг. члены Государственной Думы, разрѣшенія и съ вашего даже привѣтствія, ссылалось на документы, исходящіе отъ социаль-революціонной организаціи, и ссылалось на нихъ, какъ на документы официальнаго характера. Г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ цитировалъ

и платформу социаль-демократической партии, и послѣдній протоколъ лондонскаго съѣзда, сопровождая свои ссылки словами: „я цитирую официальные документы“, и эти его слова были встрѣчаемы громогласными рукоплесканіями законодательной палаты. Думаю, что у этой законодательной палаты двухъ способовъ оцѣнки нѣтъ, и что если въ устахъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ ссылка на документы, исходящіе изъ социаль-революціонной партии, имѣла характеръ ссылки на документы официальные, то и намъ будетъ позволено считать эти документы не лишенными значенія по источнику своего происхожденія. Намъ говорятъ далѣе: „независимо отъ источника своего происхожденія, документы эти лишены значенія потому, что они исходятъ отъ явно заинтересованной стороны“, а нынче здѣсь докладчикъ добавилъ, что „этотъ интересъ заключается въ томъ, что социаль-революціонная партия, утопая въ грязи, старается грязью забрызгать и ненавистное ей Правительство“. Такъ можетъ говорить только тотъ, кто не прочелъ тѣхъ документовъ, которые исходятъ отъ социаль-революціонной партии. Нужно знать исторію этого разоблаченія. Исторія его, гг., есть исторія борьбы центрального комитета социаль-революціонной партии съ тѣми лицами, которыя въ нѣдрахъ партии давно заподозрѣвали наличность провокаціи. Въ теченіе долгаго времени центральный комитетъ не поддавался требованіямъ цѣлаго ряда отдѣльных группъ и отдѣльных лицъ начать противъ Азефа дѣло. Мало того, первое проявленіе и первое дѣйствіе центрального комитета заключалось не въ томъ, что Азефъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности, а въ томъ, что Бурцевъ обвинялся въ клеветѣ и, конечно, пораженіемъ центрального комитета было установленіе виновности Азефа и необходимость для центрального комитета признать, что непринятіе всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя ему задолго сообщались къ свѣдѣнію и исполненію, послужило основаніемъ къ цѣлому ряду печальныхъ, съ точки зрѣнія центрального комитета, послѣдствій. Эта борьба, въ концѣ концовъ, завершилась полнымъ паденіемъ нравственнаго авторитета центрального комитета. И въ томъ самомъ объявленіи, которое лежитъ въ основѣ запроса, центральный комитетъ говоритъ: „центральный комитетъ считаетъ, что главная доля отвѣтственности за допущеніе провокаціи всею тяжестью ложится на него, какъ на руководителя партійной жизнью“. Когда центральный органъ партии свидѣтельствуетъ о фактѣ, который подкапываетъ его нравственное партійное значеніе, когда онъ свидѣтельствуетъ о событіяхъ, самое установленіе которыхъ лишаетъ его возможности дальнѣйшаго руководства, когда онъ свидѣтельствуетъ

о фактахъ, наличность которыхъ возлагаетъ на него отвѣтственность за небрежное, невнимательное отношеніе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были ему доставлены раньше, то вы не въ правѣ сказать, что онъ дѣйствуетъ явно заинтересованно и что кого-то хочетъ втоптать въ грязь. Если бы Правительство сегодня сдѣлало намъ заявленіе, что погромы въ Одессѣ происходили подъ руководствомъ градоначальника Нейдгарда, что рядъ экспроприаций въ различныхъ городахъ происходилъ подъ руководствомъ губернаторовъ и начальниковъ полиціи, то никто бы не сказалъ, что этимъ документамъ, по явной заинтересованности, вѣры давать не слѣдуетъ. (*Рукоплесканія слева*). Всякій сказалъ бы: мы привѣтствуемъ Правительство, которое имѣетъ мужество сознаться въ томъ, что несетъ долю отвѣтственности за тѣ печальныя событія, которыя произошли. Говорить въ настоящую минуту, что документы, исходящіе изъ центрального комитета и говорящіе противъ центрального комитета, что документы эти по внутренней своей заинтересованности не заслуживаютъ вашего уваженія, съ точки зрѣнія обоснованности предлагаемаго Правительству запроса, значить, на мой взглядъ, нѣсколько растягивать и безъ того слишкомъ эластичные предѣлы угодливости Правительству. (*Голоса слева: браво*). Я скажу вамъ, гг., что если бы вы познакомились со спеціальнымъ журналомъ, который настоящему вопросу удѣлилъ не мало мѣста, вы бы увидѣли, съ какой осторожностью этотъ самый центральный комитетъ и вся социаль-революціонная организація устанавливаютъ связь Азефа съ Правительствомъ. Я позволю себѣ вамъ процитировать нѣкоторыя мѣста: „участвовалъ ли Азефъ, спрашиваетъ „Революціонная Мысль“, въ нѣкоторыхъ актахъ на свой страхъ и рискъ для внушенія вящаго довѣрія революціонерамъ и, при томъ, скрывая это отъ своего охраннаго начальства, или же его охранное начальство разрѣшало ему принимать участіе въ отдѣльныхъ террористическихъ актахъ, или завѣдомо допускало ихъ выполненіе; доносилъ ли Азефъ своевременно своему начальству о всѣхъ или многихъ извѣстныхъ ему предположеніяхъ, о многихъ террористическихъ актахъ, но вслѣдствіе личныхъ интригъ между жандармами и охранниками довѣренное имъ дѣло страдало; или же въ расчетъ нѣкоторыхъ охранниковъ высшаго калибра, какъ напр., Рачковскаго, входило устраненіе тѣхъ или другихъ сановниковъ, какъ напр., Плеве, — не знаемъ. Всѣ эти гипотезы допустимы и остаются допустимыми“. Вы видите, что органъ партіи не рѣшается даже установить опредѣленное основаніе и опредѣленные мотивы предательской дѣятельности Азефа. При такихъ усло-

віяхъ утверждать, что органъ, который занятъ исключительно въ своихъ, конечно, интересахъ, очисткой себя отъ элемента, мѣшающаго ему дѣйствовать, старался, въ этой своей разоблачительной дѣятельности, бросить грязью въ Правительство, — представляется результатомъ полного игнорированія содержания прочитанныхъ документовъ. Докладчикъ, конечно, долженъ былъ быть нѣсколько болѣе осторожнымъ въ дѣлѣ критики того матеріала, который лежитъ въ основѣ настоящаго запроса. Требованиямъ этой осторожности онъ не удовлетворилъ. Въ своемъ стремленіи найти внутреннее противорѣчіе въ документахъ, положенныхъ въ основу запроса, онъ пошелъ такъ далеко, что, пожелавъ установить противорѣчіе между отдѣльными частями, сдѣлалъ — не знаю на какомъ основаніи — предположеніе о томъ, что цифры, сообщенныя въ газетахъ и въ запросѣ, явились результатомъ опечатки, — и только тогда, когда онъ допустилъ такое *petitio principii* и сдѣлалъ допущеніе, что имѣется опечатка, ему удалось установить наличность того противорѣчія, которое ему было необходимо для дискредитированія предъявленнаго запроса Гг., сегодня уже говорилось, что здѣсь никакой опечатки нѣтъ, что указаніе на событія 1908 г. относятся совсѣмъ къ другой категоріи явленій, нежели тѣ, по поводу которыхъ свидѣтельствовалъ депутатъ Ширскій во второй Государственной Думѣ, и никакого противорѣчія между этими двумя событіями нѣтъ; передъ Государственной Думой вовсе не ставится вопросъ: какому же доказательству повѣрить, какъ можно вѣрить той организаціи, официальные комитеты которой объ одномъ и томъ же событіи даютъ свѣдѣнія діаметрально противоположныя. Всѣ соображенія, которыя докладчикъ выдвигалъ, такимъ образомъ, отъ себя лично, соображенія, которыя клонились къ опорочиванію запроса съ формальной и матеріальной стороны, всѣ они, на мой взглядъ, не имѣютъ подъ собой рѣшительно никакой почвы, и запросъ, который мы предъявляли и который комиссія признаетъ необходимымъ принять, сугубо подтверждается, благодаря устраненію тѣхъ сомнѣній, которыя выдвинуты докладчикомъ. Другихъ сомнѣній, кажется, не возникаетъ. Самый вопросъ, поставленный какъ вопросъ о провокаціи, врядъ ли требуетъ здѣсь какихъ бы то ни было разъясненій. Съ точки зрѣнія всѣхъ партій Думы и даже крайнихъ правыхъ, провокація — зло, которое, несомнѣнно, не должно быть допущено Правительствомъ. Даже депутатъ Замысловскій указывалъ здѣсь, при обсужденіи виленскаго запроса, что провокація никогда не можетъ быть допущена и никогда не будетъ допущена при наличности кабинета Столыпина. Итакъ, провокація нетерпима, она недопустима. Въ

этомъ вопроса никакого нѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы сомкнуть ту цѣпь логическаго разсужденія, которое я буду имѣть честь представить Государственной Думѣ, не на основаніи матеріаловъ, принесенныхъ извнѣ, а на основаніи данныхъ, которыя сообщены Законодательной Палатѣ въ различное время самимъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Когда въ 1906 г. въ первой Государственной Думѣ обсуждался вопросъ о несомнѣнно доказанныхъ провокаціонныхъ актахъ, исходившихъ изъ охраннаго отдѣленія, то нынѣшній Предсѣдатель Совѣта Министровъ, тогда Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, сказалъ, что онъ недомолвокъ не допускаетъ и полуправды не признаетъ, къ вопросу о провокаціи подходить не съ точки зрѣнія оцѣнки дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, а съ точки зрѣнія проверки годности того орудія власти, которое имѣется у него въ рукахъ. А когда онъ конкретно отъ этихъ общихъ вопросовъ, перешелъ къ частнымъ, онъ сказалъ, — для точности позвольте прочесть слѣдующее (*читаетъ*): „Для Министра Внутреннихъ Дѣлъ несомнѣнно, что отдѣльные чины корпуса жандармовъ позволяли себѣ вмѣшиваться въ политическую борьбу и политическую агитацію. Эти дѣйствія неправильны, и Министерство обязывается принимать самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы они не повторялись. Я могу ручаться, что повторенія ихъ не будетъ“. Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ указали тогда на то, не является ли такое обѣщаніе чрезмѣрнымъ, что цѣлый рядъ явленій выходитъ изъ сферы компетенціи Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что тѣ явленія, отдѣльной иллюстраціей которыхъ была провокація къ погромамъ, не могутъ при всей честности, искренности и при всемъ желаніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ быть имъ остановлены. Когда, такимъ образомъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ былъ предупрежденъ, что его обѣщаніе, быть можетъ, помимо его воли, не будетъ имъ исполнено, то Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отвѣтилъ: „я получилъ всю полноту власти и на мнѣ лежитъ вся отвѣтственность“. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обязался такимъ образомъ, чтобы опредѣленная группа явленій перестала имѣть мѣсто. Онъ принялъ на себя извѣстную отвѣтственность, принялъ не легкомысленно, быть можетъ, самонадѣянно, но совершенно сознательно. Я утверждаю, что лицо, которое, обязавшись по зрѣлому размышленію предупредить преступныя послѣдствія опредѣленнаго событія, таковыхъ въ дѣйствительности не предупредило, совершило дѣяніе по меньшей мѣрѣ незаконное, я называю его такъ по эвфемизму, но ст. 48 Угол. Улож. называетъ его иначе. Если вамъ угодно было взять на себя всю отвѣтственность, то потрудитесь въ настоящую минуту ее нести.

и съ этой точки зрѣнія съ меня совершенно достаточно установленія такого положенія: вы пользуетесь такими приемами, которые вырождаются въ преступныя дѣйствія; вы обязались, заявивши, что у васъ есть вся полнота власти, не допускать до наличности такихъ преступныхъ послѣдствій,—они тѣмъ не менѣе наступили,—потрудитесь за нихъ отвѣчать. (*Голоса справа*: это надо доказать, гдѣ они?). Наступили ли эти преступныя послѣдствія?

Предсѣдатель. Прошу не переговариваться.

Пергаментъ. Эти преступныя послѣдствія наступили, къ сожалѣнiю, въ кроваво-объективировавшихся итогахъ. Цѣлый рядъ убійствъ совершился при участii лица, которое признаетъ свое собственное въ нихъ участiе. Кажется, спорить противъ этого участiя, которое я вамъ, гг., докажу еще и иначе, безъ всякихъ документовъ, но совершенно неопровержимо, нельзя. (*Голосъ справа*: попробуйте). Гг., мы заговорили о провокации Азефа, какъ о чемъ то совершенно неожиданномъ, точно среди яснаго дня грянулъ громъ, и мы всѣ поражены. Да развѣ дѣло Азефа—дѣло новое? Зачѣмъ же намъ фарисействовать? Вѣдь, нѣтъ ни одного уголовного процесса на политической почвѣ, въ которомъ не присутствовалъ бы и не игралъ своей роли провокаторъ. Я захватилъ недавнее постановленiе судебного слѣдователя Петербургскаго окружнаго суда. Позвольте мнѣ вамъ прочитать одно изъ мѣстъ, не лишенныхъ интереса (*читаетъ*): „Допрошенный 22 октября 1906 г. въ петербургской одиночной тюрьмѣ судебнымъ слѣдователемъ Обухъ-Вощатинскимъ, въ качествѣ обвиняемаго, В. Б. Егановъ 21 года, мѣщанинъ, служащiй въ полиции при охранкѣ, показываетъ: „я признаю себя виновнымъ, но лишь въ совершенiи преступленiй, предусмотрѣнныхъ ст. 924, 927, 1633, 1634, 1454 Улож. о Нак.“ Я позволю себѣ для тѣхъ, которые языка цифръ не знаютъ, сказать, что предусматриваютъ эти статьи—составленiе шайки для разбоя, разбой со смертоубiйствомъ и предумышленныя убiйства. Такъ вотъ, въ этомъ Егановъ себя виновнымъ признаетъ, но (*читаетъ*): „я не признаю себя виновнымъ по ч. I ст. 126 Улож. о Нак., я, въ качествѣ агента Севастопольскаго охраннаго отдѣленiя, вошелъ въ сношенiя съ социаль-демократами, сдалъ начальству ихъ типографiю и главарей, сошелся съ социаль-революціонерами, узналъ о лицахъ, которыя вели типографiю, сдалъ начальству, а затѣмъ меня посадили „для дѣла“ въ Севастопольскую тюрьму“. Гг., это трафаретное показанiе. Въ каждомъ судебномъ политическомъ процессѣ, либо вмѣстѣ съ подсудимыми на скамьѣ подсудимыхъ, либо отдѣльно является этотъ

агентъ-провокаторъ. Недавно въ Вильнѣ въ судебной палатѣ— дѣло сейчасъ находится въ Правительствующемъ Сенатѣ, это дѣло Сирійской, Монтвиля и др. — агентъ заявилъ, что онъ явился къ ученикамъ и ученицамъ въ мундирѣ рядового, заявилъ имъ, измышленно разумѣется, что фельдфебель притѣсняетъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, сталъ ихъ убѣждать, что на фельдфебеля надо произвести покушеніе, въ теченіе долгаго времени просилъ ихъ содѣйствія, а затѣмъ принесъ имъ взрывчатая вещества, не замедливъ, разумѣется, сообщить о семъ полиціи. Когда его спросили: „послушайте, какъ же вы могли это сдѣлать?“—онъ объяснилъ, что ему начальство такъ приказало, ибо такъ познается направленіе и образъ мыслей. Это, гг., тоже трафаретное показаніе. И послѣ того, какъ каждый день во всѣхъ углахъ Россійской Имперіи обвиненія устанавливаются на такихъ показаніяхъ, а подчасъ еще усугубляются предательствомъ Правительства, ибо зачастую сопровождаются осужденіемъ и агентовъ-провокаторовъ, вы разыгрываете наивныхъ людей, когда вамъ говорятъ о провокаціи Азефа. Вы въ первый разъ объ этомъ услышали? Да, вѣдь, провокація Азефа отличается отъ другихъ только тѣмъ, что она болѣе красочна, по составу людей убивавшихъ, и болѣе красочна, по составу лицъ убиенныхъ, но въ основѣ своей она рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ обыкновенныхъ политическихъ провокацій, въ которыхъ альфа и омега нашего политическаго управленія. (*Рукоплесканія слѣва*). Да, гг., низокъ тотъ Егановъ, который виновенъ въ цѣломъ рядѣ разбоевъ и смертоубійствъ, а сверхъ того является еще и предателемъ, но сколь ниже та власть, которая пользуется такими сотрудниками для того, чтобы обезпечивать свое существованіе. Полиція, вообще, вещь въ высокой степени тонкая и острая. Про полицію очень остроумно говорилъ Талейранъ, что она занимается прежде всего тѣмъ, что ея касается, а затѣмъ и всѣмъ тѣмъ, что ея не касается. Когда нужно въ этой дѣятельности проводить демаркаціонную линію и приходится отдѣлять полицію наблюденія, полицію предупрежденія отъ назойливаго вмѣшательства въ частную жизнь, то помимо чувства порядочности, котораго, конечно, въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ еще не достаточно для отграниченія шпіонства отъ провокаціи, необходимо твердо сознаваемое чувство законности. А въ какой степени агенты полиціи способны сознавать это чувство законности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ -- для этого не надо далеко ходить за примѣрами. Недавно, гг., былъ такой случай: начальникъ охраннаго отдѣленія для того, чтобы выпытать у заключеннаго обстоятель-

ства, которыми сопровождалось совершенное преступление, явился къ нему въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, которому доверена защита подслѣдственнаго, и содержащійся сообщилъ ему всѣ свѣдѣнія обо всѣхъ обстоятельствахъ. Вы скажете, что это тоже дозволенный приемъ сыска? Гдѣ, спрашивается, вы установите тотъ предѣлъ, послѣ котораго сыскъ изъ приемовъ наблюденія, яко бы, необходимыхъ для Правительства, превращается въ то сознательное нарушение закона, которое является предметомъ нашего запроса въ настоящемъ случаѣ? Съ этой точки зрѣнія, гг., новаго въ азефскомъ запросѣ ничего рѣшительно нѣтъ. Но если въ принципѣ ничего новаго нѣтъ, то въ высокой степени интересно отношеніе Правительства къ этому запросу. Когда я останавливаюсь на вопросѣ объ отношеніи Правительства, мнѣ вспоминаются впечатлѣнія людей, которыхъ принято называть носителями общественной совѣсти, носителями житейской мудрости — присяжныхъ засѣдателей въ уголовномъ процессѣ: когда судятъ человѣка и относительно подсудимаго оказывается, что въ первую голову онъ заявилъ, что онъ абсолютно себя ни въ чемъ виновнымъ не признаетъ, а затѣмъ понемногу, подъ давленіемъ судебного слѣдователя, а въ послѣдствіи подъ давленіемъ уличающихъ его обстоятельствъ, начинаетъ понемногу сознаваться, то впечатлѣніе, гг., получается отвратительное, и присяжные засѣдатели, какъ люди опыта, умудренные жизнью, обыкновенно говорятъ: „этотъ человѣкъ, начавши съ неправды, никакого довѣрія съ нашей стороны не заслуживаетъ“. (*Рукоплеканія слѣва*). Когда я эти свои личные воспоминанія изъ уголовныхъ защитъ примѣняю къ отношенію Правительства къ азефскому запросу, то я не могу не вспомнить, что прежде всего Правительство въ первую голову разыграло «немогузнайку» — Азефа не знаю, всѣ свѣдѣнія вымышлены, ничего и никогда не было. Правда, „Россія“ признала возможнымъ установить, что между первымъ сообщеніемъ Правительства, отрицавшимъ какое-либо участіе Азефа, и между вторымъ сообщеніемъ „освѣдомительнаго бюро“ о томъ, что Азефъ является агентомъ, нѣтъ никакого противорѣчія, но это взгляды, конечно, „Россіи“, и я сомнѣваюсь, чтобы Государственная Дума его раздѣлила. Между этими двумя свѣдѣніями и сообщеніями я дѣйствительно усматриваю нѣкоторую однородность, но однородность въ извращеніи дѣйствительности, ибо и второе сообщеніе оказалось не совсѣмъ точнымъ, потому что его поспѣшили дополнить третьимъ. Между прочимъ, это третье сообщеніе въ высокой степени интересно. Когда, въ той же первой Государственной Думѣ, къ г. Министру Внутреннихъ

Дѣль обратились съ вопросомъ, извѣстна ли ему дѣятельность Рачковскаго, извѣстно ли ему, что Рачковскій, несмотря на то, что онъ былъ устраненъ отъ должности вице-директора Департамента Полиціи, тѣмъ не менѣе, на слѣдующій же день сѣлъ за тотъ же столъ, но только подъ названіемъ чиновника особыхъ порученій, и извѣстно ли Министру Внутреннихъ Дѣль, что тотъ же Рачковскій получилъ въ утѣшеніе за свое удаленіе 75.000 р.,—г. Министръ Внутреннихъ Дѣль въ отвѣтъ заявилъ, что Рачковскій никакой службы по Министерству Внутреннихъ Дѣль болѣе не несетъ и, въ частности, по охранѣ. А въ третьемъ сообщеніи Правительства мы къ великому изумленію прочитали, что Правительство спѣшитъ защитить Рачковскаго, какъ лицо, продолжающее нести службу по Департаменту Полиціи. (*Рукоплесканія слыва; голоса: браво*). Гг. члены Государственной Думы, Правительство въ своемъ второмъ сообщеніи намъ заявило, что Азефъ былъ членомъ партіи. Это обстоятельство оно признало, какъ, равнымъ образомъ, оно признало и свою обязанность защищать Азефа тѣмъ, что оно послало къ нему Герасимова. Но членомъ какой партіи былъ Азефъ, членомъ какого общества, разъ онъ имѣлъ возможность сообщать Правительству обо всѣхъ террористическихъ актахъ, которые замышлялись? (*Голосъ: кадетовъ*). Онъ былъ членомъ боевой организациі. Гг., боевая организациа, вѣдь, это не театральны клубъ, въ который вступаютъ внесши 5 р. и получая, такимъ образомъ, права дѣйствительнаго члена. Это даже не клубъ общественныхъ дѣятелей (*смѣхъ*), это боевая организациа, въ которую принимаются только боевики, только тѣ люди, которые дѣйствительно имѣютъ за собою опытъ террористическаго дѣйствованія. Правительство признало, что Азефъ былъ членомъ боевой организациі. Я спрашиваю Правительство: когда Азефъ, впервые, сообщилъ ему составъ этой боевой организациі, предположенныя намѣренія ея, рядъ дѣйствій, которыя она собиралась совершить, отчего Правительство не пресѣкло дѣятельность этой организациі? (*Голосъ справа: они въ Парижѣ*). Цѣлый рядъ лицъ находился въ Россіи и, если вамъ угодно, я вамъ представлю донесенія Департамента Полиціи о томъ, какъ Гершуни преспокойнѣйшимъ образомъ проживалъ въ г. Петербургѣ. (*Голосъ справа: подъ чужой фамиліей; звонокъ Предсѣдателя*). Правительство имѣло возможность своевременно захватить цѣлый рядъ лицъ, причастныхъ къ этой организациі, Правительство преступно бездѣйствовало, и въ этомъ заключается второе преступленіе, въ которомъ я его обвиняю. (*Рукоплесканія слыва; звонокъ Предсѣдателя*). Я спрашиваю: для чего же оно бездѣйствовало?

И я вамъ отвѣчу: Правительству нужно было дать возможность развернуться дѣятельности этой организациі; Правительство вело азартную игру, но оно забыло только одно правило, правило приличія, что играть можно на свой собственный счетъ, а не на чужой. (*Рукоплесканія слѣва*). И одной рукой допуская совершеніе террористическихъ актовъ за счетъ русскаго народа, оно другой рукой вело азартную игру за счетъ того же русскаго народа. Вело въ какихъ интересахъ? Развѣ въ интересахъ того же народа? Да, вѣдь, этотъ народъ въ этомъ чужомъ пиру однимъ похмѣльемъ отдѣлался. Развѣ Правительство дѣйствовало въ интересахъ страны? Гг., тутъ какіе-то услужливые защитники Правительства пытались выдвинуть теорію воюющихъ сторонъ. Вотъ ужъ, воистину, въ пору сказать: отъ враговъ я самъ себя избавлю; избавь меня только отъ друзей. Предсѣдатель Совѣта Министровъ въ первой Государственной Думѣ сказалъ: Правительство есть аппаратъ власти, опирающейся на законъ. Я цитирую слова точно. Такъ вотъ каковы воюющія стороны:—съ одной стороны, аппаратъ власти, опирающейся на законъ, а съ другой стороны,—сообщество социалистовъ-революціонеровъ. Да, гг., это воюющая сторона, но лишь тогда, когда Правительство представляетъ не интересы народа, а группу отдѣльныхъ интересовъ: тогда, дѣйствительно, для него тѣ люди, которые борются противъ этихъ классовыхъ и узкихъ частныхъ интересовъ, представляются воюющей стороной. И если представитель Правительства мнѣ скажетъ, что оно борется для того, чтобы дать народу спокойствіе и право на законное существованіе, если онъ рѣшится утверждать, что онъ борется, потому что не желаетъ допустить деспотической анархіи толпы, то я ему отвѣчу: не желая допустить деспотической анархіи толпы, вы вводите анархическій деспотизмъ Правительства. (*Рукоплесканія слѣва; голоса: браво*).

Предсѣдатель. Предсѣдатель Совѣта Министровъ желаетъ дать разъясненіе.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ П. А. Столыпинъ. Гг. члены Государственной Думы. Прежде чѣмъ Государственная Дума приметъ какое-либо рѣшеніе по заявленію объ азефскомъ дѣлѣ, я хочу подѣлиться съ вами тѣми свѣдѣніями, которыя Правительство по этому дѣлу имѣетъ. Несмотря на только что высказанныя соображенія, заявленіе по этому дѣлу представляется мнѣ недостаточно обоснованнымъ; данныя, на которыхъ построено заявленіе, противорѣчатъ тѣмъ матеріаламъ, которые имѣются въ распоряженіи Правительства. Обвиненія, которыя вытекаютъ изъ запроса, раздались впервые и раздаются и теперь всего громче

изъ революціоннаго лагеря. Поэтому я думаю, что Государственная Дума, выслушавъ меня, можетъ быть найдеть, что въ дѣйствіяхъ Правительства нѣтъ основаній для запроса о дѣйствіяхъ незаконномѣрныхъ. Если, гг., я не выступилъ раньше, то потому, что возводились противъ Правительства голословныя обвиненія, я же хотѣлъ имѣть въ рукахъ хотя какія-нибудь данныя, противъ которыхъ могъ бы возражать, такъ какъ мнѣ казалось, что тѣ лица или партія, которыя подняли дѣло объ Азефѣ въ Государственной Думѣ, хотятъ поставить Правительство въ положеніе невыгодное, сбить его на опредѣленную позицію, которая дала бы заявленіямъ Правительства желательную для противниковъ его окраску. Эта позиція, это положеніе — положеніе стороны обороняющейся, ставъ на которую, Правительство едва ли могло бы освободить свои объясненія отъ полемическаго оттѣнка. Между тѣмъ дѣло Азефа—дѣло весьма несложное; и для Правительства, и для Государственной Думы единственно достойный, единственно выгодный выходъ изъ него—это путь самаго откровеннаго изложенія и оцѣнки фактовъ. Поэтому, гг., не ждите отъ меня горячей защитительной или обвинительной рѣчи,—это только затемнило бы дѣло, придало бы ему вѣдомственный характеръ; отвѣчая же лично на этотъ запросъ, я хотѣлъ бы освѣтить все это дѣло не съ вѣдомственной, не съ правительственной даже, а съ чисто государственной точки зрѣнія. Но прежде чѣмъ перейти къ безпристрастному изложенію фактовъ, я долженъ установить смыслъ и значеніе, которое Правительство придаетъ нѣкоторымъ терминамъ. Тутъ въ предыдущихъ рѣчахъ все время повторялись слова „провокація“, „провокація“, и вотъ, чтобы въ дальнѣйшемъ не было никакихъ недоразумѣній, я долженъ теперь же выяснитъ, насколько различное пониманіе можетъ быть придано этимъ понятіямъ. По революціонной терминологіи всякое лицо, доставляющее свѣдѣнія Правительству, есть провокаторъ; въ революціонной средѣ такое лицо не будетъ названо предателемъ или измѣнникомъ, оно будетъ объявлено провокаторомъ. Это приѣмъ не безсознательный, это приѣмъ для революціи весьма выгодный. Во первыхъ, почти каждый революціонеръ, который улавливается въ преступныхъ дѣяніяхъ, обычно заявляетъ, что лицо, которое на него донесло, само провоцировало его на преступленіе, а во вторыхъ, провокація сама по себѣ есть актъ настолько преступный, что для революціи не безвыгодно, съ точки зрѣнія общественной оцѣнки, подвести подъ это понятіе дѣйствія каждаго лица, сопріасающагося съ полиціей. А между тѣмъ Правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считаетъ провака-

торомъ только такое лицо, которое само принимаетъ на себя инициативу преступленія, вовлекая въ это преступленіе третьихъ лицъ, которыя вступили на этотъ путь по побужденію агента-провокатора. (*Голосъ слева*: вѣрно). Такимъ образомъ, агентъ полиціи, который проникъ въ революціонную организацію и даетъ свѣдѣнія полиціи, или революціонеръ, освѣдомляющій Правительство или полицію, eo ipso еще не можетъ считаться провокаторомъ. Но если первый изъ нихъ, на ряду съ этимъ, не только для видимости, для сохраненія своего положенія въ партіи высказываетъ сочувствіе видамъ и задачамъ революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно побуждаетъ кого-нибудь, подстрекаетъ кого-нибудь совершить преступленіе, то несомнѣнно, онъ будетъ провокаторомъ, а второй изъ нихъ, если онъ будетъ уловленъ въ томъ, что онъ играетъ двойную роль, что онъ въ части сообщалъ о преступленіяхъ революціонеровъ Правительству, а въ части самъ участвовалъ въ тѣхъ преступленіяхъ, несомнѣнно, уже станетъ тягчайшимъ уголовнымъ преступникомъ. Но тотъ сотрудникъ полиціи, который не подстрекаетъ никого на преступленіе, который и самъ не принимаетъ участія въ преступленіи, почитаться провокаторомъ не можетъ. Точно такъ же трудно допустить провокацію въ средѣ закоренѣлыхъ революціонеровъ, въ средѣ террористовъ, которые принимали сами участіе въ кровавомъ террорѣ и вовлекали въ эти преступленія множество лицъ. Не странно ли говорить тоже о провоцированіи кѣмъ-либо такихъ лицъ, какъ Гершуни, Гоць, Савинковъ, Каляевъ, Швейцеръ и др. Но смыслъ и выраженіе запроса не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Азефу приписывается провокація въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а также и активное, послѣдовательное участіе въ цѣломъ рядѣ преступленій чисто государственныхъ. Кто же такой Азефъ? Я ни защищать, ни обвинять его не буду. Такой же сотрудникъ полиціи, какъ и многіе другіе, надѣленный въ настоящее время какими-то легендарными свойствами. Авторами запроса ему приписываются, съ одной стороны, желѣзная энергія и сила характера, при чемъ свѣдѣнія эти почерпнуты изъ замѣтки „Новаго Времени“, которой почему-то приписывается и придается чуть-ли не оффиціозный характеръ. Съ другой стороны, ему приписывается цѣлый рядъ преступленій, почерпнутыхъ изъ источниковъ чисто революціонныхъ. Правительство же, какъ я сказалъ, можетъ опираться только на фактической матеріаль, а считается съ разговорами, которые несомнѣнно должны были создаться вокругъ такого дѣла, съ разговорами характера чисто романическаго, фельетоннаго, на тему „Тайны Департамента Полиціи“, оно, конечно, не

можетъ. Поэтому, гг., члены Государственной Думы, перейдемъ къ фактамъ, пересмотримъ данныя, внѣшнія данныя изъ жизни Азефа, прослѣдимъ, по совѣту члена Государственной Думы Покровскаго, революціонную карьеру Азефа и, параллельно, его полицейскую карьеру, и рассмотримъ его отношенія къ главнѣйшимъ террористическимъ событіямъ послѣдняго времени. По разслѣдованіи всего матеріала, имѣющагося въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, оказывается, что Азефъ въ 1892 г. живетъ въ Екатеринославѣ, затѣмъ онъ переѣзжаетъ за границу въ Карлсруэ, кончаетъ тамъ курсъ наукъ со степенью инженера, въ 1899 г. переселяется въ Москву и остается тамъ до конца 1901 г. Послѣ этого онъ уѣзжаетъ за границу, гдѣ и остается до послѣдняго времени, временами только наѣзжая въ Россію, о чемъ я буду говорить дальше. Отношенія его къ революціи, опять таки, конечно, по даннымъ Департамента Полиціи, таковы: въ 1892 г. онъ въ Екатеринославѣ принадлежитъ къ социаль-демократической организаціи, затѣмъ, переѣхавъ за границу, вступаетъ въ ряды только что сформировавшагося въ то время союза російскихъ социаль-революціонеровъ; затѣмъ, въ Москвѣ, онъ примыкаетъ къ московской революціонной организаціи, упрочиваетъ тамъ свои связи и сходится съ руководителемъ этой организаціи, Аргуновымъ. Къ 1902 г., опять таки, конечно, по даннымъ Департамента Полиціи, относится первое его знакомство съ Гершуни, Гоцемъ и Викторомъ Черновымъ. Это—люди революціоннаго центра. Первые двое играли главнѣйшую роль въ революціи: Гоць въ качествѣ инструктора, а Гершуни въ качествѣ организатора всѣхъ террористическихъ актовъ. Въ это время вліяніе Азефа растетъ, растетъ именно благодаря этимъ вліятельнымъ знакомствамъ, въ это время онъ получаетъ и нѣкоторую случайную, но, благодаря именно этимъ связямъ, цѣнную для Департамента Полиціи освѣдомленность. Къ концу 1904 г. и относится вступленіе Азефа въ заграничный комитетъ партіи. Заграничный комитетъ не есть еще тотъ центральный комитетъ, который дѣлетъ директивы и руководитъ всѣми дѣйствіями революціонеровъ. Въ это время, послѣ ареста въ 1903 г. Гершуни, евого дѣла партіи находится Борисъ Савинковъ, и только послѣ ареста Савинкова съ 1906 г. Азефъ, уже въ качествѣ члена центрального комитета, подходитъ ближе къ боевому дѣлу и комитета. Такимъ образомъ, съ мая мѣсяца 1906 г., по свѣдѣніямъ Департамента Полиціи, Азефъ получаетъ полную освѣдомленность о всѣхъ террористическихъ предпріятіяхъ, а до того

времени осведомленность его была случайная и далеко неполная. Свидѣнія эти основаны на донесеніяхъ самого Азефа, на донесеніяхъ завѣдывающихъ розыскною частью и подверглись, конечно, и контрольной повѣркѣ. Такъ, въ 1905 г., въ нашу миссію въ Брюссельъ является молодой человекъ, который заявляетъ, что онъ долженъ былъ совершить террористическій актъ, но раскаялся и готовъ дать откровенныя показанія. Оказалось, что это лицо предложило себя въ качествѣ исполнителя смертнаго приговора революціонной партіи; революціонерами оно было направлено въ Парижъ, вошло въ переговоры съ центральнымъ комитетомъ и переговаривалось тамъ съ Савинковымъ и Черновымъ, а Азефа не видѣло, что было бы, конечно, трудно допустимо, если Азефъ въ то время былъ бы уже членомъ центрального комитета. Затѣмъ, изъ данныхъ розыскныхъ органовъ, которые, по обязанностямъ своимъ, должны слѣдить за сотрудниками посредствомъ внутренней агентуры и посредствомъ наружнаго наблюденія, подтверждается только что мною описанное положеніе Азефа въ партіи. Такія же свидѣнія давали и другіе сотрудники, работавшіе параллельно въ партіи, какъ, напр., упоминавшійся тутъ Татаровъ, впоследствии убитый революціонерами. Опредѣливъ все то, что знало Министерство объ отношеніи Азефа къ революціи, позвольте мнѣ перейти къ отношенію его къ полиціи. Въ число сотрудниковъ Азефъ былъ принятъ еще въ 1892 г. Онъ давалъ, сначала, показанія Департаменту Полиціи, затѣмъ, когда пріѣхалъ въ Москву, поступилъ въ распоряженіе начальника охраннаго отдѣленія, но посылалъ свои донесенія и непосредственно завѣдывающему особымъ отдѣломъ Департамента Полиціи Ратаеву; затѣмъ, переѣхавъ во второй разъ за границу, опять давалъ свидѣнія непосредственно Департаменту Полиціи, а когда назначенъ былъ директоромъ Департамента Лопухинъ, то переѣхалъ въ Петербургъ и оставался въ Петербургѣ до 1903 г.; затѣмъ, изъ-за границы сносился опять съ Департаментомъ; въ 1905 г. поступилъ въ распоряженіе къ только что тутъ упоминавшемуся Рачковскому, который въ то время завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ. Въ концѣ 1905 г. Азефъ отошелъ временно отъ агентуры, а затѣмъ работалъ въ Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи. Конечно, временами, когда Азефа начинали подозрѣвать въ партіи, или послѣ крупныхъ арестовъ, которые колебали его положеніе, онъ временно отходилъ отъ агентуры, но потомъ опять приближался къ ней. Вотъ, гг., послѣ выясненія отношенія Азефа къ службѣ розыска и къ революціи, позвольте мнѣ перейти къ террористическимъ актамъ того времени для того, чтобы выяснить, какъ

понималъ Департаментъ, какъ понимало Министерство отноше-
ніе его къ этимъ актамъ. Но прежде позвольте мнѣ установить
одно обстоятельство: во всѣхъ выдвигаемыхъ противъ Азефа
обвиненіяхъ его имя связывалось съ именемъ Рачковскаго. Такъ
вотъ я хотѣлъ выяснитъ—какъ тутъ, впрочемъ, и говорилось,—
что Рачковскій до 1902 г. дѣйствительно завѣдывалъ особымъ
отдѣломъ Департамента, но въ 1902 г. онъ вышелъ въ отставку
и былъ въ отставкѣ до 1905 г. Въ этомъ году генераль Треповъ
былъ назначенъ Петербургскимъ Генераль-Губернаторомъ, и
Рачковскій былъ снова принятъ на службу, зачисленъ чиновни-
комъ особыхъ порученій и откомандированъ въ его распоряженіе.
Когда генераль Треповъ сталъ Товарищемъ Министра, завѣды-
вающимъ полиціей, то онъ поручилъ Рачковскому управленіе
политическимъ отдѣломъ Департамента Полиціи, которымъ онъ
и завѣдывалъ до конца 1905 г., а затѣмъ, съ 1906 г., какъ я
говорилъ въ первой Думѣ, Рачковскій уже никакихъ порученій,
никакихъ обязанностей по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ не
исполнялъ. Я не знаю, почему членъ Государственной Думы
Пергаментъ нашелъ какое-то противорѣчіе въ этомъ заявленіи
съ правительственнымъ сообщеніемъ. Въ правительственномъ
сообщеніи говорится, что никто изъ должностныхъ лицъ, а въ
томъ числѣ указанный въ газетныхъ статьяхъ с. с. Рачковскій
и другіе чины, никогда и ни въ какой мѣрѣ не были прикосно-
венны къ террористическимъ актамъ и инымъ преступнымъ
предпріятіямъ революціонеровъ. Несомнѣнно, что это относится
къ тому времени, когда Рачковскій исполнялъ активныя пору-
ченія по Департаменту Полиціи, а никакъ не къ настоящему
времени. Такимъ образомъ, съ 1902 по 1905 г., т. е., за время
наиболѣе активной дѣятельности Азефа, Рачковскій находился
въ отставкѣ. Возвращаясь къ террористическимъ актамъ, поз-
вольте мнѣ обратить ваше вниманіе на нѣкоторые выводы, ко-
торые вытекаютъ изъ изученія вообще исторіи терроризма за
последніе годы въ Россіи. Слѣдствія, дознанія, всѣ данныя Де-
партамента Полиціи съ большой яркостью указываютъ на то, что
главари революціонныхъ организацій для того, чтобы укрѣпить
волю лица, непосредственно исполняющаго террористическій актъ,
для того, чтобы поднять его духъ, всегда сами находятся на
мѣстѣ преступленія. Такъ Гершуни былъ на Исаакіевской пло-
щади во время убійства егермейстера Сипягина; онъ былъ на
Невскомъ рядомъ съ поручикомъ Григорьевымъ во время не-
удачнаго посягательства на Оберъ-Прокурора Побѣдоносцева; онъ
былъ въ Уфѣ во время убійства губернатора Богдановича; онъ
сидѣлъ въ саду Тиволи въ Харьковѣ во время покушенія Оомы

Качура на кн. Оболенскаго и даже подтолкнулъ его, когда замѣтилъ въ послѣднюю минуту съ его стороны колебаніе. Точно такъ же Борисъ Савинковъ во время убійства статсъ-секретаря Плеве и Великаго Князя Сергѣя Александровича, во время замышлявшагося покушенія на генерала Трепова и во время метанія бомбъ въ Севастополѣ на Соборной площади въ генерала Неплюева былъ на мѣстѣ преступленія. Поэтому, изучая отношенія Азефа къ преступнымъ дѣяніямъ, необходимо, на ряду съ другими обстоятельствами, имѣть въ виду и этотъ террористическій приѣмъ, обычный и очевидно свойственный руководителямъ террористическихъ актовъ въ Россіи. Я опускаю террористическую лѣтопись 1902 г., т. е. убійство егермейстера Сипягина и посягательство на Побѣдоносцева, такъ какъ эти дѣйствія не инкриминируются Азефу. Я только хочу напомнить, что къ этому 1902 году относится первоначальное знакомство Азефа съ Гершуни, и тогда же немедленно Азефъ сообщаетъ Департаменту Полиціи о преобладающей роли нѣкоего Гранина, того же Гершуни, въ революціонныхъ организаціяхъ, а затѣмъ изобличаетъ всю подавляющую роль Гершуни въ террористическихъ дѣйствіяхъ Россіи за эти годы. Изученіе процессовъ Оомы Качуры и Григорьева даетъ богатый матеріаль для исторіи русской революціи этого времени. Показанія этихъ лицъ указываютъ на то значеніе, которое имѣли въ революціи, въ подготовкѣ всѣхъ террористическихъ актовъ Гершуни и Мельниковъ. Азефъ въ это время только случайно, черезъ фельдшерицу Ременникову, узнаетъ подробности посягательства на Побѣдоносцева и сообщаетъ о нихъ Департаменту Полиціи. За это же время, изъ переписки о выдачѣ террориста Гоца изъ Неаполя и изъ переписки послѣдняго съ Гершуни, точно такъ же обрисовывается главенствующая дѣятельность Гершуни и Мельникова. Изъ этой переписки ясно, какъ возникаетъ первоначально мысль объ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве; въ этой перепискѣ имѣется характерная фраза о просьбѣ Мельникова прислать бомбъ: „Петя проситъ апельсиновъ“. 1902 г. ознаменовывается убійствомъ въ Уфѣ губернатора Богдановича; въ этомъ убійствѣ уличается Гершуни. Азефъ находится безвыѣздно въ Петербургѣ. За это же время открывается и предупреждается цѣлый рядъ другихъ террористическихъ актовъ и назрѣваетъ убійство статсъ-секретаря Плеве, которое приписывается здѣсь Азефу, несмотря на то, что онъ только что передъ этимъ раскрылъ покушеніе на того же статсъ-секретаря Плеве со стороны нѣкой Клитчоглу. Я повторяю, что ни защищать, ни обвинять Азефа я не намѣренъ, я передаю только тѣ данныя, которыя имѣются въ распо-

ряженіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Поэтому, чтобы безпристрастно отнестись къ роли Азефа, надо, какъ мнѣ кажется, поставить себѣ четыре вопроса: 1) гдѣ былъ Азефъ въ это время, 2) какое положеніе его было въ партіи, 3) какія свѣдѣнія и данныя сообщалъ онъ за это время полиціи, и, наконецъ, 4) провѣряли ли Полиція и Департаментъ — на это, кажется, тутъ кто-то и указалъ — дѣятельность своихъ сотрудниковъ послѣ совершенія этихъ террористическихъ актовъ. Я на этомъ актѣ останавливаюсь особенно долго потому, что Азефъ именно былъ въ это время въ Россіи, иначе мнѣ достаточно было бы сопоставить положеніе Азефа въ партіи и освѣдомленность его съ самымъ совершеніемъ акта. Но Азефъ былъ въ это время въ Россіи, и по тѣмъ даннымъ, о которыхъ я раньше сообщилъ, еще близко къ боевому дѣлу не стоялъ, а зналъ только то, что могли сообщить ему сильно законспирированные центровики. Гдѣ былъ Азефъ — это удостовѣряется его письменными донесеніями изъ разныхъ городовъ Россіи; такъ что по числамъ можно совершенно ясно установить, въ какомъ городѣ когда онъ былъ. Я долженъ сказать, что онъ ѣздилъ въ это время въ Уфу и имѣлъ тамъ свиданіе съ братомъ Сазонова Изотомъ, сообщалъ о томъ, что Изоть не имѣетъ свѣдѣній о своемъ братѣ Егорѣ, бѣжавшемъ изъ тюрьмы и готовившемъ что-то чрезвычайно важное. Затѣмъ 4 іюня Азефъ появляется въ Петербургѣ и открываетъ Департаменту Полиціи, что лицо, погибшее отъ взрыва въ Сѣверной гостинницѣ, во время приготовленія бомбъ, очевидно для покушенія на статсъ-секретаря Плеве, былъ нѣкто Покатиловъ, что соучастники его находятся въ Одессѣ и въ Полтавѣ. Послѣ этого онъ немедленно ѣдетъ въ Одессу, откуда сообщаетъ, что готовится покушеніе на статсъ-секретаря Плеве, что оно отложено только потому, что не приготовлены бомбы. Примѣрно черезъ мѣсяцъ послѣ этого Плеве погибаетъ отъ руки именно Егора Сазонова посредствомъ брошеннаго имъ разрывного снаряда; въ это время, однако, Азефа въ Россіи уже нѣтъ, такъ какъ отъ 16 іюля имѣется телеграмма его изъ Вѣны. Послѣ такого потрясающаго преступленія, какъ удавшееся покушеніе на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Департаментъ Полиціи, конечно, разслѣдовалъ: что дѣлалъ въ это время его сотрудникъ, директоръ Департамента Полиціи Лопухинъ, выписываетъ завѣдывающаго агентурой Ратаева изъ за границы, разслѣды и находится за все время директорства Лопухина. Вотъ тѣ внѣшнія свѣдѣнія, которыя имѣются въ Департаментѣ Полиціи по дѣлу объ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве. Немедленно

послѣ этого Азефъ посылаетъ чрезвычайно цѣнные и важныя донесенія, которыя ведутъ къ раскрытію цѣлаго ряда преступныхъ замысловъ, но на ряду съ этимъ онъ даетъ и менѣе важныя свѣдѣнія, т. е. такія, на которыя въ это время мало обращали вниманія. Онъ сообщаетъ, напр., о конгрессѣ революціонеровъ въ Парижѣ, рѣшившемся собрать въ Парижѣ конференцію всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій. Эта конференція состоялась между 17—24 сентября и, согласно донесенію Азефа, на ней были: отъ революціонеровъ онъ и Черновъ, а отъ конституціоналистовъ П. Струве, Богучарскій, кн. Долгорукій и П. Милюковъ. (*Голоса въ центрѣ*: хорошее знакомство; хороши пріятели; смѣхъ). 5 февраля 1905 г. совершается въ Москвѣ убійство Великаго Князя Сергѣя Александровича и готовится въ Петербургѣ покушеніе на генерала Трепова. Опять-таки по тому положенію, которое, по свѣдѣніямъ Департамента Полиціи, занималъ Азефъ въ партіи, отъ него можно было бы ожидать донесеній болѣе подробныхъ по этому дѣлу, если бы онъ былъ въ это время въ Россіи и имѣлъ бы возможность эти свѣдѣнія достать отъ тѣхъ лицъ, которыя конспиративно вели это боевое дѣло. Дѣло объ убійствѣ Великаго Князя съ полною ясностью освѣщено какъ судебнымъ слѣдствіемъ, судебнымъ процессомъ, такъ и литературой по дѣлу, особенно изданіями подпольными. Но до настоящаго времени мы нигдѣ не встрѣчали имени Азефа въ рядахъ соучастниковъ этого преступленія. Дѣло это совершено Каляевымъ, организовано Борисомъ Савинковымъ, участвовала въ немъ еще Роза Брильянтъ, Азефъ же находился въ это время за границей—по документальнымъ даннымъ Департамента Полиціи; до покушенія онъ былъ въ Парижѣ, 3 февраля былъ въ Женевѣ, въ Швейцаріи и, непосредственно послѣ этого, находился опять-таки во Франціи, въ Парижѣ. Что же касается покушенія на генерала Трепова, то оно было раскрыто Татариновымъ, который далъ имена всѣхъ организаторовъ покушенія, но не называетъ между ними Азефа, хотя о роли этого сотрудника Департамента Полиціи онъ, конечно, не зналъ; наоборотъ, Азефъ сообщаетъ дополнительныя данныя по этому дѣлу. Въ одномъ изъ заявленій сказано, что въ это же время былъ направленъ революціонный отрядъ въ Кіевъ для убійства генераль-адъютанта Клейгельса,—объ этомъ ни въ Департаментѣ Полиціи, ни въ охранномъ отдѣленіи никакихъ свѣдѣній нѣтъ. Были свѣдѣнія въ охранномъ отдѣленіи о томъ, что въ Кіевѣ дѣйствовала мѣстная дружина, которая была извѣстна охранному отдѣленію и была вся своевременно ликвидирована. Другихъ покушеній въ Кіевѣ за это

время не было. Но вотъ наступаетъ 1906 г., арестуется Б. Савинковъ, и тутъ, какъ я уже говорилъ, Азефъ становится близко къ боевому дѣлу въ качествѣ представителя центрального комитета въ боевой организаціи. Интересна дальнѣйшая его роль. Я утверждаю, что съ этого времени всѣ революціонныя покушенія, всѣ замыслы центрального комитета разстраиваются и ни одно изъ нихъ не получаетъ осуществленія. Указаніе въ запросѣ на покушеніе на Министра Внутреннихъ Дѣлъ Дурново не основательно, такъ какъ оно, собственно говоря, и открыто съ участіемъ Азефа. Затѣмъ дальше идетъ поражающій рядъ преступленій: покушеніе на Дубасова, взрывъ на Аптекарскомъ островѣ, ограбленіе въ Фонарномъ переулкѣ, убійство Мина, Павлова, гр. Игнатъева, Лауница, Максимовскаго, но всѣ эти преступленія удаются благодаря тому, что они являются дѣломъ совершенно автономнымъ, совершенно самостоятельныхъ организацій, не имѣющихъ ничего общаго съ центральнымъ комитетомъ. Это удостовѣрено и процессами, это удостовѣряется и данными изъ революціонныхъ источниковъ. Органъ социалистовъ-революціонеровъ № 4 „Революціонной Мысли“ за 1909 г. указываетъ на „полное безсиліе партіи въ смыслѣ боевой дѣятельности въ такіе рѣшительные моменты, какъ конецъ 1905 г. и кровавый періодъ, послѣдовавшій за разгономъ первой Думы, каковыя данныя свидѣтельствовали, что въ центрѣ партіи существовала измѣна, сознательно парализовавшая всѣ усилія партіи въ сторону широкаго террора. Успѣшно работали только боевые летучіе отряды, особенно сѣверные, но удачная ихъ работа объясняется только тѣмъ, что они были автономными, не связанными съ центромъ партіи. Замыслы ихъ не могли быть поэтому извѣстны центральному органу“. Я говорю, что это подтверждается и всѣми процессами того времени. Всѣ эти покушенія дѣло максималистовъ, летучихъ отрядовъ, дружинъ и тому подобныхъ организацій. Повторяю, что всѣ покушенія, всѣ замыслы центральныхъ организацій того времени не приводятъ уже ни къ чему, разсматриваются и своевременно разоблачаются. Тутъ упомянуто было о террористическомъ замыслѣ въ 1908 г. на священную особу Государя Императора. Я удостовѣряю, что это принадлежитъ къ области вымысла и, очевидно, центральный-комитетъ распускалъ эти слухи для того, чтобы оправдать этимъ свою бездѣятельность въ глазахъ революціонныхъ партій. Вотъ, гг., все, что по даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ извѣстно объ Азефѣ. Я изучалъ подробно это дѣло, такъ какъ меня интересовало, нѣтъ ли въ немъ дѣйствительно уликъ въ соучастіи въ преступленіяхъ, въ попустительствѣ или въ не-

брежности органовъ Правительства. Я этихъ данныхъ, указаній и уликъ не нашель. Что касается Азефа, то я опять-таки повторяю, что я не являюсь тутъ его защитникомъ, и что все, что я зналъ о немъ, я вамъ сказалъ. Обстоятельствъ, уличающихъ его въ соучастіи въ какихъ-либо преступленіяхъ, пока мнѣ не дадутъ другихъ данныхъ, я не нахожу. Въ этомъ дѣлѣ для Правительства нужна только правда, и дѣйствительно, ни одна изъ альтернативъ въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть для Правительства опасна. Возьмите, гг., что Азефъ сообщалъ только обрывки свѣдѣній Департаменту Полиціи, а одновременно участвовалъ въ террористическихъ актахъ: это доказывало бы только полную несостоятельность постановки дѣла розыска въ Имперіи и необходимость его улучшить. Но пойдѣмъ дальше. Допустимъ, что Азефъ по наущенію правительственныхъ лицъ направлялъ удары революціонеровъ на лицъ, неугодныхъ администраціи. Но, гг., тогда или Правительство состоитъ сплошь изъ шайки убійць, или единственный возможный при этомъ выходъ—обнаруженіе преступленія. И я васъ увѣряю, что если бы у меня были какія-нибудь данныя, если бы были какія-либо къ тому основанія, то виновный былъ бы задержанъ, кто бы онъ ни былъ. Наконецъ, если допустить, что Азефъ сообщалъ Департаменту Полиціи все то, что онъ зналъ, то окажется, что одинъ изъ вожаковъ, одинъ изъ главарей революціи былъ собственно не революціонеромъ, не провокаторомъ, а сотрудникомъ Департамента Полиціи, и это было бы, конечно, очень печально и тяжело, никакъ не для Правительства, а для революціонной партіи. Поэтому я думаю, что насколько въ этомъ дѣлѣ Правительству полезенъ свѣтъ, настолько же для революціи необходима тьма. Вообразите, гг., весь ужасъ увлеченнаго на преступный путь, но идейнаго, готоваго жертвовать собой, молодого человѣка, или дѣвушки, когда передъ ними обнаружится вся грязь верховъ революціи. Не выгоднѣе ли революціи распускать чудовищные, легендарные слухи о преступленіяхъ Правительства, переложить на Правительство весь одіумъ дѣла, обвинять его агентовъ въ преступныхъ проискахъ, которые деморализуютъ и членовъ революціонныхъ партій, и самую революцію. Вѣдь легко-вѣрные люди найдутся всегда. Я беру, какъ примѣръ, печатающіяся въ газетѣ „Matin“ разоблаченія Бакая, теперешняго революціонера и бывшаго сотрудника Департамента Полиціи. Я недавно получилъ отъ Бакая письмо. Онъ проситъ меня ознакомиться съ тѣми документами, которые были задержаны при немъ во время обыска въ 1907 г., и предлагаетъ вернуться въ Петербургъ для того, чтобы помочь дальнѣйшимъ разоблаче-

ніямъ. Документы эти видимо готовились также для прессы, они почти тождественны съ тѣми, что печатаются въ „*Matin*“, но конечно составлены въ гораздо болѣе скромномъ масштабѣ,—въ „*Matin*“ они раздуты и разукрашены. Относятся они къ 1905 г., скорѣе къ сыскному отдѣленію, чѣмъ къ охранному, ко времени апогея революціи въ Варшавѣ. Я долженъ сказать, что въ свое время нѣкоторыя свѣдѣнія по этому дѣлу проникли въ печать, и я, года полтора тому назадъ, приказалъ полностью разслѣдовать все это дѣло и долженъ удостовѣрить, что все то, что Бакай говоритъ—есть по большей части сплошной вымыселъ; на примѣръ, его рассказъ про Щигельскаго, который былъ здѣсь упомянутъ, и о томъ, что прокуроръ хотѣлъ привлечь его къ отвѣтственности,—не соотвѣтствуетъ истинѣ. Точно такъ же невѣрны только что здѣсь оповѣщенные съ трибуны свѣдѣнія о томъ, что какое-то лицо, приговоренное къ смертной казни, состоитъ начальникомъ охраннаго отдѣленія въ Радомѣ. Я долженъ заявить, что не только не такъ, но въ Радомѣ нѣтъ и охраннаго отдѣленія. (*Смѣхъ*). Такимъ образомъ, очевидно, не безвыгодно продолжать распускать нелѣпые слухи про администрацію, такъ какъ посредствомъ такого рода слуховъ, посредствомъ обвиненія Правительства можно достигнуть многого, можно переложить, напр., отвѣтственность за непорядки въ революціи на Правительство. (*Рукоплесканія справа и въ центрѣ*). Можно, гг., этимъ путемъ достигнуть, можетъ быть, совершеннаго упраздненія секретной агентуры, упраздненія чуть ли не Департамента Полиціи. Эту ноту я и подмѣтилъ въ рѣчахъ предыдущихъ ораторовъ,—надежду на то, что само наивное Правительство можетъ помочь уничтожить преграды для дальнѣйшаго побѣдоноснаго шествія революціи. И дѣло Азефа, скандалъ Азефа послужилъ, такимъ образомъ, *ad majorem gloriam* революціи. А насколько, гг., такого рода секретная агентура губительна для революціи, настолько она въ революціонное время необходима Правительству. Позвольте мнѣ объяснить словами того же Бакай; позвольте мнѣ подѣлиться нѣкоторыми размышленіями Бакай, напечатанными въ послѣднемъ номерѣ журнала „*Былое*“. Бакай въ этомъ номерѣ сообщаетъ, что когда, въ концѣ 1904 г., въ заговорщицко-боевой отдѣлѣ польской соціалистической партіи вошли два провокатора, то отдѣлу въ теченіе почти цѣлаго года не удалось, несмотря на всѣ усилія, убить Варшавскаго Генераль-Губернатора, двухъ приставовъ и освободить одного арестованнаго, при чемъ всѣ планы террористовъ рушились и почти вся группа была арестована. А съ конца 1905 года въ боевой организаціи, такъ называемыхъ

провокаторовъ уже не было; тогда за годъ ограблены Опатовское, Либартское и Мазовецкое казначейства на сумму болѣе полумилліона рублей, совершены экспроприаціи на сумму около 200.000 р., убиты: военный генераль-губернаторъ, помощникъ генераль-губернатора, одинъ полковникъ, два подполковника, два помощника пристава, воинскихъ чиновъ 20, жандармовъ 7, полицейскихъ 56, ранено военныхъ 42, жандармовъ 12, полицейскихъ 42, а всего 179 чел.; произведено 10 взрывовъ бомбъ, при чемъ убито 8 и ранено 50 лицъ; разгромлено и ограблено 149 казенныхъ винныхъ лавокъ. Эта справка дается не казенной статистикой, и видно, что, такъ называемая, нынѣ упоминаемая провокація Правительства, т. е. я думаю, правильная агентура, приводитъ скорѣе къ сокращенію преступленій, а не къ ихъ увеличенію. Но во всякомъ случаѣ изъ всего этого видно, что единственно возможный выходъ для революціи изъ Азефскаго скандала—это, конечно, встрѣчный искъ Правительству, предъявленіе къ нему обвиненія въ тягчайшихъ преступленіяхъ. Я, гг., указалъ на обвиненіе, мнѣ остается указать на обвинителей. Ихъ трое: первый изъ нихъ,—тотъ самый Бакай, о которомъ я только что сообщалъ. Бывшій фельдшеръ М. Е. Бакай въ 1900 г. собственноручно подалъ докладную записку въ Екатеринославское охранное отдѣленіе о своемъ желаніи поступить сотрудникомъ въ охрану. Сначала въ Екатеринославѣ онъ открылъ революціонную, а отчасти и боевую организацію, обнаружилъ типографію въ Черниговѣ, затѣмъ раскрылъ цѣлую группу революціонеровъ, арестованныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Послѣ этого, въ революціонной партіи послѣдовалъ, такъ называемый, его провалъ; онъ оказался провокаторомъ и вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ быть переведенъ въ Варшаву, гдѣ помогаетъ раскрытію польской социаль-революціонной организаціи, предупреждаетъ покушеніе на Генераль-Адъютанта Скалона и даже чуть не погибаетъ при задержаніи преступника, который долженъ былъ бросить въ генерала разрывной снарядъ. Но одновременно съ этимъ въ охранномъ отдѣленіи возникаетъ противъ Бакайя подозрѣніе. Дѣло въ томъ, что обнаружилась продѣлка двухъ евреевъ, нѣкихъ Зегельберга и Пинкерта, которые черезъ, очевидно, весьма освѣдомленное въ охранномъ отдѣленіи лицо узнаютъ о тѣхъ дѣлахъ, которыя направляются къ прекращенію и, соображая, какія лица должны быть скоро освобождены изъ подъ ареста, начинаютъ вымогать у родственниковъ этихъ лицъ крупныя суммы денегъ яко бы за ихъ освобожденіе. (*Движеніе въ центрѣ*). Таинственныя сношенія Бакайя съ этими лицами заставили охранное отдѣленіе немедленно и

категорически потребовать отъ него подачи въ отставку, чему Бакай немедленно и молчаливо подчинился, хотя передъ этимъ онъ усиленно просилъ о переводѣ его въ Петербургъ, мотивируя это тѣмъ, что онъ въ Варшавѣ участвовалъ во многихъ политическихъ процессахъ, которые кончались смертными приговорами, и потому пребываніе его тамъ не безопасно. Послѣ отставки Бакай немедленно передается на сторону революціонеровъ, даетъ революціонерамъ секретные документы, улавливается на этомъ, ссылается въ Сибирь, бѣжитъ за границу и уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ и теперь занимается тѣмъ, что обнаруживаетъ бывшихъ своихъ сотрудниковъ и даетъ въ подпольную прессу секретные документы и свои измышленія; кромѣ того онъ старается письменно совратить въ революцію своихъ прежнихъ товарищей—сотрудниковъ Департамента Полиціи. Вотъ вамъ, гг., фигура одного изъ видныхъ парижскихъ дѣлателей русской революціи. Второй обвинитель Бурцевъ. Онъ съ 23-лѣтняго возраста принадлежитъ къ партіи народной воли, обвиняется въ этомъ, ссылается также въ Сибирь, точно также бѣжитъ и проживаетъ послѣ этого въ Швейцаріи, Болгаріи, Англіи и Франціи. Революціонная вѣра Бурцева — сплошной терроръ. Убійства, царубійства, терроръ посредствомъ разрывныхъ бомбъ—вотъ проповѣдь Бурцева. Гг., я не хочу быть голословнымъ, я опять таки говорю, что основываюсь исключительно на фактическомъ матеріалѣ; вѣдь самыми свободолюбивыми странами, кажется, считаются Англія и Швейцарія — обѣ эти страны признали Бурцева преступнымъ. Въ Англіи, когда Бурцевъ началъ издавать свой журналъ „Народоволецъ“, началъ проповѣдывать царубійство, терроръ, онъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности и въ 1898 году центральнымъ уголовнымъ судомъ былъ осужденъ на 18 мѣсяцевъ принудительныхъ работъ. Отбывъ ихъ, онъ направился въ Швейцарію, гдѣ сначала издалъ брошюру „Долой Царя“, а затѣмъ книжечку своего собственнаго сочиненія „Къ оружію“, и за проповѣдь анархизма и терроризма швейцарскимъ правительствомъ былъ высланъ изъ предѣловъ Швейцаріи. Третій обвинитель — Лопухинъ—бывшій директоръ Департамента Полиціи. Въ настоящее время Лопухинъ привлеченъ къ слѣдствію по обвиненію въ пособничествѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ, выразившемся въ томъ, что онъ обнаружилъ партіи службу Азефа дѣлу розыска. Данныя предварительнаго слѣдствія, не опровергаемая и самимъ Лопухинымъ... (Голосъ слева: не подлежатъ оглашенію). Виноватъ, я слышу тутъ (указывая въ сторону возгласа)—„не подлежатъ оглашенію“. Я считаю, что, какъ лицо, стоящее во главѣ Правитель-

ства, я имѣю право разсматривать данныя предварительнаго слѣдствія, и разъ онѣ судебною властью не признаны въ настоящее время секретными, я могу ими воспользоваться и сообщить ихъ представительному собранію. (*Голоса слѣва и въ центрѣ*: правильно). Поэтому я и говорю: по даннымъ предварительнаго слѣдствія, не опровергаемымъ самимъ Лопухинымъ, осенью минувшаго года во время случайной, будто бы, встрѣчи его съ Бурцевымъ въ Германіи, а затѣмъ во время посѣщенія его, Лопухина, 10 декабря минувшаго года въ Лондонѣ въ гостинницѣ тремя террористами—Савинковымъ, Аргуновымъ и Черновымъ, онъ подтвердилъ имъ, что Азефъ былъ сотрудникомъ Департамента Полиціи. Я, гг., упоминаю объ этомъ не для того, чтобы оцѣнивать поступокъ Лопухина, его оцѣнить нелегитимный судъ. (*Голосъ слѣва*: нѣтъ его въ Россіи). Если бы Правительство не довело этого дѣла до суда, если бы оно терпимо отнеслось къ сношеніямъ бывшихъ высшихъ административныхъ лицъ съ революціонерами, съ проповѣдниками террора, съ участниками даже кроваваго террора, къ разоблаченіямъ этихъ бывшихъ сановниковъ, хранителей государственныхъ тайнъ, предъ революціоннымъ трибуналомъ, то это знаменовало бы не только боязнь передъ разоблаченіями, не только трусливую робость передъ свѣтомъ гласности, а полный развалъ государственности. (*Рукоплесканія центра*). Но я не берусь объяснить вамъ гг., почему Лопухинъ сдѣлалъ то, что онъ сдѣлалъ; мнѣ нужно было знать другое, а именно, не обладалъ ли онъ свѣдѣніями о преступности Азефа, о соучастіи его въ террористическихъ дѣяніяхъ. Съ этой точки зрѣнія я и разсматривалъ слѣдственный матеріалъ и могу утвердительно сказать, что Лопухинъ этими данными не обладалъ, что онъ о преступныхъ дѣяніяхъ Азефа въ этомъ смыслѣ ничего революціонерамъ не сообщалъ, а, напротивъ, представители революціонныхъ партій сообщили Лопухину, яко бы, объ активномъ даже соучастіи Азефа въ убійствѣ Великаго Князя, въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и въ подготовленіи царубійства. Такимъ образомъ выходитъ, что революціонеръ, убѣжденный проповѣдникъ террора, разоблачаетъ передъ бывшимъ директоромъ Департамента Полиціи бывшаго его сотрудника, не сообщая ему при томъ никакихъ фактовъ въ подтвержденіе, такъ какъ Бурцевъ указалъ Лопухину, что у него есть много источниковъ для уликъ противъ Азефа, но сообщилъ ему только объ одномъ—о показаніяхъ Бакая. А бывшій директоръ Департамента Полиціи, на основаніи этихъ данныхъ, предастъ революціонерамъ бывшаго сотрудника Департамента Полиціи, якобы опасаясь даль-

нѣйшей его вредной дѣятельности. Я полагаю, что факты и свѣдѣнія, могущія предотвратить такого рода несчастья, скорѣе умѣстны въ рукахъ Правительства, чѣмъ въ рукахъ террористовъ, и поэтому рѣшилъ, что если были такія данныя, то пусть на нихъ прольетъ свѣтъ процессъ Лопухина, но, видимо, и этотъ процессъ дастъ только тѣ голословныя данныя, которыя и оглашаются уже теперь, заграничной прессою. Какіе же, гг., изъ всего этого выводы? Выводъ первый, о которомъ я упомянулъ:— что у меня въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ для обвиненія должностныхъ лицъ въ какихъ-либо преступныхъ или незаконномѣрныхъ дѣяніяхъ. Въ настоящее время у меня нѣтъ въ рукахъ и данныхъ для обвиненія Азефа въ такъ называемой провокаціи. Второй выводъ, выводъ печальный, но неизбѣжный— что покуда существуетъ революціонный терроръ, долженъ существовать и полицейскій розыскъ. Познакомьтесь, гг., съ революціонной литературой, прочтите строки, поучающія о томъ, какъ надо бороться посредствомъ террора, посредствомъ бомбъ, причемъ рекомендуется, чтобы бомбы эти были чугуныя для того, чтобы было больше осколковъ, или чтобы онѣ были начинены гвоздями. Ознакомьтесь съ проповѣдью цареубійства. Ознакомьтесь съ проповѣдью, съ горячей проповѣдью о необходимости продолженія террора, каковая резолюція была принята еще партией революціонеровъ въ Лондонѣ въ 1908 г. и которая принята теперь группой парижскихъ революціонеровъ, уже послѣ бѣгства Азефа, и скажите, гг., можетъ ли Правительство по совѣсти удовлетворяться только внѣшней, наружной охраной, или на его отвѣтственности, на его совѣсти лежитъ охранять и Государя, и государственность другими путями, путями внутренняго освѣщенія. Я знаю, мнѣ скажутъ: этотъ путь опасенъ; это путь, который влечетъ превышеніе власти и ведетъ къ провокаціи. Я, гг., не буду утомлять ваше вниманіе перечисленіемъ ряда инструкцій, циркуляровъ, которые даны были мною по полиціи для предупрежденія такихъ явленій; не буду указывать на то, что въ настоящее время усердно работаетъ комиссія подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря Макарова по больному для насъ вопросу о реформѣ полиціи. Напоминаю только, что всѣ тѣ случаи провокаціи, которые доходили до Правительства, подвергались судебному разслѣдованію. Вѣдь недавно еще жандармскій офицеръ осужденъ къ арестантскимъ отдѣленіямъ; недавно еще въ Калугѣ сотрудникъ Департамента Полиціи былъ преданъ суду, несмотря на то, что онъ угрожалъ, что откроетъ всѣхъ остальныхъ сотрудниковъ и всѣ извѣстныя тайны; точно такъ же и въ Пензѣ сотрудникъ преданъ суду, несмотря на то,

что онъ въ прежнее время оказалъ цѣнныя услуги Департаменту Полиціи. Я пойду дальше, гг., и скажу, что хотя въ настоящемъ случаѣ я разслѣдовалъ добросовѣстно дѣло и не нашель слѣдовъ провокаціи, но въ такомъ дѣлѣ злоупотребленія и провокація возможны, и напрасно ссылаются на мою рѣчь въ первой Государственной Думѣ. Я говорилъ тогда, что Правительство, пока я стою во главѣ его, никогда не будетъ пользоваться провокаціей, какъ методомъ, какъ системою. Но, гг., уродливыя явленія всегда возможны. Я повторяю, что когда уродливыя явленія доходятъ до Правительства, когда оно узнаетъ о нихъ, то оно употребляетъ противъ нихъ репрессивныя мѣры. Я громко заявляю, что преступную провокацію Правительство не терпитъ и никогда не потерпитъ. (*Рукоплесканія справа*). Но, гг., уродливыя явленія нельзя возводить въ принципъ. И я считаю долгомъ заявить, что въ средѣ органовъ полиціи высоко стоитъ чувство чести, вѣрности присягѣ и долгу. Я знаю службу здѣшняго охраннаго отдѣленія, я знаю, насколько чины его пренебрежительно относятся къ смертельной опасности. Я помню двухъ начальниковъ охраннаго отдѣленія, служившихъ при мнѣ въ Саратовѣ, я помню, какъ они меня хладнокровно просили, чтобы я, когда ихъ убьютъ, озаботился о ихъ семьяхъ. И оба они убиты, и умерли они сознательно за своего Царя и свою родину. А недавній случай въ Москвѣ, когда на пустой дачѣ, въ окрестностяхъ Москвы, была устроена ловушка и въ эту ловушку попалъ нарядъ охраны, когда съ крыши чердака революціонеръ навѣрняка разстрѣливалъ каждого подходящаго къ этой дачѣ, развѣ задумались начальникъ охраннаго отдѣленія и его помощникъ и не бросились ночью же выручать своихъ товарищей? Оба были тяжело ранены, но развѣ они не доказали, что доблесть и честь для нихъ дороже жизни. Я хотѣлъ, я долженъ былъ на этомъ кончить, но предыдущія рѣчи меня убѣдили, что изъ моихъ выводовъ могутъ построить превратное заключеніе. Мнѣ могутъ сказать: итакъ, провокаціи въ Россіи нѣтъ, охранка ограждаетъ порядокъ, и русскій гражданинъ долженъ быть признанъ счастливѣйшимъ изъ гражданъ. (*Смѣхъ слева*). Въ настоящее время такъ легко искажаютъ цѣли и задачи нашей внутренней политики, что, чего добраго, такое заключеніе и возможно, но я думаю, что для благоразумнаго большинства наши внутреннія задачи должны были бы быть и ясны и просты. Къ сожалѣнію, достигать ихъ, идти къ нимъ приходится между бомбой и браунингомъ. Вся наша полицейская система, весь затрачиваемый трудъ и сила на борьбу съ развѣдающею язвою революціи, конечно, не цѣль, а средство, средство дать воз-

возможность жить, трудиться, дать возможность законодательствовать—да, гг., законодательствовать, потому что и въ законодательное учреждение были попытки бросать бомбы! А тамъ, гдѣ аргументъ бомба, тамъ, конечно, естественный отвѣтъ—безпощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтоженіемъ кары, не облегченіемъ возможности дѣлать зло, а громадной внутренней работой. Вѣдь изнеможенное, изболѣвшееся народное тѣло требуетъ укрѣпленія; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это съ низовъ. И тогда, конечно, сами собою отпадутъ и исключительныя положенія, и исключительныя кары. Не думайте, гг., что медленно выздоравливающую Россію достаточно подкрасить румянами всевозможныхъ вольностей и она станетъ здоровою. Путь къ исцѣленію Россіи указанъ съ высоты престола, и на васъ лежитъ громадный трудъ выполнить эту задачу. Мы, Правительство, мы строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство. Противники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на возведенное нами безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить ихъ основаніе. И, лѣса эти неминуемо рухнутъ и, можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть это будетъ тогда, когда изъ-за ихъ обломковъ будетъ уже видно, по крайней мѣрѣ въ главныхъ очертаніяхъ, зданіе обновленной, свободной,—свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова: свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія, преданной, какъ одинъ человекъ, своему Государю—Россіи! (*Шумныя рукоплесканія справа и въ центръ*). И время это, гг., наступаетъ, и оно наступитъ, несмотря ни на какія разоблаченія, такъ какъ на нашей сторонѣ не только сила, но на нашей сторонѣ и правда. (*Рукоплесканія въ центръ и справа*).

Засѣданіе закрывается въ 12 ч. 57 м. ночи.

Засѣданіе 51.

Пятница 13 Февраля 1909 г.

Засѣданіе открывається въ 11 ч. 7 м. утра подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Государственной Думы кн. В. М. Волконскаго.

Предсѣдатель. Переходимъ къ п. 3 повѣстки: продолженіе обсужденія доклада комиссіи запросовъ по заявленіямъ №№ 51 и 52 о запросѣ Министру Внутреннихъ Дѣлъ по поводу участія агента Департамента Полиціи Азефа, въ качествѣ члена сообщества социалистовъ-революціонеровъ, въ совершеніи ряда террористическихъ актовъ. Слово принадлежитъ члену Государственной Думы Соколову 2.

Соколовъ 2 (Костромская губ.). Гг. члены Государственной Думы. Вѣсть о появленіи всякаго рода сказаній объ Азефѣ дошла путемъ газетъ до той провинціи, гдѣ я былъ въ декабрѣ и январѣ мѣсяцѣ, и оказалось, что первыя сообщенія, сдѣланныя объ этой личности, произвели между всѣми членами общества ужасающее впечатлѣніе. Всѣ недоумѣвали, что такое совершилось, что это за лицо, откуда оно появилось, какимъ образомъ оно вступило на путь спасателей Россійскаго отечества? Вслѣдъ за этимъ пришла телеграмма объ арестѣ бывшаго директора Департамента Полиціи, что усугубило то хаотическое состояніе, которое царило въ обществѣ. Всѣ недоумѣвали, никто не понималъ, что дѣлалось, что дѣлается и что предстоитъ впоследствии. Нервное напряженіе общества дошло до такой степени, что оно требовало разряженія, оно требовало того, чтобы Правительство, съ своей стороны, сказало, былъ или не былъ Азефъ, служилъ или не служилъ онъ въ полиціи россійской, былъ ли онъ въ то же время революціонеромъ, занималъ ли онъ высокій постъ въ томъ центральномъ комитетѣ, который руководилъ всѣмъ дѣломъ революціи? Я, гг., слушалъ внимательно объясненіе представителя Правительства и долженъ сказать, что не

только я, но и вся наша фракція этимъ объясненіемъ не удовлетворены. Она считаетъ его недостаточнымъ, считаетъ его такимъ, которое не разсѣяло сомнѣній, не устранило существующую опасность, не предотвратило невозможныя въ политическомъ отношеніи перспективы, которыя постоянно передъ нами рисуютъ господа Азефы, Бакаи и имъ подобныя лица. Несомнѣнно, гг., что въ рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ звучала искренность; несомнѣнно, что факты, которые онъ сообщалъ, факты вѣрные, и тѣ умолчанія, которыя онъ дѣлалъ на основаніи неимѣнія свѣдѣній, дѣйствительно были потому, что у него не было свѣдѣній. Но, тѣмъ не менѣе, при нотѣ искренности, звучала и, мнѣ кажется, даже перебивала нота расположенности къ тому вѣдомству, которое въ данномъ случаѣ заинтересовано. Я полагаю, что характеристика этой рѣчи должна быть такова: она сказана не съ точки зрѣнія государственной, не съ той высоты, на которую долженъ былъ подняться представитель русскаго Правительства, заинтересованнаго въ разъясненіи этого дѣла, а только съ точки зрѣнія соотвѣтствующихъ интересовъ защищаемаго и охраняемаго имъ вѣдомства, въ защиту интересовъ Департамента Полиціи и всѣхъ учреждений, соприкосновенныхъ съ нимъ. Кого опозорило открытіе дѣла Азефа, обнаруженіе всѣхъ обстоятельствъ его, кого оно очернило, кого загрязнило—революціонеровъ или Департаментъ Полиціи и Правительство? Смѣло рѣшилъ этотъ вопросъ представитель власти. Онъ сказалъ, что Правительство, въ данномъ случаѣ, нисколько не пострадало, что страдаетъ и нанесено поражение центральному революціонному комитету, который опозорился тѣмъ, что въ средѣ его находился такой предатель. Гг., неужели можно представителю Министерства Внутреннихъ Дѣлъ исповѣдывать, что Азефъ опозорилъ только революціонную партію, только центральный комитетъ, въ которомъ онъ занималъ такое видное мѣсто? Развѣ грязный человѣкъ, продающій себя, человѣкъ, служащій по революціи и по полиціи въ одно и то же время, человѣкъ, правой рукой убивающій, лѣвой берущій за это деньги, просящій и извивающійся, развѣ такой человѣкъ можетъ составлять украшеніе учрежденія? Развѣ, позоря центральный революціонный комитетъ, онъ украсилъ своимъ появленіемъ Департаментъ Полиціи, придавъ ему блескъ и славу? Если таковъ взглядъ представителя власти, то я долженъ сказать, что послѣ такой рѣчи можно и должно выходить съ сокрушеніемъ сердца. Интересно при этомъ заявленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что раскрытіе тайнъ, окружающихъ Азефа, можетъ благотворно подѣйствовать на тѣхъ идеалистовъ

революціи, которыхъ не мало въ ней. Онъ говоритъ, что юноши и юницы, идейно преданные дѣлу революціи, теперь отшатнутся отъ той грязи, которая оказалась вверху этой революціи. Но, спрашиваю я васъ, если такое дѣйствіе, конечно, должно быть признано желательнымъ дѣйствіемъ, полезнымъ для государства, то за что же Лопухинъ заключенъ въ тюрьму? Правительство объясняетъ, что онъ заключенъ за обнаруженіе тайны Азефа, чѣмъ онъ лишилъ Правительство возможности пользоваться его услугами. Вѣдь главная услуга, конечно, въ томъ, чтобы спасти юношество отъ дѣла революціи, а не въ томъ, чтобы узнавать, кто, когда и какимъ образомъ вступилъ въ это учрежденіе. Такимъ образомъ, слѣдовало бы не въ тюрьму сажать, а, конечно, благодарить. Кстати, разъ уже рѣчь зашла о Лопухинѣ, я долженъ сказать слѣдующее: слышатся голоса, что Азефъ дѣйствовалъ при прежнемъ составѣ Правительства, что настоящій составъ къ нему не имѣетъ никакого отношенія и что онъ, такимъ образомъ, не отвѣтственъ за прошлыя дѣйствія Азефа. Да, это было бы такъ, если бы Правительство не оповѣстило, что оно потому привлекаетъ Лопухина, что послѣдній вырвалъ изъ рукъ Правительства то превосходное орудіе, которое ему помогало въ раскрытіи преступныхъ намѣреній, и, такимъ образомъ, если бы Правительство своимъ сообщеніемъ не усыновило Азефа и не прикрыло его своей тогой и тѣмъ не приобщило его къ своимъ планамъ, къ своимъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ... Азефъ является служащимъ по двумъ вѣдомствамъ: по вѣдомству революціи и по вѣдомству полиціи. Спрашивается, гдѣ его коренная служба? Какой мундиръ ему главнѣйше присвоенъ? Мундиръ ли революціонера, или мундиръ полицейскаго чиновника? Вѣдь дѣло не въ такой тонкости, въ сущности, дѣло заключается въ томъ, что Азефъ получалъ жалованье отъ русскаго Правительства, получая, конечно, не опредѣленное жалованье, а, можетъ быть, какъ великіе артисты получаютъ разовыя, такъ и онъ получалъ какія-нибудь особенныя разовыя, довольно значительныя. Съ 1892 до 1908 г., въ теченіе 16 лѣтъ, онъ состоялъ на службѣ въ Департаментѣ Полиціи. Спрашивается, какова была его роль за это время въ революціонной партіи, и дѣйствительно ли можетъ съ этой формальной стороны Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отдѣлаться отъ Азефа? Никоимъ образомъ онъ съ формальной стороны не можетъ отъ него отдѣлаться, и именно по слѣдующимъ соображеніямъ. Намъ въ своей рѣчи Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сказалъ, что Азефъ поступилъ на службу въ полицію въ 1892 г. Въ 1892 онъ былъ соціалъ-демократъ. Такимъ образомъ онъ поступалъ на службу въ качествѣ тако-

вого. Затѣмъ онъ переходитъ, уже состоя на службѣ, въ партію социаль-революціонеровъ; затѣмъ организуетъ тамъ боевую дружину, создаетъ боевую организацію; очевидно, дѣйствуетъ во всемъ этомъ, уже находясь на службѣ русскаго Правительства. Слѣдовательно, уже и съ его точки зрѣнія онъ является совершеннѣйшимъ, точнѣйшимъ провокаторомъ. Но Министръ Внутреннихъ Дѣлъ намъ говоритъ, что провокаторства потому въ данномъ случаѣ нельзя допустить, что нѣтъ доказательствъ того, чтобы Азефъ принималъ участіе въ террористическихъ актахъ, чтобы онъ склонялъ къ этому или чтобы онъ гдѣ-нибудь присутствовалъ, а тѣмъ менѣе, самъ совершалъ бы эти акты. Конечно, гг., намъ остается вѣрить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что у него таковыхъ свѣдѣній и документовъ отъ Департамента Полиціи не имѣется, что Департаментъ Полиціи такихъ актовъ не зарегистрировалъ. Но, спрашиваю я васъ: развѣ у насъ есть только одинъ способъ доказательства — свидѣтельскія показанія, письма, печать — развѣ у насъ нѣтъ другихъ способовъ для того, чтобы рѣшить поставленный вопросъ. У насъ къ этому есть средство — это логика, логическое соображеніе, правильный ходъ мысли человеческой. А что намъ мысль эта говоритъ? Она говоритъ слѣдующее: за какія дѣла, за какія дѣянія революціонеры получаютъ и, наконецъ, достигаютъ высшей ступени, попадаютъ въ центральный революціонный комитетъ въ качествѣ членовъ? Кто не знаетъ, что въ боевой организаціи можетъ выдвинуться только тотъ, кто станетъ во главѣ этой организаціи. Когда онъ считаетъ себя командиромъ, когда онъ отвагу засвидѣтельствуетъ на дѣлѣ и когда онъ на дѣлѣ покажетъ, что онъ дѣятель, а не лежебока, что онъ человѣкъ рѣшительный, энергичный, предприимчивый и готовый на все? Конечно, Азефъ долженъ былъ все это на дѣлѣ доказать, а разъ это такъ, то что это значитъ? Это значитъ — принимать участіе въ террористическихъ актахъ, во всѣхъ революціонныхъ дѣйствіяхъ. Мнѣ могутъ сказать — не доказано, что онъ участвовалъ въ убійствѣ Великаго Князя Сергѣя Александровича. Да, можетъ быть, не доказано и въ другомъ, и въ третьемъ отдѣльныхъ случаяхъ, но по общимъ соображеніямъ онъ долженъ былъ участвовать и, несомнѣнно, участвовалъ. Я прихожу къ такому заключенію также на основаніи словъ г. Столыпина, который сказалъ, что исторія революціонныхъ актовъ свидѣтельствуетъ, что главари революціи, сидящіе въ центральномъ комитетѣ, должны, кто-нибудь по очереди — я уже не знаю, какимъ образомъ — присутствовать на мѣстахъ во время совершенія террористическихъ актовъ. Это необходимо для того, чтобы укрѣпить

волю непосредственно дѣйствующаго, чтобы поддержать бодрость его духа. Спрашиваю я васъ, развѣ въ теченіе 16 лѣтъ Азефъ могъ увильнуть отъ своей партіи, ни разу не поддержать бодрость духа, не укрѣпить волю тѣхъ, кто дѣйствовалъ въ качествѣ убійць, тѣхъ, кто дѣйствовалъ въ качествѣ грабителей и разбойниковъ. Это немислимо. Это немислимо по тому, по временамъ являвшемуся, отношенію революціонной партіи къ Азефу, о коемъ намъ свидѣтельствовалъ самъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, сказавшій, что неоднократно падало подозрѣніе на Азефа. Когда партія начинала относиться къ нему подозрительно, онъ въ это время уклонялся отъ Департамента Полиціи, отходилъ въ сторону и показывалъ видъ, что онъ никакого отношенія къ Департаменту не имѣетъ. Но вѣдь этого мало, гг.,—отойти въ сторону, когда революціонныя партіи подозрѣваютъ своего сочлена въ шпіонствѣ и въ доносѣ. Для того, чтобы укрѣпить свое вліяніе, свою власть, свою силу, свое значеніе, для этого нужно фактически, активно доказать, что партія ошибается, что подозрѣнія возведены напрасно. Для этого онъ долженъ итти на ужасное преступленіе и сказать: гг., говорятъ, я шпіонъ, говорятъ, я предатель, а вотъ я вамъ докажу, что я участвую въ такомъ дѣлѣ, на которое никто не пойдетъ. Это непременно должно быть, и разъ это такъ, гг., то я дѣлаю логическій выводъ, что безусловно Азефъ не только шпіонъ, не только доставлялъ свѣдѣнія Департаменту Полиціи, но онъ былъ активный дѣятель революціонной партіи; онъ не только состоялъ въ боевой организаціи, но онъ руководилъ этимъ дѣломъ. Если вы, гг., оставите въ сторонѣ то письмо, которое уже здѣсь цитировалось,—письмо, въ которомъ Азефъ прямо говоритъ, что онъ былъ участникомъ убійства Великаго Князя Сергѣя, если вы отринете, если вы скажете, что это апокрифическое письмо, то и тогда, по логическимъ соображеніямъ, которыя я привелъ, вы должны притти къ заключенію, что онъ активный террористъ, что онъ дѣйствовалъ. Конечно, онъ былъ душой преступленія и убійства Великаго Князя, члена Царской Семьи. Гг., онъ 16 лѣтъ служилъ. Неужели нашей власти, которая стоитъ во главѣ всѣхъ полицейскихъ учрежденій, неужели ей никогда не могло притти въ голову, что вѣдь это злодѣй, вѣдь это врагъ рода человѣческаго вообще, и въ особенности нашей родины, что вѣдь надо его убрать, а не деньги ему платить за то, что онъ ограбитъ, убьетъ кого-нибудь, затѣмъ выдастъ какого-нибудь Ивана, не помнящаго родства, и его, этого Ивана, повѣсятъ. Да, гг., мнѣ кажется, что это отношеніе къ Азефу, эта терпимость, которая проявлена и доведена до того, что

вмѣняютъ въ вину выдачу этого человѣка Лопухину, что это уже высшій предѣлъ, до котораго можетъ быть доведено дѣло потворства полицейскимъ учрежденіямъ. Вѣдь, гг., развѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ далъ отвѣтъ на предъявленный ему запросъ? Онъ отсюда сошелъ побѣдителемъ, подъ рукоплесканія, благодаря,—я долженъ сказать,—партіи народной свободы, которая сузила вопросы, сгруппировавшіеся около Азефа. Этимъ воспользовался Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ толковалъ объ Азефѣ, сообщилъ его біографію и подъ аплодисменты ушелъ на свое мѣсто. (*Рукоплесканія слѣва*). Между тѣмъ Азефъ—это единица, это, если хотите, въ общей массѣ простое ничтожество. Гг., съ этой трибуны цитировались показанія варшавскаго присяжнаго повѣреннаго Кулаковскаго, которыя онъ давалъ въ Краковскомъ судѣ по дѣлу Боровской, и который говорилъ, что онъ самъ участвовалъ въ процессѣ, гдѣ провокаторы были приговорены къ смертной казни, а на слѣдующій день онъ, въ качествѣ защитника по другому процессу, видѣлъ ихъ свободно и торжественно входящими въ качествѣ свидѣтелей. Гг., это сказано съ трибуны. Это напечатано во всѣхъ газетахъ. Если это ложь, то дѣло Правительства привлечъ къ отвѣтственности этого присяжнаго повѣреннаго и сказать ему: вы, м. г., солгали на судѣ, вы солгали предъ судомъ, вы наклеветали на русское военное правосудіе. Но это не объявлено, съ этимъ примирились,—очевидно, это фактъ. Какое же вамъ еще доказательство, что провокаторы поощряются? Какое вамъ еще доказательство, что провокаторы пользуются покровительствомъ и что они съ легкимъ сердцемъ выслушиваютъ смертный приговоръ и, улыбаясь, сходятъ со скамьи и идутъ опять на свою работу. Гг., чего же еще надо? Вѣдь уже долженъ былъ представитель власти дать общій отвѣтъ о положеніи провокаціи у насъ, долженъ былъ дать общій отвѣтъ о положеніи полиціи. Вѣдь, гг., всѣ мы пришли сюда изъ разныхъ мѣстъ, вѣдь каждый изъ насъ знаетъ, что на мѣстахъ дѣлается такой произволъ, такія ужасныя вещи, что теперь, кажется, весь Сенатъ пришлось разобрать для того, чтобы разослать для производства разслѣдованій по дѣяніямъ полиціи. (*Рукоплесканія слѣва*). Что въ этомъ толку? Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сказалъ, что онъ самъ блюдетъ за тѣмъ, чтобы эксцессовъ не было; онъ самъ привлекаетъ къ отвѣтственности представителей власти и полицейскихъ чиновъ, когда они или провоцируютъ, или совершаютъ беззаконія. Гг., да развѣ въ томъ дѣло, чтобы привлечъ одного полиціймейстера, чтобы уволить по Высочайшему повелѣнію одного градоначальника? Вѣдь они тѣмъ не менѣе растутъ, какъ грибы:

одного уволили — завтра другой дѣйствуетъ въ большемъ размѣрѣ, послѣзавтра третій и т. д. Вѣдь, гг., если вы входите въ домъ сырой, съ затхлымъ запахомъ, гдѣ нѣтъ свѣта, и вы видите ползающихъ по полу и по стѣнамъ мокриць, неужели вы думаете, что вы ихъ когда-нибудь передавите и что вы этотъ домъ отъ мокриць спасете? (*Рукоплесканія слѣва*). Да никогда, пока вы дома не осушите, пока не впустите туда воздуха, помощью котораго вы только мокриць и уничтожите; а дотолѣ всегда онѣ будутъ существовать. Вотъ я полагаю, гг., что если бы Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, имѣя въ виду указанные ему печатью факты, указанные ему факты здѣсь, съ трибуны, если бы онъ, войдя сюда и памятуя интересы своей родины, дѣйствительно, не на словахъ только, какъ онъ заявилъ, что онъ будетъ разсматривать настоящей вопросъ съ государственной, а не съ вѣдомственной точки зрѣнія, если бы онъ, дѣйствительно, поднялся на эту необходимую высоту, гдѣ находится эта точка государственная, и если бы онъ съ этой точки взглянулъ на дѣло, что бы онъ увидѣлъ на землѣ? Какіе ужасы, какой произволь, какое насиліе: тутъ и провокація, тутъ и разбси, тутъ и содержаніе домовъ терпимости полицейскими чинами, и притонодержательство и, Богъ знаетъ, что. Онъ самъ бы ужаснулся и, ужаснувшись, онъ самъ сказалъ бы намъ: да, гг., я вѣрю, что положеніе Россіи въ этомъ отношеніи—положеніе невыносимое; онъ бы не рисовалъ намъ такой картины, которою онъ закончилъ свою рѣчь, а закончилъ онъ ее блестяще и благодаря блестящей картинѣ, раздались оглушительные справа и въ центрѣ аплодисменты. Онъ сказалъ: мы лѣса строимъ, за которыми вы еще не видите, что тамъ есть; а тамъ чудное зданіе, храмъ свободы, свободы не простой, не такой, какъ вы—лѣвые—понимаете, а свободы совершенной—свободы отъ невѣжества, нищеты и безправія. Вотъ какимъ зданіемъ, когда рухнуть лѣса, вы полюбуетесь. Но кто строить это зданіе, гг., кто зодчій? Онъ самъ сказалъ: Азефы, Бакаи и Лопухины. (*Рукоплесканія слѣва*). Имя имъ легіонъ. Гг., такіе строители могутъ-ли создать такое чудное зданіе, чтобы мы умилялись передъ нимъ? Нѣтъ, гг., къ сожалѣнію, выслушавъ рѣчь Министра Внутреннихъ Дѣлъ, я долженъ сказать, что, по моему мнѣнію, у этихъ дѣятелей строительнаго искусства ихъ, пониманія ими государственныхъ задачъ, которыя передъ ними рисуются, стремленія всего ихъ существа—хватаетъ только на выковываніе цѣпей, на постройку тюремъ и на ту висѣлицу, на которой у насъ до сихъ поръ все держится. (*Рукоплесканія слѣва*).

Дзюбинскій (Тобольской губ.). Мы выслушали въ предыдущемъ засѣданіи рѣчь Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Эта рѣчь, по крайней мѣрѣ, насъ, оппозицію, не удовлетворила. Предсѣдатель Совѣта Министровъ замѣтилъ, что слово „провокаторъ“ къ Азефу никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено. Но въ нашемъ запросѣ было не только обвиненіе Азефа въ провокаціи, у насъ было обвиненіе его въ большемъ—въ соучастіи въ преступленіи. Предсѣдатель Совѣта Министровъ категорически отрицаетъ участіе Азефа въ этихъ убійствахъ и говоритъ: я не выступаю ни въ его защиту, ни въ его обвиненіе. Но красной нитью во всей рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ проходитъ именно защита имъ Азефа. Въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи Предсѣдатель Совѣта Министровъ говоритъ: «пока мнѣ не дадутъ другихъ данныхъ, уличающихъ его въ соприкосновеніи съ преступниками—а таковыхъ я не нахожу»—до тѣхъ поръ, очевидно, Азефъ не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности. Гг., какіе же доказательства и документы были здѣсь предъявлены? Кромѣ извѣщенія социалистовъ-революціонеровъ, которое здѣсь опорочивается, вѣдь представлены были еще два письма отъ Азефа: одно собственноручное письмо и одна копія съ собственноручнаго письма. Эти документы категорически устанавливаютъ, что Азефъ участвовалъ въ убійствахъ, а извѣщеніе центрального комитета перечисляетъ и цѣлый рядъ преступленій, въ которыхъ Азефъ является участникомъ. Намъ говорятъ: нѣтъ документовъ для привлеченія его къ отвѣтственности. Развѣ представленныхъ данныхъ недостаточно для назначенія формальнаго разслѣдованія по дѣлу, даже въ судебномъ порядкѣ? Правительство не сказало, что оно пойдетъ навстрѣчу заявленіямъ и заставитъ произвести судебное слѣдствіе, открытое и гласное. Намъ говорятъ: нѣтъ, дайте документы и тогда только мы начнемъ официальное судебное разслѣдованіе. Гг., во всѣхъ ли случаяхъ Правительство такъ документально обставляетъ привлеченіе виновныхъ къ отвѣтственности? Чего мы требуемъ? Мы требуемъ только открытаго гласнаго разслѣдованія этого дѣла, мы требуемъ допроса тѣхъ свидѣтелей, которые остались еще въ живыхъ и обвинялись въ участіи въ преступленіяхъ. Вѣдь эти свидѣтели еще живы, ихъ можно опросить и они дадутъ то или иное показаніе. Свидѣтели эти: Сазоновъ, который привлекался къ отвѣтственности за участіе въ убійствѣ Плеве, Барышанскій, Трофимовъ, Абрамъ Гоць, привлекавшійся къ отвѣтственности за участіе въ покушеніи на Дурново, Яковлевъ, привлекавшійся по убійству Римана и, вѣроятно, многіе другіе, которыхъ я не знаю. Но вѣдь это извѣстно суду, это

известно Департаменту Полиціи и если бы Правительство хотѣло итти дѣйствительно на раскрытіе всей правды, какъ намъ сказалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, на раскрытіе всей истины, то очевидно, что путь для этого одинъ: путь гласнаго разбирательства, путь преданія Азефа суду; я скажу, что это—путь парламентской комиссіи для изслѣдованія этого очень сложнаго, темнаго и очень запутаннаго дѣла... Дальше: Предсѣдатель Совѣта Министровъ намъ говоритъ, что Азефъ своей дѣятельностью болѣе дискредитировалъ партію социалистовъ-революціонеровъ, чѣмъ могъ дискредитировать охранное отдѣленіе, агентомъ котораго онъ состоялъ. Я скажу съ своей стороны, что провокаторъ Азефъ, состоя въ центральномъ комитетѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ, дискредитировалъ только этотъ комитетъ, т. е. тѣхъ нѣсколькихъ лицъ, которыя такъ долго были ослѣплены и довѣряли ему, но партія въ цѣломъ не дискредитирована, точно такъ же, какъ присутствіе Азефа въ рядахъ охраннаго отдѣленія дискредитировало тѣхъ лицъ, которыя состоятъ въ охранномъ отдѣленіи или отвѣтственны за его дѣйствія. Намъ прислано недавно извѣщеніе отъ партіи социалистовъ-революціонеровъ съ разъясненіемъ уже послѣднихъ событій. Вотъ его текстъ: „Въ виду разнорѣчивыхъ, извращающихъ дѣйствительность слуховъ, возникшихъ въ связи съ дѣломъ о провокаторѣ Азефѣ, центральный комитетъ считаетъ необходимымъ дополнить нѣкоторыми данными тѣ свѣдѣнія, которыя сообщены имъ въ краткомъ извѣщеніи объ этомъ дѣлѣ (читаетъ): 1) Ложно сообщеніе о роспускѣ партіи и мѣстныхъ организацій, распространяемое какъ правой, такъ и частью лѣвой печати. Обнаруженіе провокаціи въ центрѣ партіи налагаетъ на центральный комитетъ нравственную обязанность дать отчетъ о всей своей дѣятельности созываемому въ ближайшемъ будущемъ совѣту партіи, ему же вручить свою отставку и поручить выборы новаго состава центральнаго комитета. До врученія отставки наличный составъ центральнаго комитета остается на своемъ посту и исполняетъ всѣ лежащія на немъ обязанности. 2) Формально обставленный судъ надъ Азефомъ не могъ состояться вслѣдствіе бѣгства Азефа въ ночь съ 5 на 6 января (новаго стиля), послѣ перваго же допроса и предъявленія ему обвиненія. Ложенъ усиленно распространяемый слухъ объ исчезновеніи съ Азефомъ четырехъ участниковъ суда. 3) Фактъ подготовки покушенія на Столыпина передъ роспускомъ первой Думы нисколько не противорѣчитъ заявленію центральнаго комитета въ серединѣ мая 1907 года о приостановкѣ террора. Заявленіе это было сдѣлано на основаніи перваго рѣшенія пар-

тіи, состоявшася въ апрѣлѣ 1906 г., при чемъ право возобновленія террористической дѣятельности предоставлялось центральному комитету, но измѣнившееся политическое положеніе съ вѣроятнымъ роспускомъ первой Думы заставило центральный комитетъ измѣнить свою тактическую позицію. Азефу, какъ руководителю центральнаго комитета, поручили подготовку покушенія на Столыпина. 4) Оглашенное депутатомъ Ширскимъ въ засѣданіи второй Думы 2 мая 1907 г. заявленіе центральнаго комитета устанавливало лишь непричастность партіи къ дѣлу о заговорѣ, относившемуся къ февралю—марту 1907 г. (дѣло Никитенки). Предпринятое боевой организаціей покушеніе противъ Царя было начато лѣтомъ 1907 г. и продолжалось до осени 1908 г. За этотъ періодъ имѣло мѣсто нѣсколько неудавшихся попытокъ цареубійства, которыми руководилъ Азефъ: участники этихъ попытокъ Правительствомъ не были обнаружены. Разслѣдованіе этихъ попытокъ, уже послѣ обнаруженія факта провокаціи Азефа, указываетъ на то, что Азефъ употреблялъ всѣ усилія довести покушеніе до конца; ихъ неудачи нужно отнести за счетъ случайныхъ обстоятельствъ“.

Итакъ, гг., заявленіе Предсѣдателя Совѣта Министровъ о томъ, что подготовлявшіяся покушенія на Государя Императора не имѣли мѣста, слѣдовало бы сначала подвергнуть обстоятельному, полному разслѣдованію, и тогда только объ этомъ заявлять.

Жуковскій (Петроковская губ.). Внѣшній видъ нашего думскаго зала показываетъ, что интересъ къ дѣлу Азефа упалъ. (*Голосъ справа*: вѣрно; упалъ). Очевидно, интересъ сосредоточивался не столько на самомъ дѣлѣ, не столько на обстановкѣ, которая этимъ дѣломъ иллюстрируется, сколько на рѣчи г. Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Поэтому естественно, что всѣ, которые будутъ говорить сегодня, не могутъ обойти молчаніемъ этого капитальнаго факта—рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Если я вѣрно понялъ смыслъ этой обстоятельной рѣчи, то логическимъ ея выводомъ было бы отклоненіе Государственной Думой даннаго запроса путемъ простого перехода къ очереднымъ дѣламъ. (*Голосъ справа*: правда). „Государственная Дума—сказалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ—можетъ быть найдеть, что въ дѣйствіяхъ правительства нѣтъ основаній для запроса о дѣйствіяхъ незаконномѣрныхъ“. Вотъ противъ такого простого рѣшенія запроса, волнующаго или волновавшаго Государственную Думу и все общество, я буду говорить по причинамъ какъ формальнымъ, такъ и по причинамъ существа. Прежде всего, второй пунктъ запроса № 52 запрашивалъ Пра-

вительство, извѣстно ли ему о дѣйствіяхъ агентовъ охранный службы, о ихъ участиі въ организациі преступленія. Г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, устанавливая понятіе наказуемости провокатора, говорилъ не объ участиі въ организациі, а о подстрекательствѣ и о самомъ совершеніи такихъ актовъ. Я не спорю, что такая постановка, суживающая рамки запроса, теоретически совершенно правильна, но думаю, что она рѣшительно неприложима въ отношеніи даннаго человѣческаго матеріала. Разобрать, гдѣ кончается участіе этихъ людей въ организациі и начинается участіе въ совершеніи преступленія, по моему, невозможно. Вѣдь все это совершается впотьмахъ, вѣдь мы имѣемъ дѣло съ такого рода персоналомъ, который сегодня служитъ революціи, завтра охранѣ, потомъ опять революціи. Такой примѣръ представляетъ этотъ, сдѣлавшійся знаменитымъ, Бакай. Такъ гдѣ же тутъ, съ такими персонажами, гдѣ же къ ихъ дѣйствіямъ примѣнять какую-нибудь юридическую, точную квалификацію? Поэтому я понимаю рамки запроса нѣсколько шире... Независимо отъ дѣла Азефа, фактическую сторону котораго, по моему мнѣнію, г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ объяснилъ удовлетворительно, съ этой трибуны были сообщаемы различные примѣрные факты провокаціи; большинство этихъ фактовъ было признано Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ сплошнымъ вымысломъ. Я вовсе не хочу удостовѣрять этихъ фактовъ, но я думаю, что такого рода опроверженія едва ли убѣдительны. Всѣ эти факты или по крайней мѣрѣ значительное большинство ихъ, независимо отъ большей или меньшей степени достовѣрности, имѣютъ одну общую, территориальную окраску. Почти всѣ они, — тѣ, которые были сообщены, и тѣ, которые еще будутъ сообщаемы, тѣ, которые составятъ еще предметъ запросовъ, — касаются Царства Польскаго. Выходить, какъ будто бы, такъ, что этотъ край представляетъ изъ себя опытную лабораторію извѣстныхъ полицейскихъ приемовъ, которые оттуда распространяются на все государство. Именно въ этомъ-то краѣ и создавалась атмосфера, благопріятствующая возникновенію провокаторства. Основныя причины созданія такой атмосферы лежатъ, можетъ быть, въ общей политикѣ Правительства и, можетъ быть, въ мѣстной, но дѣло тутъ не столько въ этомъ, сколько въ совершенно специальной постановкѣ охраны и полицейскаго дѣла въ краѣ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, упоминая о рядѣ покушеній, которыя не удалось предупредить и раскрыть, объяснилъ это тѣмъ, что эти покушенія производилъ именно не центральный комитетъ, о которомъ имѣлись нѣкоторыя свѣдѣнія, а какія-то, будто, автономныя организациі. Вотъ, когда я вду-

ываюсь въ положеніе охраны, то этотъ принципъ своеобразной автономности я замѣчаю и здѣсь, и примѣръ такой автономности охраны и представляетъ, напр., Варшавское охранное отдѣленіе. Какъ иллюстрацію автономности, я приведу фактъ очень громкій, имѣвшій мѣсто полтора года тому назадъ, когда 57 лицъ, освобожденныхъ изъ тюрьмы волею начальника охраны, распоряженіемъ существовавшего тогда Военнаго Генераль-Губернатора г. Варшавы, были въ ту же ночь арестованы охраннымъ отдѣленіемъ. Мѣстное охранное отдѣленіе подвѣдомственно мѣстной власти, но отнюдь оно ей не подвластно. Вотъ характеристика настоящаго положенія. И вотъ, когда я сознаю, что есть цѣлая группа людей, заинтересованныхъ по своимъ служебнымъ или другимъ соображеніямъ въ извѣстной тенденціозной окраскѣ событій,— людей, для которыхъ по ихъ служебному положенію созданіе такой тенденціозности доступно, то я не могу съ легкимъ сердцемъ относиться къ этому ряду фактовъ, можетъ быть, преувеличенныхъ, можетъ быть, исковерканныхъ, но пробивающихся съ удивительнымъ упорствомъ изъ полицейскихъ застѣнковъ нашего края на Божій свѣтъ. И я думаю, что сама многочисленность этихъ фактовъ, упорство этихъ слуховъ требовали бы отъ центральнаго Правительства не только фактической провѣрки и контроля, но и извѣстнаго политическаго изученія, ибо, несомнѣнно, наличность ихъ и упорство указываютъ на существованіе въ политической атмосферѣ извѣстнаго тенденціознаго теченія, котораго не должно бы быть, которое не должно бы имѣть мѣста, ибо оно такъ или иначе можетъ вліять на общую правительственную политику края. Г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ самъ призналъ, что вопросъ о постановкѣ организациіи полиціи—вопросъ болѣзненный. Я вспоминаю, что три года тому назадъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ говорилъ то же самое. Онъ говорилъ тогда очень красивую фразу о негодности кремневаго ружья у часового. Прошло почти три года, и вотъ, послѣ этихъ трехъ лѣтъ, послѣ признанія негодности кремневаго ружья у часового, мы обладаемъ пока только сообщеніемъ, что гдѣ-то вырабатывается проектъ новаго ружья. Я думаю, что такой ходъ государственнаго перевооруженія нѣсколько медлительнень, что онъ напоминаетъ скорѣе приемы Морского Министерства, достойно оцѣненнаго Государственной Думой,—но со стороны лица, обладающаго полнотой власти, онъ не можетъ служить подтвержденіемъ именно этой полноты. Въ прошломъ году при обсужденіи бюджета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ представитель центра, членъ Государственной Думы Шидловскій, говорилъ—что „свойство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, пре-

увеличивать политическую точку зрѣнія—есть основная причина того, что и въ настоящее время Министерство Внутреннихъ Дѣлъ подвержено также нѣкоторой переоцѣнкѣ своихъ полицейскихъ функцій. Эта сторона настолько присуща Министерству и всему, что оно переживало за эти десятилѣтія, что она затягиваетъ своего главу, совершенно, можетъ быть, не желавшаго стать на эту точку зрѣнія. Онъ, стоя среди этого водоворота, въ него вовлекается и, не давая себѣ отчета въ этомъ, волей-неволей долженъ слиться съ движеніемъ, создавшимся вокругъ него, и только намъ, стоящимъ на извѣстномъ разстояніи и видящимъ издали на мѣстахъ, какъ и что происходитъ въ этомъ вѣдомствѣ, можно ясно и опредѣленно констатировать, что дѣйствительно, такого рода стремленіе есть, и я думаю, что въ этомъ стремленіи и кроется, главнымъ образомъ, причина неудовлетворительнаго состоянія "Министерства".

Я вполне согласенъ съ высказаннымъ взглядомъ члена Государственной Думы Шидловскаго и думаю, что этотъ авторитетный взглядъ долженъ найти себѣ надлежащее выраженіе въ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ. Думаю, что требованіе ясности, требованіе реформы, сознание неудовлетворительности настоящаго положенія не только отъ причинъ внѣшнихъ и революціонныхъ, но и отъ причинъ внутреннихъ, отъ неправильности системы управленія, должны объединить большинство Государственной Думы. (*Рукоплесканія въ центрѣ и слева*).

Предсѣдательствующій. Объявляю перерывъ.

Перерывъ отъ 12 ч. 50 м. до 2 ч. 9 м. пополудни.

Засѣданіе возобновляется подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственной Думы.

Гегечкори (Кутаисская губ.). Въ предыдущемъ засѣданіи мы выслушали обширную рѣчь Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Онъ ознакомилъ насъ со взглядами Правительства на тотъ вопросъ, который былъ нами выставленъ, и мы вправѣ были ожидать, что рѣчь Предсѣдателя Совѣта Министровъ во всей полнотѣ отвѣтитъ на тотъ категорическій вопросъ, который былъ поставленъ нами въ запросѣ; между тѣмъ, мы вчера, т. е. въ предыдущемъ засѣданіи, въ продолженіе цѣлаго часа слушали рѣчь, полную сомнѣній, недомолвокъ и противорѣчій—какъ формальныхъ, такъ и по существу. Мы въ своемъ запросѣ въ полномъ объемѣ выставили обвинительный актъ Правительству, опирающемуся на физическую силу, на азефщину, какъ опредѣленную систему

государственнаго управленія, какъ на политическую провокацію. Членомъ Государственной Думы Булатомъ были представлены данныя, которыя заслуживаютъ серьезнаго вниманія,—данныя, имѣющія высшую объективную цѣнность; между тѣмъ, Предсѣдатель Совѣта Министровъ нашелъ нужнымъ и для себя выгоднымъ и необходимымъ обойти молчаніемъ эти данныя. Письма, представленныя членомъ Государственной Думы Булатомъ, исходящія отъ провокатора Азефа, съ достаточной категоричностью и опредѣленностью устанавливаютъ всѣ тѣ пункты, которые являются предметомъ нашего запроса. Въ первомъ письмѣ Азефъ признавался во всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ во всѣхъ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя предъявлены къ нему, какъ по отношенію къ нему лично, такъ и по отношенію всего Правительства, агентомъ котораго онъ являлся. Въ первомъ письмѣ онъ категорически заявляетъ революціонному трибуналу о всѣхъ своихъ услугахъ, онъ говоритъ, что Азефъ именно та личность которая въ данную минуту обвиняется въ провокаторствѣ, сумѣлъ поднять партію с.-р. на недостижимую высоту. Что касается второго письма, то въ немъ, опять-таки, съ полной категоричностью устанавливается, что Азефъ принималъ участіе во всѣхъ террористическихъ крупныхъ актахъ, происходившихъ за послѣдніе годы нашей жизни. Онъ говоритъ, что кромѣ сипягинскаго дѣла принималъ участіе въ убійствѣ Плеве, въ убійствѣ Богдановича и проч. Я повторяю, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ счелъ своимъ долгомъ объ этихъ данныхъ промолчать. Что намъ сказалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ? Рассказывая намъ о революціонной карьерѣ Азефа, онъ приводилъ такія историческія справки: онъ сказалъ, что только къ концу 1904 г. относится вступленіе Азефа въ заграничный комитетъ партіи. Заграничный комитетъ партіи, какъ это призналъ самъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, представляетъ собою малозначительную организацію партіи с.-р.; въ заграничныхъ комитетахъ преобладающимъ элементомъ является учащаяся студенческая молодежь, которая обыкновенно устраиваетъ вечеринки, рефераты, собираетъ несчастные франки и марки въ пользу партіи, и дальше этого работа заграничныхъ комитетовъ въ партійной жизни не идетъ. И вотъ, Предсѣдатель Совѣта Министровъ намъ указываетъ, что только къ концу 1904 г. провокаторъ Азефъ вступаетъ въ заграничный комитетъ партіи, между тѣмъ какъ это противорѣчитъ тому факту, который былъ тутъ констатированъ моимъ товарищемъ по фракціи Покровскимъ. Мы указали на то, что еще въ 1902 г., черезъ посредство Азефа, главѣ партіи с.-р. Гершуну были переданы отъ Товарища Ми-

нистра Внутреннихъ Дѣлъ Дурново 500 р. деньгами на оборудованіе типографіи, — значитъ, этотъ фактъ, который, кстати сказать, былъ, опять-таки, обойденъ молчаніемъ Премьеръ-Министромъ, — противорѣчитъ его словамъ. Но, кромѣ того, это противорѣчитъ и тѣмъ даннымъ, которыя были приведены самимъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ ниже въ его рѣчи. Онъ утверждалъ, что Азефъ считался агентомъ или сотрудникомъ Департамента Полиціи съ 1892 г., т. е. доставлялъ Департаменту Полиціи всѣ нужныя свѣдѣнія, — и ясно, какъ Божій день, другого вывода тутъ дѣлать нельзя, — что эти свѣдѣнія онъ могъ черпать изъ тѣхъ же революціонныхъ организацій, въ которыхъ ео ipso онъ долженъ былъ участвовать. Кромѣ этого, еще болѣе странное и вопіющее противорѣчіе — это разительный примѣръ и доказательство того, какъ люди послѣдовательно доходятъ до выводовъ курьезныхъ и смѣшныхъ, прямо дѣтски-смѣшныхъ противорѣчій, когда они защищаютъ неправо дѣло. Немного ниже въ своей рѣчи Предсѣдатель Совѣта Министровъ, желая во что бы то ни стало доказать неприкосновенность г. Рачковскаго къ провокаціи Азефа, говоритъ намъ, что наиболѣе активная дѣятельность Азефа проявилась тогда, когда Рачковскій находился въ отставкѣ, а именно съ 1902 — 1905 гг. Отсюда ясно, что провокаторъ Азефъ находился въ партіи с.-р. и принималъ участіе въ организаціи всѣхъ этихъ террористическихъ актовъ еще задолго до того, чѣмъ это было угодно указать Предсѣдателю Совѣта Министровъ. Но если хотя на минутку согласиться съ утвержденіемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, то можно притти къ слѣдующему невыгодному для него заключенію. Если Азефъ только въ 1904 г. вступилъ въ малозначительный заграничный комитетъ, то, спрашивается, какимъ же образомъ ему удалось проникнуть въ центральный комитетъ партіи, а. оттуда представителемъ центрального комитета въ боевую организацію партіи — въ полтора года? Должно быть, за какія-нибудь огромнѣйшія услуги партіи. И даже, если считать утвержденіе это правильнымъ, т. е. исходить изъ того, что г. Азефъ былъ только представителемъ центрального комитета и былъ представителемъ центрального комитета въ боевой его организаціи, то и тогда нужно притти къ тому заключенію, что нашъ запросъ правильно формулированъ и правильно обоснованъ. Центральный комитетъ, какъ извѣстно, орудуетъ всей партійной работой, всей партійной жизнью; центральный комитетъ занимается перевозкой оружія, раздачей его, ставитъ типографіи, вербуетъ членовъ и, слѣдовательно, онъ организуетъ дѣло партіи. Азефъ, постольку, поскольку онъ числился членомъ

центрального комитета, долженъ былъ принимать участіе во всѣхъ работахъ центрального комитета, слѣдовательно, онъ тѣмъ самымъ являлся провокаторомъ. Но Предсѣдатель Совѣта Министровъ этимъ не ограничился, онъ пошелъ еще дальше; онъ намъ заявилъ, что Азефъ былъ представителемъ центрального комитета боевой организаціи, т. е. иначе говоря, предсѣдателемъ или руководителемъ самой боевой организаціи. И это доказываетъ то, что хотимъ доказать мы, т. е., что Азефъ организовалъ, бралъ на себя инициативу террористическихъ актовъ, вербовалъ себѣ помощниковъ, а потомъ выдавалъ ихъ, т. е., что онъ былъ, согласно опредѣленію Предсѣдателя Совѣта Министровъ, провокаторомъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ дальше намъ утверждалъ, видя, что передъ нимъ открывается пропасть, что дѣло пошло не туда, куда нужно было, и силился доказать, что Азефъ никакого соприкосновенія съ убійствомъ Великаго Князя Сергѣя Александровича не имѣлъ,—и говорилъ, что объ этомъ фактѣ онъ никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній сообщить не можетъ, потому что его не было въ Россіи. Опять противорѣчіе, гг. Какъ извѣстно, убійство Сергѣя Александровича произошло, кажется, 5 февраля 1905 г. и, слѣдовательно, если вѣрить первоначальному утверженію Предсѣдателя Совѣта Министровъ, что Азефъ только съ 1906 г. начинаетъ имѣть близкое соприкосновеніе съ организаціей террористовъ, т. е. получаетъ возможность сообщать свѣдѣнія Департаменту Полиціи, если вѣрить этому утверженію, то неправильно второе утверженіе: вѣдь убійство Сергѣя Александровича произошло въ 1905 году; если онъ не находился въ Россіи, то, въ силу первоначального утверженія Предсѣдателя Совѣта Министровъ, онъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній Департаменту Полиціи сообщить не могъ. Если итти дальше, то мы придемъ въ соприкосновеніе съ главнымъ моментомъ всей нашей аргументаціи. Мы утверждали и сейчасъ утверждаемъ, что провокація, какъ таковая, есть двойная игра, что провокація вещь обоюдострая. Дѣйствительно, это проявилось на цѣломъ рядѣ случаевъ, проявилось это и въ случаѣ съ убійствомъ Великаго Князя Сергѣя Александровича. Разъ организованное, разъ налаженное дѣло террора летитъ, какъ ядро изъ пушки, уничтожая все на своемъ пути, и Департаментъ Полиціи, если бы даже хотѣлъ предупредить это убійство, не въ состояніи былъ бы по своему желанію остановить рычагъ террора. Но кромѣ этого, гг., я утверждаю, что Азефъ долженъ былъ нѣкоторые террористическіе акты доводить до конца, и это подтверждается также тѣмъ письмомъ, которое было оглашено тутъ. Онъ долженъ былъ

доводить ихъ до конца для того, чтобы не терять довѣріе въ средѣ революціонеровъ, приносить однихъ въ жертву другимъ. Это, между прочимъ, подтверждается заявленіемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, когда онъ намъ говорилъ о Клейгельсѣ. Да, было рѣшено убить Клейгельса, было рѣшено довести дѣло до конца, въ смыслѣ покушенія на Клейгельса, для того, чтобы спасти Трепова. Дальше, Предсѣдатель Совѣта Министровъ утверждалъ здѣсь категорически, что если бы были данные (а данныхъ оказалось очень много), то виновный былъ бы задержанъ и преданъ суду, кто бы онъ ни былъ. Но я спрашиваю г. Предсѣдателя Совѣта Министровъ, развѣ задержанъ и преданъ суду г. Рачковскій, развѣ задержанъ и преданъ суду г. Комиссаровъ, Будаговскій, а участники сѣдлецкаго и бѣлостокскаго погрома, а участники того самаго процесса, который явился тутъ содержаніемъ, объектомъ нашего запроса по Виленскому охранному отдѣленію? Вѣдь эти участники сидятъ на своихъ мѣстахъ и получаютъ повышенія и кресты, а одинъ изъ главныхъ организаторовъ дѣла политическаго сыска, одинъ изъ самыхъ главныхъ организаторовъ провокаціонной системы въ Россіи, г. Рачковскій числится еще помощникомъ начальника охраны въ Царскомъ Селѣ. Заканчивая свою рѣчь, Предсѣдатель Совѣта Министровъ намъ сказалъ, что политической сыскъ, какъ таковой, цѣлесообразенъ, только нужно измѣнить извѣстную форму,—и этимъ самымъ, по моему, политической сыскъ въ той формѣ, въ какой онъ проявляется сейчасъ у насъ въ Россіи, этимъ самымъ, онъ со стороны Предсѣдателя Совѣта Министровъ получилъ полнѣйшее признаніе и полнѣйшую санкцію. Да, гг., мы, скептики, утверждаемъ, что политическая провокація и всѣ уродливыя ея формы не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не будетъ раздавленъ главный источникъ, главный виновникъ всей этой неурядицы, всей этой путаницы и анархіи, именно деспотическое наше Правительство.

Маклаковъ (г. Москва). Въ этомъ дѣлѣ, гг., Правительство не захотѣло, какъ заявилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, становиться въ положеніе стороны. Еще менѣе слѣдуетъ это дѣлать Государственной Думѣ. Вѣдь, что бы ни говорило Правительство, всетаки, весь вопросъ объ Азефѣ есть споръ, тяжба между Правительствомъ и революціей, и самъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ призналъ это, когда говорилъ о встрѣчномъ искѣ, который къ нему, къ Правительству, предъявила революція. Но въ этомъ спорѣ Государственная Дума дѣйствительно не сторона. Она можетъ къ нему подойти съ той точки зрѣнія, съ которой хотѣлъ подойти самъ Предсѣдатель Совѣта Мини-

стровъ, подойти съ точки зрѣнія государственности, которой она является не только защитницей, но въ настоящее время скорѣе созидательницей. И, вѣдь, ясно, гг., что дѣло Азефа важно не тѣмъ, что оно раскрыло передъ нами что-то неслыханное и невиданное; масштабъ, дѣйствительно новый, но картина очень знакомая, вы всѣ знаете, что была сначала попытка со стороны Правительства пойти прежнимъ путемъ—все отрицать, оштрафовать газеты, которыя объ этомъ заговорили, яко бы за явную неправду, и похоронить это дѣло вмѣстѣ со многими другими, уже похороненными провокаціями. Но, слава Богу, и въ томъ-то заслуга этого дѣла, что въ данномъ случаѣ это такъ не окончилось. Вопросъ поставленъ, вопросъ сталъ на обсужденіе Думы, и мы услышали отъ представителя Правительства много подробностей, которыхъ мы, быть можетъ, слышать не ожидали; однако, выяснилось ли все до конца? Можно ли сказать, что въ этой грязи, въ кровавой грязи, въ которой вертится все дѣйствіе, связанное съ именемъ Азефа, что въ этой грязи мы видимъ все отчетливо и ясно? Къ несчастью,—нѣтъ; многое и теперь остается неяснымъ. Я даже скажу, что едва ли здѣсь, въ думской залѣ, мы можемъ все выяснить. Вѣдь тѣ источники, которыми намъ приходится пользоваться, эти источники и съ той, и съ другой стороны заранѣе опорочены. Вѣдь правду знаетъ кто? Знаютъ ее революціонеры, и знаетъ ее охранное отдѣленіе. Только они ее знаютъ вполнѣ. И что же мы видимъ? Принесены здѣсь свѣдѣнія отъ одной стороны. Прочтено постановленіе центрального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ, лица заинтересованнаго, но находящагося въ курсѣ этого дѣла. Намъ говорятъ: имъ вѣрять не слѣдуетъ; они—сторона. Прочли здѣсь документъ, подлинность котораго предлагаютъ вамъ удостовѣрить судебнымъ порядкомъ,—документъ, который по своему характеру, дѣйствительно, носитъ всѣ признаки подлинности, который говоритъ о томъ, что человекъ, обвиняемый въ провокаціи, сослался предъ своими сотрудниками, въ опроверженіе этого, на то, что они сами знаютъ, что онъ участвовалъ, организовалъ убійство Плеве, убійство Великаго Князя, слѣдовательно—стоитъ внѣ подозрѣнія. Гг., для прокурора этотъ документъ долженъ былъ быть рѣшающимъ. Я не думаю, чтобы былъ у насъ прокуроръ, который, получивъ подобное признаніе въ письмѣ, хотя бы даже перехваченномъ, чтобы онъ сказалъ: это вздоръ, онъ говоритъ о себѣ самомъ и потому мы ему вѣрять не можемъ. Но, когда говорятъ, что документъ исходитъ отъ заинтересованнаго лица, и что ему поэтому вѣрять не слѣдуетъ, я готовъ признать, что вы правы; я готовъ ска-

зять: будемъ осторожны, будемъ недоувѣрчивы и оставимъ вопросъ объ этомъ письмѣ, по крайней мѣрѣ, открытымъ. Но, къ сожалѣнію, что намъ принесли съ другой стороны? Вѣдь Предсѣдатель Совѣта Министровъ, который выступилъ съ утвержденіемъ, что эти факты невѣрны, что эти факты ложны, откуда почерпнулъ свои свѣдѣнія? Вы не будете отрицать, что его свѣдѣнія взяты прямо отъ заинтересованной, прямо отъ судимой стороны. Въ этой тяжбѣ охраны и революціи—охрана сама есть судимое лицо. Вѣдь изъ-за нея сюда сошлись, вѣдь ее защищаетъ здѣсь Предсѣдатель Совѣта Министровъ. И думаете ли вы, что эта охранка, полная Азефовъ неразоблаченныхъ, скажетъ всю правду про Азефа разоблаченнаго? Относитесь же къ этому источнику съ тѣмъ же скептицизмомъ, съ тѣмъ же здоровымъ недоувѣріемъ и скажите: въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ правда еще не далась, по крайней мѣрѣ, въ подробностяхъ. Мы будемъ ее ждать, эту правду, не отъ печати, не отъ донесеній охраннаго отдѣленія, а будемъ ждать ее, какъ сказалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, отъ нелицепріятнаго суда. Намъ здѣсь обѣщанъ процессъ, намъ сказали, что судъ, судъ нелицепріятный, выскажется по дѣлу Лопухина и раскроетъ всю ту картину, которую мы здѣсь обсуждаемъ. Да, я хотѣлъ бы закрѣпить это обѣщаніе Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я хотѣлъ бы, чтобы мы дѣйствительно могли быть увѣренными, что не здѣсь, гдѣ мы другъ другу не вѣримъ, не здѣсь, гдѣ мы заранѣе опорочиваемъ всѣ документы, а тамъ, на судѣ нелицепріятномъ, на судѣ, гдѣ мы увидимъ живыхъ людей, гдѣ намъ покажутъ не то, что хотятъ, а все, что извѣстно, гдѣ мы поставимъ свидѣтелей на очную ставку, что тамъ станетъ ясно, что такое охранное отдѣленіе, провокація, и прежде всего, станетъ ясно для Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Но для того, чтобы судъ чего-нибудь достигъ, чего-нибудь добился, я хотѣлъ бы, чтобы поняли, что значать эти слова „нелицепріятный судъ“. Пусть это будетъ судъ гласный, но этого мало. Для того, чтобы этотъ судъ раскрылъ правду, былъ дѣйствительно нелицепріятнымъ судомъ, для этого нужно, чтобы прежде всего этотъ судъ кое-что позабылъ: чтобы онъ позабылъ ту оцѣнку, которую раньше суда всему этому дѣлу со ссылкой на документы сдѣлалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ; чтобы онъ позабылъ тѣ угрозы, которыя съ этой трибуны въ министерской деклараціи были пущены по адресу непокорныхъ судей; чтобы онъ позабылъ печальные примѣры того, какъ у насъ уважаютъ и судейскія сужденія, и судейскую независимость, и судейскую несмѣняемость. (*Рукоплеканія слѣва*). Когда это судъ позабудетъ, тогда я буду ждать отвѣта на мой вопросъ отъ суда. Но, гг., я хотѣлъ бы

и еще кое-что подчеркнуть въ этомъ процессѣ; я хотѣлъ бы, чтобы Предсѣдатель Совѣта Министровъ отдалъ себѣ отчетъ въ той громадной борьбѣ, которая начнется на этомъ судѣ противъ охраннаго отдѣленія, чтобы онъ не забылъ все могущество этого отдѣленія. Вѣдь въ тюрьмахъ есть кое-что недоброе; мы знаемъ изъ одного запроса, который въ Думѣ будетъ обсуждаться, что однажды въ камеру обвиняемаго проникъ, подъ видомъ защитника, членъ охраннаго отдѣленія. Гг., въ дѣлѣ, гдѣ пойдетъ борьба противъ охранки, этого допущено быть не должно. Я хотѣлъ бы подчеркнуть, что на отвѣтственности Правительства, на отвѣтственности Предсѣдателя Совѣта Министровъ остается то, чтобы до этого суда не было ни угрозъ, ни вліянія и никакихъ попытокъ сношенія между обвиняемымъ и между членами охраннаго отдѣленія; и тогда мы будемъ ждать результатовъ суда. Но, гг., въ предѣлахъ вопроса объ Азефѣ мы можемъ теперь ограничиться тѣмъ, что несомнѣнно. Я готовъ признать, что здѣсь возможны легенды, о которыхъ говорилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ; странно, если бы ихъ не было, и не такія дѣла порождаютъ легенды, но вѣдь кое-что есть несомнѣнное, кое-что есть Правительствомъ признанное, имъ установленное,— и вотъ въ предѣлахъ того, что имъ признано, въ предѣлахъ этого, Государственная Дума, какъ не заинтересованная сторона, можетъ высказывать свое сужденіе. Правильнымъ ли путемъ идетъ наше Правительство и уничтожить ли оно то зло, съ которымъ обѣщаетъ бороться? Я внимательно слушалъ здѣсь рѣчь Предсѣдателя Совѣта Министровъ и хотѣлъ отдать себѣ отчетъ, хотѣлъ понять: почему въ этомъ дѣлѣ, гдѣ мы, какъ будто, исходимъ изъ одинаковой позиціи, мы начинаемъ въ конкретныхъ случаяхъ говорить на разныхъ языкахъ? Мы враги провокаціи, но, вѣдь, и Предсѣдатель Совѣта Министровъ врагъ провокаціи; вѣдь представитель его и раньше по виленскому дѣлу тоже говорилъ, что провокація недопустима. Такимъ образомъ, со стороны Правительства нѣтъ поблажки, нѣтъ потворства, нѣтъ разрѣшенія провокаціи, мы всѣ одинаково ее осуждаемъ; а между тѣмъ, когда мы начинаемъ говорить о конкретномъ явленіи, мы говоримъ на разныхъ языкахъ и другъ друга больше не понимаемъ. И мнѣ кажется, что изъ рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ я въ значительной мѣрѣ могъ понять, гдѣ начинается та идейная пропасть между нами и имъ, изъ которой вытекаетъ наше дальнѣйшее непониманіе. Предсѣдатель Совѣта Министровъ началъ съ опредѣленія того, что онъ считаетъ провокаціей, которую онъ осуждаетъ, которой онъ не позволяетъ агентамъ, за что онъ ихъ обѣщаетъ карать. И это

сказано было ясно и нѣсколько разъ подчеркнуто. Провокація, т. е. недопустимый пріемъ сыска, говорилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, бываетъ въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ лицо, которое само принимаетъ на себя инициативу преступленія, вовлекая въ это преступленіе третьихъ лицъ, которыя вступили на этотъ путь по побужденію провокатора. Вотъ и все. Предсѣдатель Совѣта Министровъ различаетъ двѣ группы: агентовъ, которые доносятъ и сообщаютъ и которые поступаютъ правильно, и тѣхъ, которые берутъ на себя инициативу преступленія и, сочинивъ преступленіе, другихъ въ него вовлекаютъ. Нельзя не удивиться тому громадному пробѣлу, который Предсѣдатель Совѣта Министровъ сдѣлалъ въ этомъ разграниченіи. Развѣ все исчерпывается тѣмъ, кто сочинялъ преступленіе, и тѣмъ, кто донесъ на него? Развѣ вы не знаете, что среди этого стоитъ цѣлая группа участниковъ, та главная группа, въ которую входятъ агенты, группа, которая, пожалуй, всѣхъ опаснѣе, которая не сочиняетъ, не выдумываетъ, не изобрѣтаетъ преступленіе, а помогаетъ въ его исполненіи. Эти люди не инициаторы; и потому тѣ, которые, видя человѣка, рвущагося на террористическіе акты, снабжаютъ его детальнымъ планомъ, помогаютъ ему достать бомбу, приводятъ и ставятъ его на нужное мѣсто, а потомъ на него доносятъ,—эти люди не провокаторы, съ точки зрѣнія Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Но развѣ вы скажете, что дѣянія ихъ правомѣрны? Если у насъ было лицо, которое, засѣдая вмѣстѣ съ кучкой людей, замыслившихъ террористическій актъ, своей помощью и связями дало возможность довести этотъ планъ до конца, снабдило оружіемъ, безъ котораго преступленіе не могло бы быть совершено, помогло его выполнить и потомъ донесло, развѣ вы нашли бы, что это дѣяніе правомѣрно только оттого, что идея пришла не ему? Вѣдь въ наше революціонное время идея убійства всего менѣе цѣнна; эта идея живетъ въ революціонныхъ низахъ, она проповѣдуется въ ихъ засѣданіяхъ, она повсюду, въ ихъ протоколахъ, во всей ихъ политикѣ. Эта идея была у всѣхъ, она была готова, но нужно было помочь ей осуществиться. И вотъ, если мы видимъ агента, который этому помогаетъ, который даетъ возможность довести идею до дѣйствія, мы называемъ его провокаторомъ; но съ точки зрѣнія Предсѣдателя Совѣта Министровъ, это, повидимому, только доносчикъ. Гг., въ прошломъ году здѣсь былъ примѣръ того преступленія, въ которомъ осталась, можно сказать, визитная карточка провокатора. Въ одно утро были сразу арестованы въ разныхъ частяхъ города нѣсколько молодыхъ людей съ бомбами. Было извѣстно, что эти бомбы были приготовлены для

того, чтобы произвести покушение на Министра Юстиции. Когда преступление так раскрывается, когда берут людей в разных концах, берут только их, заранее зная, где они стоят, каковы они из себя и зачѣмъ они здѣсь, тогда ясно; что тотъ, кто ихъ выдалъ, былъ вмѣстѣ съ ними и слѣдилъ за ихъ работою до самаго конца. (*Шумъ справа*). И тогда я спрошу васъ: почему эти люди не были арестованы раньше, почему они не были взяты тогда, когда они не шли еще съ бомбами? (*Шумъ справа*). Вы потомъ мнѣ на это отвѣтите, ибо слово за вами. Вы скажете: потому, что безъ этого не могли бы имъ построить висѣлицу, что нужно было дать имъ дойти до конца, чтобы имѣть право, хотя спорное, впоследствии ихъ повѣсить. (*Шумъ*). Да, гг., если вы такъ на это отвѣтите, то я васъ спрошу: то лицо, которое вмѣстѣ съ ними работало, которое довело ихъ до возможности сдѣлать преступление, помогало ему, то лицо, которое, пользуясь своими связями съ полиціей, дало возможность имъ безпрепятственно собираться тамъ, гдѣ собираться было нельзя, жить въ Петербургѣ тѣмъ, кому въ Петербургѣ жить было нельзя, то лицо, которое снабдило ихъ бомбами и потомъ дало возможность ихъ повѣсить, есть ли это лицо только доноситель, или также и провокаторъ? По моему взгляду—это есть провокаторъ, и въ этомъ все различіе между нашими взглядами. Если вы скажете, что это только доносчикъ, если вы скажете, что снабдить человека бомбой не преступление, что толкнуть на преступление другого—правомѣрно, тогда не будемъ говорить, или мы другъ друга не понимаемъ. Вѣдь провокація тогда будетъ фантастическимъ дѣломъ, въ которомъ вы никогда никого уличить не сумѣете. А между тѣмъ, если вы признаете, что пособничество преступленію тоже есть преступление, если вы вспомните, что караютъ не только того, кто бросилъ бомбу, но и того, кто доставилъ ее, вспомните, что дать оружіе преступнику значитъ помочь преступленію, то вы скажете, что эти люди сами преступленія совершали. И вотъ, если они совершали преступленія, ничуть не меньшія отъ того, что за ними была не инициатива, а только помощь, то я спрошу васъ, спрошу Предсѣдателя Совѣта Министровъ, спрошу все Правительство—развѣ не видятъ они, что та система постановки сыска, которую они называютъ „сотрудничество внутренней агентуры“, что она вся основана на этомъ, что ихъ агенты помогаютъ тому преступленію, которое послѣ караютъ? Иначе не можетъ и быть. Вѣдь эти агенты, чтобы имъ платили деньги, которыя платятъ, должны быть освѣдомлены; чтобы быть освѣдомленными, они должны пользоваться довѣріемъ революціонеровъ, а это довѣріе дается

не по протекціи, не по наслѣдственному праву, не ради прекрасныхъ глазъ, это довѣріе нужно заслужить, и заслужить той дѣятельностью, которая одна тамъ цѣнится,—заслужить преступленіемъ, помощью террористическихъ актовъ. И потому всякій человѣкъ, который можетъ оказать вамъ эту услугу, непременно одной рукой помогаетъ имъ для того, чтобы другой за это карать. Это и есть то, что мы называемъ провокаціей. Намъ сказали здѣсь про Азефа, что онъ былъ не только членомъ партіи, но и руководителемъ партіи, былъ членомъ центральнаго ея комитета. Это уже не выдумка, это признано и Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Подумайте, что такое членъ центрального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ? Вѣдь отъ этого комитета исходили всѣ директивы этой революціонной дѣятельности. Этотъ комитетъ говорилъ—не кладите оружія, продолжайте террористическіе акты. Комитетъ указывалъ, куда перенести терроръ, въ городъ или девевню. Этотъ комитетъ говорилъ—подождите съ царубійствомъ, обратите вниманіе на Министровъ. И все это исходило—отъ кого же? Отъ группы людей, во главѣ которой стоялъ и вмѣстѣ съ которой все это рѣшалъ тотъ, кого называетъ своимъ сотрудникомъ и агентомъ Правительство. Гг., считаете вы это нормальнымъ? Считаете вы это возможнымъ? Вотъ вопросъ, который поставленъ настоящимъ дѣломъ. Но вопросъ, такъ поставленный, вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, Правительствомъ уже рѣшенъ. Правительство могло не знать тѣхъ деталей, тѣхъ формъ, въ которыхъ выразилась преступная дѣятельность провокатора, оно могло не знать, кому онъ далъ бомбу, кому онъ далъ деньги, кому далъ совѣтъ, оно могло не знать, какими свѣдѣніями, ему одному извѣстными, онъ снабдилъ революцію,—но что эти люди все это дѣлали, что эти люди ей помогали, это, къ сожалѣнію, стоитъ внѣ сомнѣнія. Да зачѣмъ доказательства, когда самъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ даетъ ихъ въ своей искренности и близорукости. Вы помните его рѣчь, гдѣ онъ говорилъ, что иногда Азефъ послѣ неудавшагося акта попадалъ подъ подозрѣніе. Что онъ дѣлалъ тогда? Предсѣдатель Совѣта Министровъ отвѣтилъ: онъ на время отходилъ отъ агентуры, чтобы заслужить довѣріе революціонеровъ. Понимаетъ ли г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, какую страшную вещь онъ сказалъ? Понимаетъ ли онъ, что это значитъ—отойти отъ агентуры, чтобы вернуть довѣріе. Понимаетъ ли онъ, что если онъ временно уходилъ отъ агентуры, чтобы вернуть себѣ этимъ довѣріе, то, значитъ, онъ переставалъ доносить, переставалъ раскрывать и доводилъ до конца преступленія, которыя съ тѣхъ поръ удава-

лись? Вотъ, что призналъ г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, вотъ тѣ дѣла, которыя фатально являются на томъ пути, по которому идетъ Правительство. (*Рукоплесканія слыва*). И я опять-таки спрашиваю: правъ ли я—или неправъ, такъ ли понимаетъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ провокацію или нѣтъ, считаетъ ли онъ, что это допустимо, или не считаетъ? Я говорю: отвѣтъ на это, какъ будто, уже данъ. Во-первыхъ, потому, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ въ своемъ опредѣленіи ограничилъ роль провокатора только тѣми, кому принадлежитъ инициатива преступленія, а не помощь въ его выполненіи; во-вторыхъ, это разрѣшено тѣмъ, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ мирится съ фактомъ, что его агентъ, его сотрудникъ, былъ членомъ центрального комитета, отъ котораго исходило руководство всѣми тѣми революціонными явленіями, съ которыми онъ борется. Отвѣтъ на это данъ и въ той поистинѣ чудовищной фразѣ, которая вырвалась у Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Да, гг., фраза чудовищная, когда Предсѣдатель Совѣта Министровъ сказалъ, что если одинъ изъ главарей революціи былъ сотрудникомъ Департамента Полиціи, то это очень печально и тяжело не для Правительства, а для революціи. Гг., эта фраза чудовищна. (*Шумъ справа*). Если сотрудникъ полиціи былъ во главѣ революціи, то да, это ужасно, это печально для революціи, но это и позорно для Правительства (*голоса: браво; рукоплесканія слыва*), ибо если вся та революція, изъ-за которой вы ликвидируете манифестъ, если вся та революція, которая заставляетъ васъ итти назадъ, а не впередъ, если во главѣ этой революціи стоятъ ваши сотрудники и ваши агенты, то, гг., нѣтъ честности въ этой политикѣ (*голоса: браво; рукоплесканія слыва*), и Предсѣдатель Совѣта Министровъ сумѣлъ стать, поистинѣ, не только стороной въ этомъ дѣлѣ, но стороной съ готтентотской моралью тогда, когда такъ хорошо понялъ и краснорѣчиво описалъ ужасное состояніе юношей и дѣвушекъ, которые узнали, что шли на преступленія и убійства подъ вліяніемъ агента Правительства; и въ то же время не понялъ и не сказалъ, какое отвращеніе мы должны чувствовать къ Правительству, когда мы узнаемъ, что вѣшаютъ, казнятъ, ссылаютъ тѣхъ, которыхъ подстрекнулъ агентъ Правительства. (*Голоса: браво; рукоплесканія слыва*). И если это такъ, если это терпимо, если преступленіе разрѣшено только потому, что оно дѣлается, якобы, для борьбы съ революціей, то что же эти циркуляры, о которыхъ намъ здѣсь наивно говорили, эти циркуляры, которыми себя утѣшаетъ Правительство и которые оно разослало членамъ охранки, говоря, чтобы они провокаціей не

занимались? Да если вы позволили имъ сидѣть тамъ съ революціонерами и имъ помогать, если вы нашли, что доставлять имъ бомбы и деньги на бомбы, строить типографіи, распространять прокламаціи—закономѣрное дѣйствіе, то какого же вашего циркуляра слушаются они, когда вы имъ запретите самимъ выдумывать преступленіе? И во имя чего они кого-либо послушаются? Во имя морали? Не говорю о томъ, что эти люди стоятъ по ту сторону морали, но я думаю, что нисколько не хуже самому выдумать преступленіе, чѣмъ вооружить на преступленіе человѣка уже возбужденнаго, дать ему средства, дать ему то, чего ему не хватаетъ,—возможность совершить преступленіе. А съ точки зрѣнія закона пособникъ преступленія такой же виновный, какъ и подстрекатель къ нему. Если преступленію помогало, сотрудиномъ преступленія было Правительство, то въ этотъ моментъ Правительство было преступно, въ этотъ моментъ совершилось то, что трудно представить себѣ. Государство было преступно. Вотъ, къ какому nonsens'у, къ какому противорѣчію мы пришли. Вы думаете, что ваши циркуляры могли удержать агента въ этой позиціи. Никогда. Если вы допускали этихъ людей совершать преступленія и за нихъ не карали, если беззаконіе было для нихъ допустимо, то въ тѣ моменты, когда они, по вашему выраженію, отходили отъ агентуры,—по какимъ же признакамъ позволяли вы имъ выбирать тѣ жертвы, на которыхъ они отыгрывались отъ подозрѣній, на которыхъ они возвращали утраченное ими довѣріе? Откуда они ихъ выбирали. Выбирали ли менѣе чиновныхъ, выбирали ли менѣе важныхъ, выбирали ли менѣе видныхъ, или, можетъ быть, выбирали неугодныхъ людей, высоко, но непріятно поставленныхъ? Въ это вы входить не могли, но вы это допустили, вы на это шли, и все, что совершилось, совершилось хотя безъ вашего вѣдома, безъ вашего желанія, но по вашей винѣ. (*Рукоплесканія слыва и голоса: bravo*). И вотъ, если такъ, если вѣрно то, что намъ здѣсь объяснилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, то я скажу: подойдите къ этому вопросу съ той точки зрѣнія, съ которой подойти не сумѣло Правительство. Подойдите не съ точки зрѣнія вѣдомства, не съ точки зрѣнія борющейся стороны, которая думаетъ, что ей все позволено, а подойдите съ точки зрѣнія государства, съ точки зрѣнія государственности. Въ этотъ моментъ совершалось нѣчто противоестественное, совершалось объединеніе Правительства, государства съ преступленіемъ. Въ этотъ моментъ исчезало государство, исчезало Правительство, ибо, вѣдь, государство есть только правовое явленіе. Когда государство перестаетъ поступать по закону, то оно не государ-

ство, оно—шайка. Правительство въ это время не есть власть, опирающаяся на законъ, а оно есть тоже преступное сообщество, хотя и не тайное. *Вѣдь, провокаторъ, или, какъ вы говорите, агентъ, который помогаетъ преступленію, благодаря которому преступленіе совершается, который руководить революціонными выступленіями, это для Правительства преступникъ, котораго оно можетъ только карать. Безразлично, былъ ли онъ сначала агентомъ, а потомъ революціонеромъ, или обратно, но оно должно бороться съ нимъ,—онъ преступникъ. Но если государство сочло, что оно слишкомъ слабо, чтобы безъ этого обойтись, если государство забыло, что оно не всесильно и не можетъ быть всесильно, что есть нѣкоторыя вещи, которыя нельзя дѣлать даже для силы, то государство поступило такъ же, какъ поступаетъ честный человѣкъ, который забудетъ о томъ, что нужно быть честнымъ, и, хотя бы для хорошей цѣли, обращается къ помощи наемнаго убійцы, наемнаго лжеца, наемнаго вора. Когда совершился этотъ противоестественный союзъ преступника и Правительства, предъ нами не было Правительства, предъ нами стояла шайка, которая попала въ плѣнъ къ этимъ преступникамъ. *(Рукоплесканія слыва и голоса: браво, свистъ справа; звонокъ Предсѣдателя)*. Гг., въ тотъ моментъ—и никакіе свистки не есть аргументъ—въ тотъ моментъ совершилось плѣненіе власти; тотъ, кто это допустилъ, въ тотъ моментъ совершилъ нѣчто ужасное: плѣненіе власти у преступника,—и наша власть и Россія, по сію пору, несутъ на себѣ слѣды этого позорнаго плѣна. Правительство думало, что агенты ему помогаютъ, что оно имѣетъ свои культурныя цѣли, свои правовыя цѣли, на помощь которымъ идутъ агенты,—глубокая иллюзія! Когда Правительство спустилось до союза съ ними, Правительство стало имъ служить, Правительство свои культурныя цѣли забыло, чтобы служить тайному сообществу; и когда Правительство здѣсь грозитъ за провокацію, разсылаетъ циркуляры, угрожаетъ имъ, тѣмъ агентамъ, которые держатъ его въ плѣну, это не окрикъ хозяина, это бунтъ непокорнаго подданнаго. Да, гг., если вы проглядите, что сдѣлало наше Правительство послѣ этого союза, вы увидите, какъ все отступаетъ на задній планъ предъ интересами этой тайной полиціи. Хотите вы видѣть,—да вы сами знаете, какъ предъ ней отступаетъ и судъ и законъ. *Вѣдь Предсѣдатель Совѣта Министровъ говорилъ намъ, что онъ караетъ провокаторовъ; были найдены и перечислены имъ нѣсколько случаевъ, когда кара была, но я хотѣлъ бы, чтобы онъ подробнѣе рассказалъ вамъ эти случаи,—вы увидали бы, что эта кара была больше отъ столкновенія личностей, а не отъ дѣла.**

Но развѣ вы не помните рядъ случаевъ, когда кары никакой не оказывалось. Развѣ вы не помните это засѣданіе по виленскому запросу, когда Правительство вышло защищать охранника, который подкупалъ стражу для провоза контрабанды? Что же, были вы удовлетворены этими объясненіями, гдѣ была сдѣлана ссылка на документъ съ завѣдомымъ искаженіемъ его смысла? А знаете ли вы конецъ этого дѣла? Судъ ихъ осудилъ, а Правительство ихъ защищало. Кто же пострадалъ въ концѣ этого дѣла, охранники? Нѣтъ, ихъ выручили, ихъ переправили въ Америку, а пострадалъ тотъ судья, который постановилъ приговоръ. Я говорилъ про дѣло Пономарева, и виленскіе депутаты его знаютъ; оно кончилось двумя оправдательными приговорами, ибо по кассированному дѣлу былъ снова вынесенъ оправдательный приговоръ. Тогда, въ обличеніи этой провокаціи участвовалъ начальникъ жандармскаго управленія Мясоѣдовъ, и какой же финаль? Корнетъ Пономаревъ, пробывши помощникомъ начальника охраны въ Государственной Думѣ, занимаетъ постъ въ Сибири, а пострадалъ Мясоѣдовъ, тотъ, кто пошелъ противъ него и разоблачилъ его провокацію. Да что говорить, вы эти случаи знаете. Были безнаказанными опричники временъ Іоанна Грознаго, были безнаказанными преторіанцы, когда на нихъ опиралась Римская имперія, безнаказанны бываютъ всѣ тѣ, съ которыми Правительство войдетъ въ сдѣлку и позволить имъ совершать преступленіе за ту защиту, которую они даютъ. Вѣдь какой ироніей звучали слова Предсѣдателя Совѣта Министровъ, который, осуждая Лопухина за то, что онъ выдалъ Азефа, сказалъ: онъ долженъ былъ сказать это намъ. Гг., я не защитникъ Лопухина и виновности его не знаю, но ставлю такой вопросъ: въ тотъ моментъ, когда человѣкъ, знавшій роль Азефа въ полиціи, узналъ роль Азефа въ революціи, когда онъ узналъ, что продолженіе азефской дѣятельности—это продолженіе революціи, продолженіе казней и продолженіе провокацій,—что онъ могъ сдѣлать? Молчать? Вѣдь это значитъ попустительствовать. Да, я вѣрю Предсѣдателю Совѣта Министровъ и его искренности, онъ бы этого не допустилъ, если бы зналъ. Но что же было бы, если бы Лопухинъ сказалъ все ему? Было бы то же, что и сейчасъ; было бы предписано навести справки, представить ихъ, и оказалось бы, что никакихъ доказательствъ нѣтъ, и Азефъ остался бы неразоблаченнымъ и продолжалъ бы дѣлать свое дѣло. Гг., когда вы видите все это, вы понимаете всю безвыходность этого положенія. Но, гг., вы себѣ дадите отчетъ въ этомъ роковомъ вліяніи охраны на всѣ стороны нашей жизни, этого вавилонскаго плѣненія нашей власти. Наша власть въ

плѣну охраны, и потому наша внутренняя политика пошла за политикой охраны. Развѣ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, который три года тому назадъ говорилъ, что его задача—водворить правовой строй въ Россіи, что его задача—не бороться съ обществомъ, а вызвать его къ жизни, который говорилъ, что правовое начало есть начало, которое освѣжитъ всю Россію, развѣ Предсѣдатель Совѣта Министровъ остался такимъ же послѣ трехлѣтняго плѣна у охранки? Нѣтъ, гг., у охраннаго отдѣленія есть своя политика, у него есть свой врагъ, есть свое зло, съ которымъ оно борется: это—здоровая атмосфера законности, довольства, довѣрія къ власти и общая работа на общую пользу; этимъ убивается революція, но вмѣстѣ съ тѣмъ убивается и охранка. И потому у нихъ другая политика, политика опредѣленная: раздражать общество, возмущать общество, ослаблять общество, бороться съ обществомъ, наконецъ, какъ вѣнецъ всего этого, поддерживать атмосферу беззаконія и произвола. (*Рукоплесканія слева и отдѣльныя въ центрѣ; шиканье справа*). Гг., по какой дорогѣ идетъ теперь наше Правительство? Вы видите: законности, о которой говорили, этой законности болѣе не существуетъ. Исключительныя положенія? Три года тому назадъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ обидѣлся на предположеніе, сдѣланное первой Государственной Думой, что онъ хочетъ править исключительными положеніями,—онъ на это обидѣлся; во второй Думѣ онъ говорилъ, что они будутъ сняты; — что же, сняты они? Нигдѣ, и они не будутъ сняты, потому что, обѣщая ихъ снять, онъ распоряжается безъ хозяина; охранка возстанетъ, она скажетъ ему, что это невозможно, и докажетъ ему, что это невозможно, и куда революція дѣлается Азефами, вы ихъ не снимете, какъ бы искренно вы этого ни обѣщали. Этого мало; намъ говорили, что съ обществомъ не будутъ бороться; что же вы видите? развѣ не отталкиваются отъ Правительства умѣренные слои общества, у которыхъ больше не хватаетъ терпѣнія, тѣ слои общества, которые предпочли бы всегда счастье положительной работы совмѣстно съ Правительствомъ долгу оппозиціи. Но когда вопросъ ставится такъ, что нельзя помогать Правительству, не измѣняя странѣ, тогда нѣтъ выбора, и то, чего хочетъ охранка — отчужденіе Правительства съ страной — совершается и углубляется. А озлобленіе страны? Эти смертныя казни почти безъ суда, которыя не прекращены даже тогда, когда ясна роль Азефа въ этихъ смертныхъ казняхъ, развѣ это прекращено? Страна и возмущается, и развращается этими фактами, и, какъ довершеніе всего, какъ послѣднее слово, какъ послѣдняя расписка, что мы слышали третьяго дня? Мы

слышали, что тотъ Манифестъ 17 октября, который обѣщаль намъ свободы, тѣ свободы, которыя есть атмосфера, въ которой обновится Россія, тѣ свободы, безъ которыхъ вся конституція, весь представительный строй есть обманъ,—эти свободы уже называются не краеугольной основой новой жизни, а презрительной кличкой румянца политическихъ вольностей. (*Рукоплеканія слѣва и отдѣльныя въ центрѣ*). Насъ утѣшаютъ тѣмъ, что строятся лѣса, за которыми высится зданіе. Здѣсь говорилось о томъ, кто строить эти лѣса, но я вамъ скажу, что Россія не кирпичъ, не камень, не глина, она не можетъ ждать этого; она не зданіе, а живое тѣло, которое возмущается, которое задыхается, и, когда вы пожелаете снять эти лѣса, можетъ быть, будетъ уже поздно: вы накопите столько злобы и негодованія, что путь налѣво, путь къ вашей прежней политикѣ, будетъ для васъ ужъ закрытъ. Есть, гг., двѣ политики. Есть политика законной власти, которая не боится за себя, которая не боится страны, которая вѣритъ странѣ, которая на нее полагается, которая не нуждается въ предателяхъ, которая ведетъ страну впередъ, къ ея культурному преуспѣянію, къ ея могуществу, къ ея силѣ, къ ея свободѣ. Есть и другая политика, политика узурпаторовъ: это политика, которая ставитъ свои интересы выше интересовъ страны, которая не довѣряетъ странѣ, которая всѣхъ боится, а защищаетъ только себя. Еще Кавелинъ въ 70-хъ годахъ задавалъ скорбный вопросъ: какъ это Правительство, русское Правительство, наизаконнѣйшее Правительство міра, законность котораго никто не оспариваетъ, какъ оно править со всѣми приѣмами цезаризма, со всѣми приѣмами узурпаторовъ? На это отвѣтъ теперь данъ: потому что Правительство не свободно, потому что Правительство въ плѣну у этой шайки охранниковъ. Мы какъ будто вышли оттуда благодаря Манифесту 17-го октября; но испугъ, печальное послѣдствіе прошлаго, остановилъ этотъ ходъ, а вы насъ возвращаете туда, назадъ, подъ вліяніе шайки. Но гг., на этомъ пути какъ вы рассчитываете уничтожить провокацію, которая тамъ необходима? Вѣдь на предателяхъ, а не на странѣ, на притѣсненіяхъ, а не на свободѣ, зиждется въ настоящее время вся надежда Правительства, и единственное оправданіе его только то, что оно само не понимаетъ, что говорить и куда насъ ведетъ. (*Бурныя рукоплеканія лѣвой и отдѣльныя въ центрѣ*).

Гр. Бобринскій 2-й (докладчикъ комиссіи по запросамъ) Послѣ такого высокаго краснорѣчія, которое мы только что слышали, гг., нужно быть смѣлымъ, чтобы выходить на эту каеедру, и если я беру на себя эту смѣлость, то оттого, что я

чувствую, что рѣчь члена Государственной Думы Маклакова, несмотря на всю ея высоту и все ея краснорѣчіе, кореннымъ образомъ неправда, а что правы—мы, которые не раздѣляемъ его точки зрѣнія. Когда вчера членъ Государственной Думы Покровскій говорилъ, я васъ предостерегалъ, я говорилъ: гг., подождите, можетъ быть, дѣйствительно, будутъ представлены такія доказательства, которыя смутятъ насъ; и я прямо скажу—насъ упрекаютъ въ томъ, что мы стоимъ за Правительство—мы, какъ русскіе люди, стыдились бы, если бы Правительство было посрамлено. потому что это есть національное русское Правительство. Поэтому я говорилъ: подождите. Послѣ этого говорили члены Государственной Думы Пергаментъ и Булатъ. Послѣ этихъ рѣчей мы поняли, что намъ краснѣть не придется, что доказательства тяжелаго обвиненія, возведеннаго противъ Правительства, нѣтъ. Членъ Государственной Думы Маклаковъ говоритъ: центральный комитетъ руководилъ всѣми тѣми революціонными дѣянiями, съ которыми боролось Правительство. Я записалъ эти слова, пока онъ говорилъ. Что намъ говорили членъ Государственной Думы Маклаковъ и его друзья во второй Думѣ, когда тутъ вотъ (*показывая пальцо*), какъ разъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сидитъ, сидѣли социаль-революціонеры? Когда въ это время совершались самыя отвратительныя убійства, и мы говорили: какъ можете вы сидѣть въ одномъ информационномъ бюро съ этими преступниками?—они отвѣчали: „эти люди находятся въ зависимости отъ центральнаго комитета, а убиваютъ автономныя боевыя организациі—максималисты, которые на ножахъ съ центральнымъ комитетомъ“. Вотъ что мы неоднократно слышали. (*Рукоплесканія центра и правой и голоса: браво*). Вотъ чему они учатъ. Я кончу слѣдующимъ. Членъ Государственной Думы Маклаковъ сказалъ: снабдить человѣка бомбой—это преступленіе, а я поставлю два вопроса на это: во-первыхъ, состоитъ ли членъ Государственной Думы Маклаковъ членомъ кадетской партіи? Если онъ отвѣтитъ, что состоитъ, тогда я спрошу: а что, бросить бомбу, по вашему, преступленіе или нѣтъ? Если онъ скажетъ—„да“, то я спрошу: отчего вы аплодировали бомбѣ, которая убила адъютанта Дубасова? (*Милюковъ, съ мѣста: вздоръ, ложь; рукоплесканія въ центръ и справа; шумъ слева; звонокъ Предсѣдателя*). Это было, это люди видѣли, есть свидѣтели этого. Я еще спрошу члена Государственной Думы Маклакова, который сказалъ, что заслужить довѣріе у социалистовъ-революціонеровъ можно только преступленіемъ, я на это спрошу: состоитъ ли членъ Государственной Думы Маклаковъ членомъ кадетской партіи? Если со-

стоитъ, то преступленіемъ ли заслужилъ довѣріе социалистовъ-революціонеровъ вождь этой партіи Милюковъ? (*Рукоплесканія центра и правой; шумъ и смѣхъ слѣва; звонокъ Предсѣдателя*).

Пуришкевичъ (Бессарабская губ.). Никто не можетъ упрекнуть насъ, правыхъ членовъ Государственной Думы, въ томъ, что мы когда бы то ни было подслуживались русскому Правительству. Но необходимо, будучи различныхъ взглядовъ и различныхъ убѣжденій, уважать своего политическаго противника и, признавая въ Правительствѣ П. А. Столыпина, стремящагося ввести у насъ конституціонный строй, политическаго противника, мы, тѣмъ не менѣе, заслушавъ рѣчь Предсѣдателя Совѣта Министровъ съ этой трибуны и тѣ шаткія и жалкія возраженія, которыя раздавались отсюда, мы приходимъ къ заключенію, что у Правительства, у этого Правительства, руки въ провокаціи чисты. Но я позволю себѣ углубить вниманіе ваше на то, что происходило нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и обратить вниманіе, почему представители партіи народной свободы и представители лѣвыхъ группъ такъ старательно отводятъ глаза наши отъ тѣхъ, участіе которыхъ въ дѣяніи, которое инкриминируется Правительству Столыпина, можетъ быть если не сейчасъ здѣсь доказано, то, путемъ значительнаго ознакомленія съ документами, можетъ быть подтверждено. Гг., то лицо, о которомъ я говорю, я назову въ концѣ моей рѣчи. Но раньше, чѣмъ назвать это лицо, я позволю себѣ предложить вниманію вашему газету, гдѣ инкриминируется этому лицу провокація, отрицать которую мы при данныхъ обстоятельствахъ не можемъ. То лицо, которое создало силу партіи народной свободы, то лицо, которое стояло во главѣ русскаго Правительства въ смутные годы, то лицо, которое по нашему глубокому, глубочайшему убѣжденію является виновникомъ, инициаторомъ русской смуты, это лицо на свободѣ, это лицо законодательствуетъ, это лицо принимаетъ участіе въ государственной жизни. Нѣсколько дней тому назадъ 1 и 8 февраля, на страницахъ „Русской Земли“ появились двѣ статьи, гдѣ прямо, смѣло и открыто, за подписью автора этихъ статей, указывается на участіе высокаго русскаго сановника, стоявшаго въ главѣ русскаго Правительства, въ провокаціонной дѣятельности. Въ статьѣ, которая называется „гр. Витте и провокація“, указывается, гг., на цѣлый рядъ политическихъ убійствъ, которыя совершались въ тѣ годы, когда во главѣ Правительства стоялъ гр. С. Ю. Витте. Указывается на убійство Плеве, указывается на убійство Сипягина, указывается на убійство графа Игнатьева. Съ документами въ рукахъ человекъ не можетъ

оперировать на страницахъ газеты, но онъ говорить, что, если бы русское Правительство, сейчасъ у власти стоящее, обратило должное вниманіе на ту связь, которая существовала между революціонными организаціями и тѣмъ, кто является инициаторомъ русской смуты, то можно было бы, дѣйствительно, вывести весьма поучительное заключеніе. А между тѣмъ, упрекая Правительство Столыпина, у котораго руки въ этомъ отношеніи чисты, въ связи съ провокаціей, бросая упреки и инсинуаціи грязнаго, нечистоплотнаго характера слѣва, эти господа о Витте молчатъ. Мы знаемъ прошлую дѣятельность С. Ю. Витте, мы знаемъ ту тѣсную связь, которая существовала между нимъ и представителями партіи народной свободы и даже болѣе лѣвыми, во главѣ революціи стоявшими—Носаремъ-Хрусталевымъ и т. п. героями. Поэтому мы, фракція правыхъ, отвергая запросъ, внесенный фракціей народной свободы, желали бы однако, чтобы русское Правительство обратило серьезное вниманіе на прошлую дѣятельность своихъ предшественниковъ, чтобы оно подтвердило или опровергло тѣ данныя, которыя уже нѣсколько лѣтъ приводятся въ печати и ходятъ въ обществѣ, о той связи, которая существуетъ между гр. С. Ю. Витте, и представителями революціонныхъ теченій. Гг., Правительство Его Величества Самодержца Всероссійскаго должно покончить съ Казановой XX вѣка разъ и навсегда. (*Рукоплесканія правой; смѣхъ и шумъ слѣва*).

Гр. Уваровъ (Саратовской губ.). Для того, чтобы говорить о дѣлѣ, я изъ своей рѣчи совершенно исключу гр. Витте, потому что это относилось совершенно не къ дѣлу (*голоса слѣва: bravo*) и буду исключительно говорить въ рамкахъ, въ которыя поставленъ вопросъ съ самаго начала—объ Азефѣ. Вотъ вопросъ, который намъ нужно рѣшить: кто былъ Азефъ—только предатель революціонной партіи или предатель въ обѣ стороны. Предсѣдатель Совѣта Министровъ объяснилъ намъ свою точку зрѣнія. Я глубоко вѣрю и убѣжденъ въ кристаллической честности нашего Предсѣдателя Совѣта Министровъ и, поэтому, я глубоко убѣжденъ, что все, что онъ зналъ по этому дѣлу, онъ и самъ сказалъ и что въ данное время онъ никакихъ документовъ къ тому не имѣетъ, чтобы заподозрить въ Азефѣ человѣка, который участвовалъ своими собственными руками въ убійствахъ, и т. д. Но, конечно, вся доказательность его рѣчи, для меня, по крайней мѣрѣ, потрясена тѣми двумя словами, которыя онъ добавилъ: „и пока мнѣ не будутъ даны другія данныя—пока я вамъ ничего не могу сказать о томъ, участвовалъ ли Азефъ въ этихъ дѣлахъ“. Значитъ „пока“ онъ ничего сказать не можетъ, и думается мнѣ,

что эти слова испортили впечатлѣніе отъ всей рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Но эти слова доказываютъ вдвойнѣ чрезвычайную честность политическаго дѣятеля, который говорить: „въ данное время у меня нѣтъ никакихъ данныхъ, а если будутъ, я ихъ самъ скажу“. Вотъ поэтому я думаю, что Государственная Дума въ данное время совершенно спокойно можетъ сказать, что такихъ данныхъ нѣтъ. Конечно, я говорю о Правительствѣ, о Предсѣдателѣ Совѣта Министровъ; что тамъ внизу, внутри дѣлается, въ Департаментѣ Полиціи, въ охранкѣ, за это я не отвѣчаю, и, конечно, Министръ за это тоже отвѣчать не можетъ. Правы тѣ, которые думаютъ, что Министры, особенно Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, далеко не все знаютъ, что дѣлаютъ его подчиненные. Я приведу одинъ фактъ, который многимъ въ Петербургѣ извѣстенъ. Одинъ изъ предшественниковъ настоящаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ самый развалъ революціи, совершенно свободно, день и ночь, выѣзжалъ изъ своей квартиры совершенно открыто, но всегда съ нимъ рядомъ сидѣлъ начальникъ его охраны. Когда его спрашивали, почему вы такъ свободно ѣздите и берете постоянно начальника охраны, онъ говорилъ: да я думаю, что мой начальникъ охраны гораздо лучше меня знаетъ, гдѣ будетъ покушеніе; онъ лучше знаетъ, удастся оно или нѣтъ... (*голоса слева: браво*), поэтому онъ выѣзжалъ всегда съ начальникомъ охраны. Въ томъ, что говорилъ намъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, только одно остается для меня довольно темнымъ, это заявленіе Министра объ участіи Лопухина въ этомъ дѣлѣ. Тутъ странное соображеніе: намъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ сказалъ, что Лопухинъ, разъ въ разговорѣ съ Бурцевымъ, въ поѣздкѣ по Германіи, а потомъ въ засѣданіи 10 декабря въ Лондонѣ съ главами революціонной партіи, выдалъ имъ участіе Азефа. Для меня является слѣдующее сомнѣніе: кто же былъ при этихъ двухъ разговорахъ, при разговорѣ съ революціонной кукушкой Бурцевымъ по желѣзной дорогѣ и въ Лондонѣ, въ этой самой гостиницѣ? Кто же былъ тѣмъ Азефомъ, который въ данномъ случаѣ донесъ объ этомъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ? Если тамъ былъ, съ одной стороны, Бурцевъ, а съ другой стороны Лопухинъ, кто же третій рассказалъ объ этомъ? Такой фактъ мнѣ кажется довольно сомнительнаго качества. Во всякомъ случаѣ я не желалъ бы быть тѣмъ прокуроромъ, который будетъ на судѣ настаивать на осужденіи Лопухина по ст 102. (*Голоса справа: и не будете; голоса слева: браво*). Теперь, гг., я перехожу къ тѣмъ документамъ, которые представили противники Правительства. Думаю, что наши социалисты-рево-

люціонеры слишкомъ умные люди, чтобы опубликовать такія резолюціи, такія постановленія, которыя могли бы нанести какой-нибудь вредъ ихъ дѣлу, имъ самимъ; поэтому, когда я читаю постановленіе какой-нибудь соціаль-революціонной организаціи, я всегда задаю себѣ вопросъ: ну, а почему они это заявленіе опубликовали? И вотъ я думаю, зачѣмъ же эти три документа были широко опубликованы? Вотъ это размышленіе лишаетъ меня довѣрія къ этимъ опубликованіямъ. Я думаю, что, когда врагъ, а бесспорно соціаль-революціонная партія и центральный комитетъ ея—врагъ Россіи,—когда врагъ прибѣгаетъ къ такимъ демонстративнымъ объявленіямъ, я боюсь такихъ объявленій: собственно не того, что въ нихъ заключается, а того, что скрываютъ эти самыя объявленія. Поэтому, гг., эти документа, всѣ три, совершенно никакого документальнаго основанія не имѣютъ. (*Голоса въ центрѣ: вѣрно*). Говорятъ намъ о письмахъ, привезенныхъ Булатомъ; я думаю, что за этими письмами въ Парижъ не стоило ѣздить. (*Голоса справа: вѣрно*). И вотъ почему, гг., уже обращали ваше вниманіе на то, что Азефъ въ этихъ письмахъ утверждаетъ, что онъ совершилъ такую массу террористическихъ актовъ, принималъ такое участіе въ революціонной дѣятельности. Это подчеркнута лѣвыми ораторами. Позвольте мнѣ подчеркнуть другую сторону: въ этихъ же самыхъ письмахъ Азефъ божится и клянется, что никакого отношенія къ русской полиціи не имѣлъ, а всѣ мы знаемъ, что имѣлъ. Отчего же вы хотите вѣрить одному тому, что вамъ нравится, и не хотите довѣрять другому, что вамъ не нравится? Для меня ясное дѣло, что письма Азефа, такъ же, какъ и всѣ эти документа, сочинены *ad hoc*, навѣрно для того, чтобы кого-нибудь, что-нибудь ввести въ какое-нибудь заблужденіе. (*Голоса справа: вѣрно*). И, въ сущности, я убѣжденъ, что у каждаго правительства, какое бы правительство ни было, охранка или Департаментъ Полиціи въ томъ или другомъ видѣ, подъ тѣмъ или другимъ названіемъ, будетъ существовать и безъ него никакому правительству, пожалуй, существовать нельзя. Этимъ я не говорю, что я пойду туда служить, но допускаю, что это необходимо, и этого въ правительственной машинѣ избѣгнуть нельзя. Я думаю, что если бы даже П. Н. Милюковъ былъ нашимъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, то и у него будетъ Департаментъ Полиціи, и у него будетъ охранка. (*Смѣхъ въ центрѣ и справа*). Поэтому, гг., это есть зло, дѣйствительно зло, которое должно держать Правительство въ рукахъ, и которое, я убѣжденъ, зная честность Столыпина, послѣдній будетъ держать въ извѣстныхъ рамкахъ, но этого зла мы избѣгнуть не

можемъ. Поэтому, я думаю, что въ концѣ концовъ это вопросъ, по которому не стоитъ ломать всевозможныя копья краснорѣчія. Это зло, но что же дѣлать,—это зло неизбежное. (*Рукопесканиа справа и въ центрѣ*).

Замысловскій. Согласитесь, гг., что положеніе Правительства, которое стоитъ все время подъ угрозой цареубійства, которое все время стоитъ подъ угрозой того, что всѣ высшіе агенты этого Правительства будутъ истреблены, положеніе такого Правительства можно назвать весьма тяжелымъ и даже критическимъ. Но этого мало. Стараются снять всѣ преграды, которыя мѣшали бы успѣшной дѣятельности революціонеровъ. Преграды эти таковы: усиленная и чрезвычайная охрана, за которая взялось Правительство, не видя другихъ средствъ—поднимается вопль противъ охранъ; военные суды—поднимается вопль противъ военныхъ судовъ; смертная казнь—поднимается вопль противъ смертной казни; наконецъ, оказывается, что есть еще важное средство борьбы съ революціонерами, это внутренняя агентура; тогда эту внутреннюю агентуру объявляютъ сплошь провокаціей, начинаютъ громить Правительство за провокацію и всячески добиваются того, чтобы и это препятствіе на успѣшномъ пути дѣятельности революціонеровъ было по возможности снято, опять-таки, путемъ гипноза того же самага общественнаго мнѣнія, и результатомъ является кадетскій запросъ по дѣлу Азефа. Что же, гг., можетъ всему этому противопоставить Правительство? Оно противопоставляетъ, такъ называемую, внутреннюю агентуру: чиновники Правительства стараются втереться въ самые эти революціонные кружки и давать Правительству объ этихъ революціонныхъ кружкахъ свѣдѣнія. Конечно, это путь, къ которому по возможности не надо было бы прибѣгать, конечно, это путь очень скользкій и такой, который, если бы можно было его избѣжать, надо избѣжать. Но, гг., изъ всего того, что я говорилъ ранѣе, изъ всей этой картины, которую я нарисовалъ, изъ этой практики террора, цареубійства, разрушенія религіи, семьи, полнаго разрушенія всѣхъ основъ государства и того подстрекательства къ тому разрушенію, которое производится внутри страны, мнѣ кажется, нельзя не вывести, что иныхъ способовъ борьбы у Правительства не было, а, съ другой стороны, бороться оно было обязано. Но, вступивъ на путь внутренней агентуры, конечно, должно признать, что эта внутренняя агентура можетъ вырождаться и въ провокацію. Тутъ, конечно, надо поставить грань и сказать: внутренняя агентура допустима, а провокація недопустима и должна быть преслѣдуема, какъ дѣяніе преступное;

случаи провокаціи, несомнѣнно, будутъ, какъ бывають случаи взяточничества, должностные подлоги, должностныя растраты, но нельзя же, гг., говорить, что, если бывають случаи взяточничества и должностныхъ подлоговъ, то вслѣдствіе этого надо упразднить чиновниковъ — это абсурдъ. Стараются изобличить Правительство въ томъ, что Азефъ не только былъ освѣдомительнымъ агентомъ, но и провокаторомъ, — и въ томъ, что провокація Азефа была извѣстна Правительству. Мнѣ кажется, что до настоящаго момента совершенно не доказано ни то, ни другое. Замѣтите, гг., что Азефъ могъ сдѣлать нѣкоторыя провокаціонныя дѣйствія въ періодъ Лопухина, и наше Правительство теперь, дѣйствительно, объ этомъ можетъ не знать. Такая комбинація возможна, однако утверждаю, что ни то, ни другое пока не доказано. И придавать значеніе письму, которое было здѣсь оглашено, прямо смѣшно, ибо исторія письма, несомнѣнно, такова: когда открывается, что Азефъ былъ агентъ, то онъ, конечно, старается отъ этого обвиненія оправдаться. И вотъ онъ пишетъ въ партію: какой же я агентъ, когда я участвовалъ въ такихъ-то, такихъ-то и такихъ-то убійствахъ? Это, несомнѣнно, способъ оправданія, это способъ доказать, что онъ не агентъ, и прибѣгаетъ Азефъ къ этому способу потому, что другихъ способовъ доказать, что онъ не агентъ, у него подъ руками нѣтъ, а центральный комитетъ, привыкшій вѣрить Азефу и находившій, что Азефъ великолѣпнѣйшій революціонный дѣятель и чрезвычайно идейный человѣкъ, этотъ комитетъ, не имѣя тоже другихъ доказательствъ тому, что Азефъ не агентъ, а чистѣйшій революціонеръ, повторяетъ то, что ему вкладываетъ въ ротъ Азефъ, и составляется революціонный приговоръ о томъ, что Азефъ участвовалъ въ такомъ то и такомъ то убійствѣ, въ убійствѣ Плеве, въ убійствѣ Сергѣя Александровича, и что поэтому центральный комитетъ не считалъ возможнымъ вѣрить утвержденіямъ, будто Азефъ провокаторъ. Вотъ, мнѣ кажется, исторія этого письма и исторія этого приговора. При такихъ данныхъ ни тому, ни другому вѣрить не представляется никакихъ основаній. Депутатъ Маклаковъ говоритъ намъ: зачѣмъ же дозволяютъ развиваться этой преступной дѣятельности, зачѣмъ не хватають заподозрѣнныхъ съ самаго начала? Да позвольте, гг., если хватать съ самаго начала только потому, что напишетъ Азефъ изъ Парижа, такъ, вѣдь, вы первые же завопите, что это еще болѣе вопіющій произволь, что хватають человѣка безъ всякихъ доказательствъ, хватають только по письму какого-то агента. Когда же Правительство держится иной тактики, когда оно не хватается сразу, а ждетъ, чтобы доказательства появились, то вы гово-

рите: зачѣмъ же оно ждетъ? Если бы оно хватало сразу — вы говорили бы: какъ вы смѣете хватать по анонимнымъ доносамъ; а когда оно хватается не сразу, вы говорите: какъ вы смѣете давать развиваться преступности. Эти казуистическія извращенія въ особенности будутъ ясны, если проанализировать какъ разъ тотъ примѣръ, на который ссылался самъ депутатъ Маклаковъ. Какъ видите, я ссылаюсь не на свой примѣръ, а на примѣръ депутата Маклакова. Онъ привелъ въ видѣ примѣра покушеніе на убійство Министра Щегловитова 7 февраля 1908 г. Онъ говоритъ: людей схватили въ разныхъ частяхъ города съ бомбами, ясно, что здѣсь былъ провокаторъ, который ихъ снабдилъ этими бомбами и, такимъ образомъ, былъ участникомъ самого преступления. Почему ясно, что провокаторъ снабдилъ захваченныхъ бомбами, а не они сами себя снабдили бомбами, — этого я не понимаю. Вотъ какъ говорить депутатъ Маклаковъ, а вотъ какъ было дѣло въ дѣйствительности. Азефъ извѣстилъ Правительство, что областной отрядъ затѣваетъ убійство Щегловитова и что во главѣ отряда стоитъ нѣкая Анна Распутина, которая по этому процессу и была осуждена. Какъ должно совершиться преступленіе, кѣмъ именно, этого Азефъ не зналъ, потому что онъ состоялъ въ центральномъ комитетѣ, а преступленіе создавалось мѣстной организаціей. Тогда за Анной Распутиной рѣшили слѣдить шагъ за шагомъ и установили, такимъ образомъ, цѣлый рядъ лицъ, съ которыми Анна Распутина встрѣчается и входитъ въ соприкосновеніе. За этими лицами начали также слѣдить, и было установлено, что наканунѣ 7 февраля они всѣ вошли въ храмъ Христа Спасителя и тамъ обмѣнялись какими-то свертками; можно было предполагать, что свертки эти — бомбы. Но, гг., если бы всѣхъ этихъ людей арестовали только потому, что они встрѣчались съ Анной Распутиной, а объ Аннѣ Распутиной нѣкто написалъ, что она членъ партіи социалистовъ-революціонеровъ, то вѣдь сейчасъ же былъ бы внесенъ запросъ, который мы, несомнѣнно, приняли бы, — запросъ о незаконномъ рѣшеніяхъ дѣйствіяхъ Правительства, запросъ, что это за страшный произволъ, что арестовываютъ людей по какой-то бумажкѣ, Богъ знаетъ, почему, — и Правительство, можетъ быть, даже впадая въ излишнюю слабость, благодаря подобнымъ запросамъ, не рѣшилось арестовать, несмотря на то, что въ храмъ Христа Спасителя передавались какіе то свертки. На слѣдующій день этими самыми агентами наблюденія было установлено, что трое изъ лицъ, получившихъ наканунѣ свертки, подошли къ подъѣзду Щегловитова въ то время, когда была подана карета. Подъѣздъ распахнулся, и оттуда вышли мать и жена Щегловитова. Когда

подъѣздъ распахнулся, эти три лица бросились къ каретѣ, но, увидя, что выходятъ женщины, они повернулись и пошли прочь. Тогда агенты донесли о случившемся и сказали, что, очевидно, люди, за которыми они слѣдятъ, „выходили на дѣло“. Вотъ послѣ этого на слѣдующій день былъ произведенъ рядъ арестовъ: Анны Распутиной, Лидіи Стуры, Синегуба, Лебединскаго и у нихъ нашли или браунинги, или бомбы, прикрѣпленныя на животѣ посредствомъ кожаныхъ поясовъ. Вносится запросъ объ одномъ. Правительство доказываетъ, что запросъ никуда не годится, что запросъ бездоказателенъ; тогда выходитъ депутатъ Маклаковъ и начинаетъ говорить совсѣмъ о другомъ, очевидно, въ томъ расчетѣ, что сразу ему нельзя будетъ отвѣтить. И, дѣйствительно, я говорю черезъ полчаса послѣ Маклакова и совершенно случайно только располагаю тѣми данными, которыя могутъ вамъ доказать, какъ вамъ втираютъ очки. Не поддавайтесь этому и не вѣрьте тѣмъ людямъ, которые участвовали на съѣздѣ социаль-революціонеровъ и тамъ агитировали за гибель русскаго государства. (*Рукоплексканія справа.*)

Предсѣдатель. Объявляю перерывъ.

Перерывъ отъ 4 ч. 10 м. до 4 ч. 44 м. пополудни.

Предсѣдатель. Засѣданіе возобновляется.

Петровъ 3 (Пермской губ). Предсѣдатель Совѣта Министровъ защищалъ непричастность высшихъ чиновъ къ провокаціи вообще, а также отрицалъ провокацію и г. Азефа въ частности. Я позволю себѣ усомниться въ тѣхъ словахъ, которыя говорилъ г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ. Намъ извѣстно, что уже въ первой и второй Государственной Думѣ такія заявленія были дѣлаемы. Но эти заявленія вызывали тогда сомнѣнія въ членахъ Государственной Думы, такъ же, какъ и въ настоящее время вызываютъ у насъ. Я укажу на тотъ примѣръ, что былъ въ первой Государственной Думѣ, когда былъ разсматриваемъ запросъ по поводу провокаторской дѣятельности типографіи при Департаментѣ Полиціи и о разсылкѣ изъ этой типографіи прокламацій, примѣрно въ Вильно. Я позволю себѣ процитировать тѣ слова, что говорилъ тогда Предсѣдатель Совѣта Министровъ—въ тогдашнее время Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Давая объясненія по запросу о провокаторской дѣятельности типогра-

фіи при Департаментѣ Полиціи, онъ говорилъ слѣдующее: „при производствѣ по этому дѣлу тщательнаго разслѣдованія оказалось слѣдующее: въ срединѣ декабря 1905 г. жандармскій офицеръ Комиссаровъ напечаталъ на отобранной при обыскѣ бостонкѣ воззваніе къ солдатамъ, съ описаніемъ извѣстнаго избіенія въ г. Туккумѣ полу-эскадрона драгунъ и съ призывомъ свято исполнять свой долгъ при столкновеніи съ мятежниками. Это воззваніе было послано въ Вильно въ количествѣ 200—300 экземпляровъ. Кромѣ того, былъ сдѣланъ наборъ воззванія къ избирателямъ членовъ Государственной Думы“. Тогда же, послѣ рѣчи г. Столыпина, выступилъ членъ Государственной Думы Урусовъ и выразилъ большое сомнѣніе по поводу его рѣчи. И это сомнѣніе подтвердилось письмомъ Лопухина къ Столыпину, въ которомъ Лопухинъ пишетъ: „Изъ газетныхъ отчетовъ о происходившемъ 8 іюня засѣданіи Государственной Думы я не могъ не убѣдиться, что въ матеріалѣ, доставленномъ вамъ для составленія объясненій, которыя ваше превосходительство представили Думѣ, обстоятельства дѣла были совершенно извращены. Въ виду этого считаю долгомъ настоящимъ письмомъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства имѣющіяся у меня данныя. На этой машинѣ въ декабрѣ 1905 г. и въ январѣ 1906 г. было отпечатано не одно, а значительное количество воззваній, различныхъ по изложенію, однородныхъ по содержанию. Въ нихъ, рядомъ съ осужденіемъ революціоннаго движенія, доказывалось, что виновниками его являются преимущественно инородцы, прежде всего евреи, къ борьбѣ съ которыми воззванія и возбуждали. Въ моихъ рукахъ было три образца отпечатанныхъ въ типографіи Департамента Полиціи воззваній,—ими, какъ я выяснилъ, не исчерпывались провокаціонныя изданія этой типографіи; четвертый въ то время (21 января) былъ только набранъ. Онъ заключалъ въ себѣ самыя уродливыя обвиненія противъ евреевъ и призывалъ къ бойкоту ихъ при выборахъ въ Государственную Думу. Изъ отпечатанныхъ же воззваній, видѣнныхъ мной, одно представлялось наиболѣе преступнымъ: въ немъ авторы его противъ „поляковъ, армянъ, жидовъ“ возбуждали армію, такъ какъ воззваніе было обращено къ солдатамъ; каждый образецъ воззваній отпечатывался въ тысячахъ экземпляровъ. Только что упомянутое воззваніе къ солдатамъ было послано для распространенія въ Вильно съ чиновникомъ особыхъ порученій при Виленскомъ Генераль-Губернаторѣ Шкотомъ въ количествѣ около 5.000 экземпляровъ. Шкотъ частью ихъ самъ разбросалъ ночью по улицамъ города, остальные же передалъ Виленскому полицеймейстеру, который около 15 января

прислалъ Департаменту Полиціи телеграмму съ просьбой, въ виду успѣха воззваній къ солдатамъ, прислать новую партію ихъ. Таковая была отпечатана вновь въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ и послана Виленскому полицеймейстеру. Тѣ же воззванія къ солдатамъ были также въ тысячахъ экземпляровъ посланы для распространенія въ Курскъ командированному туда врачу Михайлову, состоявшему по приглашенію д. с. с. Рачковскаго на службѣ въ Департаментѣ Полиціи по вольному найму. Михайловъ 19 и 20 января также потребовалъ изъ Департамента Полиціи телеграммой присылки новой партіи тѣхъ же воззваній, въ виду особаго ихъ успѣха среди солдатъ. Кромѣ того, издававшіяся Департаментомъ Полиціи воззванія распространялись въ Петербургѣ черезъ Дубровина и находящійся подъ его предсѣдательствомъ „союзъ русскаго народа“, а въ Москвѣ—черезъ издателя-редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ Грингмута, которому транспортъ воззваній былъ переданъ въ декабрѣ 1905 г. въ Москвѣ лично д. с. с. Рачковскимъ. Провокаціонныя воззванія Департамента Полиціи распространялись и въ иныхъ мѣстахъ черезъ полицію и жандармовъ“.

Вы видите, что провокаціонная дѣятельность нашего Правительства подтверждается однимъ изъ чиновниковъ того же Министерства, представителемъ котораго является г. Столыпинъ. Затѣмъ провокаціонная дѣятельность нашего Правительства подтверждается еще однимъ фактомъ изъ исторіи. Я позволю себѣ процитировать нѣсколько словъ изъ статьи вчерашняго номера Нашей Газеты „Историческая справка объ Одесской забастовкѣ“ (*читаетъ*): „Была та смутная пора“ когда Зубатовъ былъ въ полномъ фаворѣ и сумѣлъ убѣдить своихъ патроновъ, что нѣтъ ничего легче, какъ заставить рабочихъ полюбить Правительство, „немножко“ натравивъ ихъ на „капиталь“. Предполагалось, что послѣдній сдѣлаетъ рабочимъ „нѣкоторыя уступки“, что рабочіе этими „нѣкоторыми“ уступками будутъ по горло сыты, а Правительство пожнетъ обильные плоды благодарности всего русскаго рабочаго класса. Изъ-подъ зубатовскаго крыла вылетѣлъ цѣлый рой агитаторовъ; и работа началась. Однимъ изъ первыхъ городовъ, на которые обратили вниманіе зубатовцы, была Одесса. Въ концѣ 1902 г. въ Одессѣ появился юркій юноша—Хуна Шаевъ Шаевичъ. Его появленію предшествовали секретные приказы изъ Петербурга одесскимъ жандармамъ, охранному отдѣленію и градоначальнику; въ этихъ приказахъ было объяснено, что всѣ дѣйствія Шаевича совершаются по волѣ Правительства, что онъ уполномоченъ вести агитацію среди рабочихъ, и что одесская администрація не въ

правъ ему мѣшать. Распоряженіе было принято, какъ водится, жъ свѣдѣнію и къ исполненію“. Вы прекрасно знаете, гг., чѣмъ кончилась въ г. Одессѣ провокаціонная дѣятельность этого г. Шевича. Тамъ были устроены погромы, были устроены разстрѣлы и т. п. И, въ общемъ, провокація нашихъ правителей подтверждается... Гг., до тѣхъ поръ Азефы и прочіе „легендарные“ провокаторы — какъ назвалъ г. Столыпинъ — будутъ управлять страной, пока власть управленія не будетъ находиться въ рукахъ самого народа. Лишь только тогда воцарится солнце правды, мира, спокойствія и братства на святой Руси, когда сатрапы произвола будутъ низвергнуты рукой народа. А съ водвореніемъ народной воли всѣ трудящіеся получатъ лучшія условія для жизни — хлѣбъ, здоровье и свободу! Въ заключеніе своей рѣчи я позволю предложить Государственной Думѣ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ отъ имени думской трудовой группы (*читаетъ*): „Принимая во вниманіе: 1) что участіе состоявшаго на службѣ Департамента Полиціи Азефа въ организаціи цѣлаго ряда террористическихъ дѣяній, какъ то: убійства Уфимскаго губернатора Богдановича, Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве и Великаго Князя Сергѣя Александровича, безусловно установлено, помимо другихъ доказательствъ, собственноручнымъ письмомъ Азефа; 2) что дѣятельность его въ качествѣ члена боевой организаціи не могла быть неизвѣстной его начальству въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; 3) что русская политическая полиція, пользуясь въ преслѣдованіи своихъ цѣлей безконтрольно огромными матеріальными средствами, широко употребляетъ ихъ на подкупъ людей, способныхъ играть двойную роль, состоя одновременно въ революціонной организаціи и на секретной полицейской службѣ; 4) что такая система плодитъ агентовъ провокаторовъ, принимающихъ участіе во всевозможныхъ покушеніяхъ и организуемыхъ ихъ съ тѣмъ, чтобы выдавать полиціи; 5) что такимъ образомъ русская политическая полиція и ея секретные фонды служатъ приманкой для авантюристовъ всякаго рода; 6) что вокругъ сыска создается, въ концѣ концовъ, атмосфера самага неразборчиваго политическаго авантюризма, и самая политическая полиція становится государствомъ въ государствѣ — организаціей, имѣющей собственную линію поведенія, которая никому неизвѣстна; 7) что какъ для моральнаго сознанія общества, такъ и для всего общественнаго порядка такая система чревата всевозможными неожиданностями, какъ это показываетъ дѣло Азефа, а равно и всѣ предыдущія проявленія полицейской демагогіи: забастовки, организованныя агентами Зубатова, дѣло Гапона, печатаніе погромныхъ прокламацій въ стѣнахъ Депар-

таментъ Полиціи, дѣло о черносотенномъ покушеніи на Витте и Юлосса и многія другія; 8) что прекратить террористическіе акты и избавить страну отъ язвы провокаціи Правительство можетъ единственно уваженіемъ къ законности, созданіемъ гласнаго, независимаго народнаго суда, немедленнымъ проведеніемъ въ жизнь обѣщанныхъ манифестомъ 17 октября свободъ и дружную работой вмѣстѣ съ правильно избраннымъ народнымъ представительствомъ, — Государственная Дума принимаетъ запросы и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ. (*Рукопесканія слова*).

Родичевъ (г. Петербургъ). Отсюда было провозглашено, что никакихъ фактовъ не имѣется въ распоряженіи Государственной Думы, такъ какъ факты, приводимые здѣсь, исходятъ изъ источника, не подлежащаго довѣрію. Но что же собой представляетъ вся рѣчь г. Предсѣдателя Совѣта Министровъ? Въ общей неопредѣленной формѣ признаніе главнаго факта, что агентъ Правительства состоялъ и во главѣ центральнаго комитета социаль-революціонной партіи, и стоялъ во главѣ боевой дружины этой партіи. Вотъ голый фактъ, признанный Правительствомъ. Намъ говорятъ здѣсь, что это всегда бываетъ и вездѣ будетъ при всякомъ правительствѣ. Я думаю, гр. Уваровъ ошибся въ одномъ: полиція будетъ существовать при всякомъ правительствѣ и агенты ея будутъ существовать при всякомъ правительствѣ, но къ помощи агентовъ, систематически участвующихъ въ организаціяхъ преступныхъ, въ организаціяхъ, предпринимающихъ цѣлый рядъ преступленій... Такіе факты, такіе агенты бывають, но у режимовъ гнилыхъ, только у узурпаторскихъ правительствъ. Только тѣ, которые добивались власти при помощи нарушенія основныхъ законовъ страны (*голосъ справа*: кадеты), и только тѣ, которые состояли въ открытой войнѣ съ своимъ народомъ, только они прибѣгали къ помощи такихъ организацій, къ помощи такихъ людей. Изъ исторіи XIX столѣтія я знаю только одинъ союзъ подобнаго рода — союзъ неаполитанскихъ Бурбоновъ съ Маффіей и каморрой. (*Рукопесканія слова*). Прибѣгало къ провокаціи и правительство третьяго Бонапарта. Другія правительства прибѣгать къ этой провокаціи не могутъ, потому что агентура превращается въ соучастіе въ преступленіи только тогда, когда и власть стоитъ выше закона, и когда агенты полиціи стоятъ выше закона. И въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ преступленіемъ, которое нужно во что бы то ни стало отрицать, не съ явленіями того рода, которыя оглашаются каждый день въ газетахъ, — мы имѣемъ дѣло съ основнымъ явленіемъ русской го-

сударственной жизни. Для власти закона нѣтъ, а когда для власти закона нѣтъ, вмѣстѣ съ билетомъ на званіе члена охраны, вмѣстѣ съ тѣмъ билетомъ, который дается каждому агенту охраны, ему дается открытый кредитивъ на цѣлый рядъ преступныхъ дѣйствій. (*Возгласы одобренія слѣва; смѣхъ справа*). Я не утверждаю, что тѣ, кто выдаетъ эти билеты чинамъ охраны, сопровождаютъ выдачу билетовъ этимъ наставленіемъ. Подобнаго рода наставленія никто не даетъ и никогда не дастъ. Эти дѣла вѣдь не такъ дѣлаются. Вѣдь цѣлый рядъ дѣлъ проходитъ предъ лицомъ суда, цѣлый рядъ исторій рассказанъ вамъ, цѣлый рядъ исторій, возвышенныхъ Бакаемъ въ иностранной прессѣ, и большая часть того, что онъ сообщаетъ, соотвѣтствуетъ правдѣ, хотя и преувеличенной—это слова Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Вы же тамъ видите этотъ рядъ преступленій, вы тамъ видите, какое значеніе имѣетъ каждое слово охранника и каждое дѣйствіе его. Вѣдь не говорили каждому изъ нихъ—пойди, позови десять молодыхъ людей въ сарай и подбрось имъ бомбу—нѣтъ, говорили:—открой бомбистскій заговоръ. И онъ открывалъ его. Не будь Бакая, который сказалъ это, никакой судъ не раскрылъ бы этого, потому что десять невинныхъ молодыхъ людей повѣшены безъ суда, и Сенатъ еще задается вопросомъ—можно ли разсматривать дѣло по жалобѣ на повѣшеніе безъ суда, такъ какъ нѣтъ налицо жалобы отъ потерпѣвшихъ. (*Рукоплесканія слѣва*). Вотъ то положеніе, при которомъ агентъ знаетъ, что ему все позволено, и что всѣ концы будутъ скрыты. Я вижу ироническую усмѣшку у многихъ. Но, гг., развѣ каждый изъ насъ не слышалъ и чуть ли не каждый день не слышитъ отъ многихъ агентовъ это выраженіе: „сдѣлаю все, что хочу“. Обыкновенно говорятъ: „разобью тебѣ морду“—это самое снисходительное выраженіе—„и ничего мнѣ за это не будетъ“. Я знаю случай, гдѣ убивали и заявляли—„и ничего мнѣ за это не будетъ“, стоитъ только убитаго провозгласить революціонеромъ и сказать, что онъ покушался или намѣревался покушиться на такое-то преступленіе. (*Крупенскій, съ мѣста: намъ не приходилось слышать*). Прочтите записки Бакая. Намъ говорятъ, что это отдѣльные злоупотребленія, а скажите, пожалуйста, та система, при которой по заявленію агентуры вѣшаютъ, это не система? это случайность, это случайное злоупотребленіе? Нѣтъ, это постоянно дѣлается и называть ту процедуру, вслѣдствіе которой это дѣлается, судомъ рѣшительно нельзя. Намъ говорятъ: Правительство, когда передъ нимъ откроется провокаціонное дѣйствіе, преслѣдуетъ его. А какъ же оно откроется? По донесеніямъ агента? Вамъ вѣдь Предсѣдатель

Совѣта Министровъ разсказывалъ всю эту исторію по даннымъ Департамента Полиціи, по даннымъ, откуда поступившимъ? По даннымъ, поступившимъ отъ Бакая, по даннымъ, поступившимъ отъ Азефа, которымъ вы въ одномъ случаѣ не вѣрите, а когда нужно послѣ этого человѣка повѣсить, такъ этому вѣрятъ. Нѣтъ, гг., не Правительству, которое, на основаніи агентурныхъ свѣдѣній, передаетъ военно-полевому суду или военному суду безъ процедуры, не Правительству, которое безъ суда, по даннымъ агентуры, ссылаетъ въ Сибирь, не Правительству сомнѣваться въ этихъ показаніяхъ. Во всемъ, что эти господа разболтали, въ этомъ сомнѣваться можемъ мы, но для васъ этого рода доказательства обязательны. (*Рукоплексканія слѣва*). И въ этомъ вѣдь есть опасность другого рода,—не только то, что она грозитъ каждому человѣку,—опасность этой системы состоитъ въ томъ, что Правительство въ своихъ дѣйствіяхъ, въ своемъ пониманіи окружающаго, въ своемъ пониманіи положенія дѣлъ, чѣмъ оно руководится? Мудростью Бакая и правдивостью Азефа! Вѣдь Бакаи и Азефы доносятъ, что страна успокоилась или не успокоилась. Вѣдь они являются идейными руководителями Правительства, въ особенности потому, что ихъ голосъ не подлежитъ провѣркѣ, и въ особенности потому, что голосъ общественнаго мнѣнія раздаваться не можетъ. Мнѣ говорятъ—газеты! Да вы припомните сообщенія объ Азефѣ, сколько штрафовъ въ административномъ порядкѣ было наложено. (*Голосъ: возвращено*). Молчи о всемъ томъ, о чемъ Правительству разговоръ непріятенъ. Они молчатъ, Азефы дѣйствуютъ. Общественное мнѣніе—это „голосъ лѣвыхъ листковъ“, а голосъ Азефа превращается черезъ рупоръ Министерства въ „голосъ государства“. И даже эта точка зрѣнія господствуетъ во всей исторіи, разсказанной г. Министромъ Внутреннихъ дѣлъ и Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Какъ онъ относится къ словамъ Азефа? Азефъ, вы говорите, участвовалъ въ покушеніи на Плеве? Боже сохрани, онъ 16 іюля далъ телеграмму изъ Вѣны и, слѣдовательно, онъ и не могъ участвовать. Вѣдь когда это говорить институтка, то такое незнаніе обстоятельствъ и лицъ, встрѣчаемое только у дѣвицъ, естественно и даже, быть можетъ, похвально (*смѣхъ; рукоплексканія слѣва*), но когда это говоритъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ въ Государственной Думѣ, то вѣдь онъ предполагаетъ, что мы всѣ не предположимъ самой простой вещи: такъ же, какъ, будучи въ Петербургѣ, Азефъ прописался въ Берлинѣ и давалъ оттуда телеграммы, кто мѣшалъ ему 16 іюля дать такимъ же образомъ телеграмму изъ Вѣны. Я думаю, что Азефъ въ своей наивности не всегда былъ

увѣренъ, что когда-нибудь съ кафедры Государственной Думы, въ русскомъ парламентѣ, это свидѣтельское показаніе будетъ положено въ основу объясненій Министерства. (*Слѣва рукоплесканія и голоса: браво*). На меня все изложеніе дѣла г. Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ произвело впечатлѣніе совершенной искренности, совершенной правдивости, но также и совершенной слѣпоты. Намѣренная ли это слѣпота или ненамѣренная—не мое дѣло, но это во всякомъ случаѣ слѣпота. Какіе же факты могутъ раскрыть глаза власти? Какіе факты могутъ раскрыть глаза вамъ, если категорическое признаніе человѣка, хвастовство, обращенное къ своему бывшему соучастнику организаціи убійства Великаго Князя Сергѣя Александровича, хвастовство, обращенное къ нему и подкрѣпляемое словами: „Вѣдь ты самъ все знаешь; вѣдь ты самъ знаешь участіе мое; знаешь, что это дѣло рукъ моихъ“,—отбрасывается и на это не обращаютъ вниманія. Если бы такой документъ обнаруживалъ не агента Правительства, открывалъ бы не то, что Правительству въ его слѣпотѣ кажется неприятнымъ, а то, что ему при прозрѣніи должно казаться страшно опаснымъ, развѣ нашелся бы такой прокуроръ, такой товарищъ прокурора, который не обязанъ бы былъ немедленно принять всѣ мѣры къ разысканію Азефа? И только одинъ фактъ состоянія его на службѣ у Правительства и увѣренность въ томъ, что все это заранѣе помѣщено въ аккредитивѣ Азефа, только одно это обстоятельство могло объяснить все легкомысленное отношеніе къ этому документу. Гг., вѣдь другихъ документовъ быть не можетъ; когда въ дѣлахъ подобнаго рода появятся доказательства, тогда уже поздно. Вѣдь провокація—это участіе агентовъ Правительства въ завѣдомо для Правительства преступныхъ организаціяхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ, вѣдь это линія, съ которой можно свалиться такъ же легко въ ту или другую сторону, какъ съ острія ножа. Вѣдь мы въ Россіи знаемъ случаи, когда Правительство держалось этой линіи и когда доказательства для него обнаруживались слишкомъ поздно. Что такое дѣло Азефа? Азефа спрашиваютъ: „ты участвуешь въ боевой дружинѣ и социаль-революціонномъ комитетѣ? Да, участвую, участвую для того, чтобы раскрыть вамъ всѣ тайны“. Такой же вопросъ былъ обращенъ Императоромъ Павломъ къ гр. Палену. Гр. Паленъ сказалъ то же самое, что говорилъ постоянно Азефъ: „да, я участвую въ этой организаціи для того, чтобы открыть ее“, и немедленно послѣ этого далъ знакъ начинать: на другой день Императоръ Павелъ былъ задушенъ. (*Рукоплесканія слѣва, голосъ справа: къ чему Павелъ?*). Когда преступленіе

совершится, тогда разсуждать поздно; когда это сдѣлается, мы не скажемъ, что виноватъ Директоръ Департамента Полиціи, что виноватъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, мы тогда скажемъ, что виновата система, по которой онъ шелъ и шелъ не сознательно, но съ слѣпыми, завязанными глазами; если вы не хотите сдѣлаться отвѣтственными за этотъ путь, обязанность ваша сорвать повязку съ глазъ Правительства въ этомъ случаѣ и пусть оно надѣнетъ эту повязку въ дѣлахъ судебныхъ, а въ дѣлахъ полиціи сниметъ ее. Оно дѣлаетъ какъ разъ обратное, а вы должны въ этомъ случаѣ сорвать эту повязку и не дѣлаться отвѣтственными за этотъ методъ дѣйствій, который чреватъ грозными послѣдствіями и отвѣтственность за который мы, внося этотъ запросъ, снимаемъ съ себя, а вы, когда отвергнете его, примете на себя. (*Рукоплексканія слѣва*). Намъ говорятъ, что это отдѣльный фактъ, что Правительство никогда не прибѣгаетъ къ провокаціи, но фактами и анекдотами это опровергнуто изо дня въ день, изъ часа въ часъ. Я не стану вамъ приводить тѣхъ фактовъ, которые сейчасъ мнѣ сообщены. Мало ли такихъ можетъ быть рассказано вамъ фактовъ о преступникахъ, которые состоятъ до сихъ поръ на службѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Прочтите финляндскіе процессы. Вы тамъ найдете указаніе на многое. Но вѣдь исторія провокаціи, исторія участія правительственныхъ агентовъ въ преступленіяхъ всегда сопровождается собой извѣстную систему, въ которой власть стоитъ выше законовъ. Вы припомните, что только творилось при господствѣ усиленной охраны, а объ ней говорилось здѣсь, что ее недавно завели; нѣтъ, гг., ее завели съ 1878 г., и она существуетъ въ Петербургѣ болѣе 30 лѣтъ по настоящее время. Вы припомните, какъ кончились первые припадки террора, порожденнаго въ свое время реакціей; они кончились тѣмъ, что революція, павши морально, и Правительство, не стоявшее въ то время по нравственному уровню выше этого моральнаго уровня, смѣшались; граница между революціонными заговорами на убійство и между охраннымъ отдѣленіемъ въ то время, при Судейкинѣ, такъ же стерлась, какъ теперь. (*Голосъ справа*: при Витте). Да, это предзнаменованіе исторіи Азефа, и поэтому обратите свой взоръ на значеніе тѣхъ социальныхъ и моральныхъ условій, при которыхъ могла быть возможна „дегаевщина“, — это раскроетъ вамъ глаза на тѣ условія, при которыхъ здѣсь возможна „азефщина“, — она укажетъ вамъ на значеніе того разоблаченія, которое въ настоящее время сдѣлано. Припомните, что Судейкинъ имѣлъ въ виду убить гр. Д. А. Толстого, Великаго Князя Владиміра Александровича.

вича и сдѣлаться Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. (*Голосъ справа*: это изъ революціонныхъ листковъ). Помните, что пользоваться услугами революціонныхъ убійствъ—не есть нѣчто новое для высшихъ агентовъ охраны,—это уже старая традиція. Судейкинъ кончилъ тѣмъ, что былъ убитъ. Въ настоящемъ случаѣ, если существовалъ заговоръ, если Азефъ готовъ былъ сыграть роль Дегаева,—а вѣдь вы въ его душу не проникли, вы знаете только то, что онъ человѣкъ двухъ присягъ, а которой онъ служитъ больше въ данный моментъ, вы до сихъ поръ не знаете; если вы представите себѣ, что азефская душа больше на сторонѣ той присяги, которую онъ давалъ, когда уже участвовалъ въ убійствахъ, вы скажете: да, это могло кончиться тѣмъ же. Что произошло тогда? Полный разгромъ революціонной партіи; полный разгромъ не потому, что были выловлены люди, а потому, что разоблаченіе „дегаевщины“ нанесло конспиративнымъ организаціямъ страшный моральный ударъ. Въ настоящее время это моральное значеніе разоблаченій то же самое, что и тогда. Предсѣдатель Совѣта Министровъ правъ: страшный моральный ударъ нанесенъ революціи,—революціи, понимаемой въ смыслѣ заговоровъ для убійствъ и террористическихъ актовъ. Въ то время предсѣдатель исполнительнаго комитета Левъ Тихоміровъ поставилъ Дегаеву условіе — ѣхать въ Петербургъ и убить Судейкина или немедленно быть самому убитымъ; Дегаевъ поѣхалъ въ Петербургъ, и Судейкинъ былъ убитъ. Въ настоящее время парижскій революціонный комитетъ не сдѣлалъ этого постановленія; у него способности на убійство меньше, чѣмъ у тогдашняго предсѣдателя исполнительнаго комитета. Онъ (*обращаясь вправо*) въ вашихъ рядахъ, гг. (*Сливъ рукоплесканія и голоса*: браво, браво). Дѣло обошлось пока благополучно, но если вы настаиваете на томъ, что ничего въ этомъ дѣлѣ особеннаго нѣтъ, что это ударъ для революціи, но не для Правительства, если вы настаиваете, что нужно почистить Департаментъ Полиціи, назначивъ на мѣсто Трусевича Муратова, или я не знаю что, тогда вы, гг., остаетесь на старомъ пути, при которомъ исключительныя положенія рождаютъ беззаконія и развязываютъ руки всѣмъ преступникамъ, разъ они надѣли на себя петлицу охраннаго отдѣленія. Въ этомъ дѣлѣ вы должны обратить вниманіе на то, что помимо террора есть цѣлая система вмѣшательства Правительства въ революціонное движеніе съ намѣреніемъ его обмануть. Вѣдь когда возникло рабочее движеніе, Правительство организовывало стачки; вѣдь оно совершало съ точки зрѣнія закона того времени преступленіе, вѣдь Гапонъ состоялъ на жалованьи Правительства. (*Голосъ*

справа: Витте). Вѣдь, гг., позвольте васъ вернуть къ запросу: въ нашемъ запросѣ указано участіе Азефа въ провозѣ оружія въ Финляндію; по всей вѣроятности, онъ провозилъ его и на Кавказъ, о чемъ здѣсь недавно говорили. Въ этомъ провозѣ участвовали Гапонъ и Азефъ; и тотъ, и другой состояли на жалованьи у Правительства (*голосъ справа:* Витте), и мы можемъ задавать Правительству вопросъ, извѣстно ли ему объ этомъ; ему объ этомъ извѣстно, конечно. Въ настоящее время извѣстно и тѣмъ депутатамъ, которые такъ легко получаютъ свѣдѣнія изъ охраннаго отдѣленія, и я совѣтывалъ бы вамъ быть поосторожнѣе въ вопросѣ о провозѣ оружія и рѣшеніи вопроса, откуда оно исходитъ. Оно провозилось агентами Правительства — это нынѣ доказано. Теперь, что же вы думаете, всѣ нравы измѣнились вдругъ, и администраторы, которые призывались содѣйствовать какому-нибудь организатору стачки въ Москвѣ или въ Одессѣ, администраторы, которые должны были попустительствовать провозу оружія, сразу перемѣнили свое воспитаніе и сдѣлались людьми, способными оказывать сопротивленіе, рискуя своей отставкой? Они за одинъ день измѣниться не могли, и ни для кого изъ насъ не секретъ, что акту 17 октября предшествовала цѣлая годовая, во всякомъ случаѣ — полугодовая предварительная организація такъ называемыхъ контръ-демонстрацій, которыя организовывались властью и разразились послѣ 17 октября. (*Голосъ справа:* вранье; ложь; докажите). Могу.

Предсѣдатель. Покорнѣйше прошу не переговариваться.

Родичевъ. Я не думаю, чтобы нынѣшній Предсѣдатель Совѣта Министровъ могъ бы нести исключительно на себѣ отвѣтственность за погромы, при немъ совершившіеся, и я убѣжденъ, что онъ ихъ не желалъ, но онъ не могъ ихъ остановить, и онъ былъ безсиленъ бороться съ той организаціей, которая раньше его возникла и съ которой онъ никогда не осмѣливался вступать въ войну — съ той организаціей, которая пустила корни и въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и въ охранномъ отдѣленіи на мѣстѣ, и въ охранныхъ отдѣленіяхъ въ городахъ Западнаго и Юго-Западнаго края. И я вамъ припомню, что еще въ декабрѣ мѣсяцѣ Петербургскимъ окружнымъ судомъ установлено, что жандармскій офицеръ хвастался передъ равниномъ: если вы не исполните того-то и того-то, я вамъ устрою здѣсь Сѣдлецъ; и я вамъ напомню, что въ то время, когда Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, обращая лицо свое къ Европѣ, говоритъ, что онъ готовъ плакать отъ этого событія — погрома въ Сѣдлецѣ — въ это время въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ посту-

пають рапорты о виновникахъ сѣдлецкаго погрома, и въ это же время готовится приказъ о благодарности тѣмъ, подъ начальствомъ кого состоялся погромъ. (*Рукоплексканія слѣва*). Я не утверждаю, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ хотѣлъ этого, но справиться съ этой благодарностью онъ не сумѣлъ и вступить въ борьбу съ нею, какъ это было его долгомъ, — онъ не захотѣлъ. Вы знаете, что состоялось послѣ роспуска первой Думы? (*Голоса справа: Выборгъ; смѣхъ*). Я о дѣлѣ Азефа говорю: состоялось вступленіе Азефа въ боевую дружину. Всѣ темныя силы, какъ бы онѣ ни были запятнаны прошлымъ, хотя бы кровью, были призваны на служеніе, былъ заключенъ союзъ съ мавромъ... (*Марковъ 2, съ мѣста: а въ это время Родичевъ предсѣдательствовалъ въ воинскомъ присутствіи; голосъ справа: что за мавръ?*). Мавръ—это отродье въ родѣ азефскаго. (*Рукоплексканія слѣва*). И участіе мавровъ въ событіяхъ того времени чувствуется и осязается нами всѣми, оно часто прерывается, и я не знаю кто—мавры или Министерство—вселили во всѣхъ погромщиковъ увѣренность, что имъ за это ничего не будетъ. И въ Оршѣ приговоренный судомъ, выходя изъ него, говоритъ: „все это вздоръ“, и въ Твери защитникъ Булацель говоритъ: „успокойтесь, они не понесутъ наказанія“. (*Пуришкевичъ, съ мѣста: молодецъ Булацель; голосъ слѣва: это цинизмъ*). Это есть, гг., быть, можетъ, уплата тѣхъ векселей..... кто ихъ далъ, я не хочу знать, но мавра пора оттолкнуть: уважающее себя Правительство съ нижними, грязными слоями толпы въ союзъ не входитъ. (*Рукоплексканія слѣва*). Можетъ быть, окажется, что въ Департаментѣ Полиціи объ этомъ свѣдѣній нѣтъ,—я даже убѣжденъ, что ихъ тамъ нѣтъ. Я вспоминаю, какъ послѣ убійства Герценштейна мой другъ Петрункевичъ былъ приглашенъ къ товарищу директора Департамента Полиціи, и тотъ у него спросилъ, какія у васъ есть доказательства, что полиція участвовала въ убійствѣ Герценштейна. Петрункевичъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ никакихъ, но по предположенію это ясно само собой. (*Справа смѣхъ*). Директоръ Департамента Полиціи былъ очень недоволенъ этимъ отвѣтомъ,—а вы смѣетесь; но вѣдь въ настоящее время показаніями, данными на судъ подѣ присягой, установлено, что убійцы Герценштейна предъявляли билеты охраннаго отдѣленія; слѣдовательно, участіе чиновъ охраны въ этомъ убійствѣ, организованномъ маврами, доказано. (*Рукоплексканія слѣва*). Мало того, доказана неспособность открыть истину въ данномъ случаѣ: до сихъ поръ ихъ никакъ изловить и разыскать въ Россіи не могутъ. Это темное дѣло такъ же, какъ

и темное дѣло покушенія на гр. Витте, который, по выраженію одного здѣшняго сочлена нашего, есть глава и отецъ и носить ту утробу, изъ которой будто бы вышелъ Азефъ; утроба эта— беззаконіе, которое родило Азефа и многія другія печальныя явленія нашей жизни. (*Голосъ справа: и Родичева*). Гг., если это дѣло раскрыло тотъ союзъ, ту связь, въ которой не различишь, гдѣ кончается агентъ Правительства и гдѣ кончается преступникъ, когда они одинъ съ другимъ переплелись тѣлами, какъ переплетаются тѣла грѣшниковъ въ Дантовскомъ аду,— сегодня я Правительство, а завтра я преступникъ и обратно,— когда это раскрывается передъ взорами всего міра, намъ говорятъ, что моральный ударъ нанесенъ одной революціи. Нѣтъ, гг., моральный ударъ нанесенъ режиму безправія, моральный ударъ нанесенъ тѣмъ, кто не можетъ обходиться безъ исключительныхъ положеній; не пойметъ этого лишь та самая наивность, которая ссылается на достовѣрныя донесенія Азефа и его увѣренія, что онъ въ преступленіи не участвовалъ и что это Департаменту Полиціи извѣстно. Нужна та же самая наивность, чтобы представлять себѣ, что при помощи усиленныхъ охранъ можно съ чѣмъ-нибудь бороться, можно бороться не только съ революціей, т. е. съ идейнымъ, стихійнымъ, государственнымъ процессомъ, но можно бороться при помощи провокаціи и съ преступленіями. Помимо симптоматическаго леченія преступленій, вѣдь нужно еще оздоровленіе страны, нужно осушить болото, чтобы извести лихорадку, а тутъ его не осушаютъ, а держатъ, въ настоящее время, заболоченною, въ грязномъ болотѣ совѣсть Россіи, и вы удивляетесь, что возникаютъ острия болѣзни; онѣ порождены этимъ, онѣ торжествуютъ и будутъ торжествовать. Гг., почему дѣло Азефа могло возникнуть только въ Россіи и служить характеристикой въ настоящую минуту только русскаго Правительства? Потому что первое предпріятіе Азефа при прикосновеніи съ судомъ, въ самомъ дѣлѣ нелицеприятнымъ и независимымъ, разлетѣлось бы въ прахъ. Вы не организуете конституцію, вы не организуете порядка въ странѣ безъ свободы, вы не организуете его безъ народнаго представительства, но, вѣдь, и безъ суда вы ничего не сдѣлаете, безъ суда, который убьетъ это дѣло въ самомъ началѣ, дѣло провокаціи, и который послужитъ къ раскрытію преступленій больше милліона Азефовъ и Бакаевъ, на которыхъ опирается нынѣ русское Правительство, и сотенъ мавровъ, съ которыми оно состоитъ въ незаконномъ свойствѣ. (*Голоса: браво и рукоплесканія слева; смѣхъ*). А между тѣмъ, гг., что здѣсь дѣлалось третьяго дня? Съ этой кафедры намъ были сообщены данныя

предварительнаго слѣдствія. Кто-то слѣва сдѣлалъ замѣчаніе: этого нельзя,—и г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ отвѣтилъ, что разъ судебное вѣдомство для него, главы Правительства, не дѣлаетъ изъ этого секрета, то онъ можетъ сообщить здѣсь. Я не знаю, совѣтовался ли г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ съ юристомъ, который ему это посовѣтовалъ. Юристъ этотъ на заднихъ лапкахъ ходить, если онъ былъ,—но Предсѣдатель Совѣта Министровъ долженъ былъ сознавать, что и онъ не стоитъ выше закона и что какой бы пріятный аргументъ его рѣчи это нарушеніе закона ни давало, нужно было воздержаться отъ этого аргумента, нужно было воздержаться изъ честнаго отношенія къ обвиненію и къ обвиняемому (*голосъ слѣва: къ закону*), потому что, гг., если бы это сдѣлалъ Лопухинъ, какъ бы вы всѣ возопили! Вы высказались; слѣдовательно, вы не возопили противъ этого не потому, что дѣяніе незаконно, а потому, что его сдѣлалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ. Это мудрость третьей Государственной Думы, ея большинства. (*Голоса: браво и рукоплесканія слѣва*). Не забудьте, гг., и другого. Здѣсь было сказано: если бы мы не предали суду Лопухина, это былъ бы государственный развалъ. Гг., вѣдь нужно разсуждать о реальныхъ вещахъ, о томъ, какъ онъ есть, и нужно помнить, что когда отсюда произносятся прекрасныя фразы о независимости судей, то онъ произносятся только съ этой кафедры, а въ кабинетѣ Министра Юстиціи произносятся другія фразы, и совершаются на всю Россію другія дѣйствія. Если вы представите себѣ, какъ это выраженіе переведутъ на себя тѣ судьи, которые будутъ участвовать въ судѣ надъ Лопухинымъ, то вы скажете: вотъ гдѣ опасность для Россіи. Не Катилина, не заговорщикъ передъ вашими дверями, а смерть, смерть правосознанія въ высшихъ сферахъ Правительства. Они наивно дѣлаютъ беззаконія и наивно попираютъ права того, кто въ настоящее время лишенъ возможности защищаться, ибо сидитъ въ одиночномъ заключеніи. (*Рукоплесканія слѣва*). Я ничего не сказалъ бы, если бы одновременно съ этимъ была введена защита на предварительномъ слѣдствіи, если бы защитникъ Лопухина пользовался тѣмъ правомъ, которымъ здѣсь воспользовался г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, но до сихъ поръ я утверждаю,—и это образецъ отношенія къ Лопухину,—что первое публичное заявленіе есть давленіе на судъ для обвиненія. (*Рукоплесканія слѣва*). И въ самомъ дѣлѣ, была ли здѣсь рѣчь о Лопухинѣ? Кто первый о немъ заговорилъ? (*Голоса въ центрѣ и справа: запросъ*). Г. предсѣдатель Совѣта Министровъ назвалъ его обвинителемъ. Да кто его обвинялъ? (*Розановъ съ мѣста:*

личная мечь). Въдъ агентъ Правительства Азефъ сообщилъ революціонной организаціи свѣдѣнія куда цѣннѣе, чѣмъ Лопухинъ. Онъ бомбы доставлялъ, паспорта доставлялъ и динамитъ провозилъ, хвастался, какъ участвовалъ въ убійствахъ. Во всякомъ случаѣ, если Азефъ не виноватъ и Азефъ до сихъ поръ не преданъ суду, то, значитъ, въ Россіи существуютъ двѣ правды: одна — для лицъ, находящихся на службѣ у Правительства, а другая — для лицъ, на службѣ у него не находящихся. Въдъ отъ этого можно тоже въ ужасъ притти. Гг., въ той странѣ, гдѣ смѣются надъ справедливостью, вы думаете когда-нибудь возможно наступленіе правового порядка? Въ той странѣ, гдѣ опоры порядка ищутъ въ систематическомъ нарушеніи закона, въ томъ, чтобы поставить власть выше закона и никогда ее не подчинить закону, можетъ ли въ этой странѣ когда-нибудь наступить успокоеніе? Можетъ, — къ сожалѣнію, можетъ. Когда Правительство ведетъ себя по отношенію къ своему народу, какъ сторона, когда оно требуетъ подчиненія закону отъ подданныхъ, а само становится выше этого закона, если оно при этомъ побѣждаетъ, помните, что страна созрѣла для того, чтобы развалиться, она созрѣла для иностраннаго нашествія. (*Шумъ справа и голоса: ого; вы къ нему ведете; вотъ, гдѣ зарыта собака; звонокъ Предсѣдателя*). И японское нашествіе сдѣлалось возможнымъ только вслѣдствіе полного развала. Страна могла встать, подняться и осуществить новый порядокъ, могло наступить нравственное обновленіе. Мы слышали торжественныя обѣщанія поддержать новый порядокъ и содѣйствовать нравственному обновленію Россіи, но нравственное обновленіе пошло совершаться путемъ союза съ тайными организаціями, путемъ союза съ „мавромъ“, который въ настоящее время сидитъ на шеѣ у Фіеско, и я, прибѣгая къ этому сравненію, скажу вамъ: у всякаго Фіеско найдется свой Веррина, и Фіеско не найдетъ возможности достроить свои лѣса. Да, 2,650 перекладинъ вставлены въ лѣса, окружающіе, яко бы, храмъ свободы. У однихъ дверей стоятъ Генераль-Губернаторы, вѣщающіе безъ суда или поджигающіе дома гражданъ (*шумъ справа*), у другихъ агентъ Азефъ, и насъ, при помощи положенія объ усиленной охранѣ, заставляють входить въ этотъ храмъ. Какое божество сидитъ тамъ? Свобода, говорятъ вамъ, — это та свобода, при которой у власти развязана совѣсть, развязаны руки. (*Рукоплесканія слева*). Революціонная конспирація и мавританскія организаціи въ союзѣ съ Правительствомъ должны помнить, что чистое дѣло грязными средствами не дѣлается, кровавыми руками не цементируется храмъ свободы и права. Да умоется Россія отъ этой крови и да скажетъ она рукамъ, проливаю-

щимъ ее, или лицемѣрящимъ, что онѣ борются съ преступленіемъ безъ пролитія крови, какъ испанская инквизиція,—да скажутъ они имъ: руки прочь. Я бы сказалъ — откроется у нихъ когда-нибудь совѣсть и заставитъ ихъ когда-нибудь это сдѣлать. Въ совѣсть отдѣльныхъ лицъ я готовъ вѣрить, но намѣренная слѣпота ведетъ ихъ въ пропасть, и это было бы ничего, если бы они не влекли туда Россію (*Рукоплексканія слыва*).

Гулькинъ (Бессарабская губ.). Какого бы ни были мнѣнія члены Государственной Думы объ Азефѣ, но я лично о немъ на $99\frac{3}{4}\%$ лучшаго мнѣнія, чѣмъ о всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ кадетахъ въ Россіи, и я никогда не позволилъ бы, чтобы этому Азефу бюро кадетской россійской партіи развязало бы ремешки башмаковъ, потому что Азефъ, всетаки, кое-чѣмъ служилъ Россіи: какъ бы тамъ ни доказывали, но что онъ вашего брата подвелъ подъ русскую перекладину, это намъ извѣстно. Довольно мы читали про американскаго Пинкертонъ, про англійскихъ сыщиковъ, пусть прочитаютъ тѣ и про нашихъ, что и у насъ есть,—я ничего не имѣю противъ этого. Гг., вы всегда вступаетесь съ этой трибуны за Лопухина, вы его считаете своимъ, т. е. кадетомъ. Я, гг., вамъ прочту то, что вамъ не понравится, то, что еще хуже Азефа. Это—„Новая Русь“, это—ваша газета. Тутъ сказано, что въ „Кіевской Мысли“—это тоже лѣвая газета—со словъ одного профессора сообщаютъ содержаніе записки, представленной покойному начальнику Кіевскаго охраннаго отдѣленія Новицкому. Новицкій заявляетъ, что онъ лично бесѣдовалъ съ Лопухинымъ. Послѣдній, т. е. Лопухинъ, назвалъ Кишиневскій погромъ полезнымъ кровопусканіемъ. Нравится это вамъ? Это вашъ Лопухинъ. (*Голоса слыва: благодаримъ, Аджемовъ, съ мѣста: такъ онъ вашъ, оказывается*).

Марковъ 2 (Курская губ.). Господа. Здѣсь очень много разсуждали о томъ, что такое провокація? Я весьма горжусь тѣмъ, что на нашемъ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго этому гнусному понятію, но я, всетаки, считаю необходимымъ объяснить его, хотя бы на примѣрѣ. Юридическое толкованіе намъ дали, а я желалъ бы дать ему бытовое, жизненное толкованіе. Если вы желаете знать, что такое провокація, то вамъ объ этомъ могутъ рассказать тѣ, которые на другой день послѣ закрытія первой Государственной Думы отправились въ г. Выборгъ, во враждебную Россіи Финляндію (*голосъ слыва: старо*), составили тамъ воззваніе къ русскому народу о томъ, чтобы русскій народъ осмѣлился послушаться своего законнаго Государя, не давалъ бы своему Самодержавному Царю ни одного рекрута и не платилъ бы повинностей. Эти

люди, давшіе такую преступную прокламацію, сами не поѣхали вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, который долженъ былъ ихъ послушаться и страдать за свои преступныя мысли, а разбѣжались за границу, въ Монако, Ниццу и разныя другія безопасныя мѣста, надѣясь, что вовлеченные ими въ преступленія несчастные русскіе люди сами пострадаютъ за свои преступленія и что этимъ, можетъ быть, будетъ достигнута преступная цѣль. Вотъ такое вовлеченіе въ преступленіе и предательство тѣхъ, кого вовлекаютъ въ преступленіе, и есть провокація. (*Рукоплеканія справа*). Одинъ изъ героевъ, одинъ изъ этихъ провокаторовъ, нашъ курскій кн. Долгоруковъ, къ моей великой гордости исключенный изъ состава Курскаго дворянства, какъ только издалъ вмѣстѣ съ прочими провокаторами эту прокламацію, немедленно далъ телеграмму въ свой городъ Суджу о томъ, чтобы въ казначейство были внесены всѣ подати. Когда мѣстные крестьяне, къ сожалѣнію повѣрившіе провокатору кн. Долгорукову, отказались внести подати, то явился исправникъ и сталъ требовать внесенія ихъ. Они отказывались, такъ какъ князь запретилъ имъ вносить подати на Царя. Исправникъ былъ очень умный человѣкъ, и вмѣсто того, чтобы вызвать военную силу, онъ сказалъ: „Ну, если это такъ, можетъ быть, дѣйствительно запрещено платить, поѣдемте же въ казначейство и посмотримъ, если самъ князь не заплатилъ, и вы не платите“. Крестьяне выбрали депутацію и поѣхали вмѣстѣ съ исправникомъ въ г. Суджу. Когда они убѣдились по книгамъ, что провокаторъ кн. Долгоруковъ, который имъ провокаторски запретилъ уплачивать подати, самъ ихъ заплатилъ, тогда эти двѣ волости стали членами союза русскаго народа и поняли, что значитъ провокація. (*Рукоплеканія справа*). Одинъ изъ подобныхъ же провокаторовъ—называть его я не буду—самъ ее не подписалъ, онъ лучше всѣхъ поступилъ, онъ прислалъ телеграмму: „подписываю вашу прокламацію“, онъ поэтому подъ судъ не попалъ, т. к. онъ по телеграфу присоединился, но нравственно онъ участвовалъ въ созданіи этой провокаціонной прокламаціи. И въ скорости послѣ этой своей провокаторской затѣи онъ явился въ свой уѣздный городъ и въ должности предводителя дворянства предсѣдательствовалъ при приѣмѣ новобранцевъ. Вотъ, гг., наглядные, образные и всѣмъ вамъ извѣстные, памятные примѣры, что значитъ провокація. Съ этой кафедры, къ моему глубокому сожалѣнію, ни малѣйшаго доказательства, ни одного факта не было представлено тѣми, кто желалъ обвинить іудея Азефа. Здѣсь намъ прочли выдержки изъ двухъ собственноручныхъ писемъ,—единственные документы,

которые могли, казалось, обличить іудея Азефа, но когда мы выслушали ихъ, мы поняли, что такія собственноручныя письма лица, оправдывавшагося передъ революціонерами—что онъ революціонеръ — не могутъ быть доказательствомъ. Конечно, японскій шпіонъ, надѣвшій мундиръ русскаго офицера и явившійся въ русскую армію, несомнѣнно будетъ рассказывать, что убивалъ японцевъ, бралъ ихъ въ плѣнъ и т. д., но такое доказательство, что японскій шпіонъ дѣйствительно убивалъ японцевъ—доказательство хитраго человѣка, который умѣетъ обмазывать довѣрчивыхъ русскихъ офицеровъ; такъ и эти письма доказываютъ только, что іудей Азефъ 16 лѣтъ обманывалъ эту простодушную, чтобы не сказать больше, толпу и желалъ обманывать ее еще 16 лѣтъ. Но съ другой стороны Предсѣдатель Совѣта Министровъ, который три раза въ своей рѣчи говорилъ: „я не буду ни оправдывать, ни обвинять Азефа“ — онъ тоже намъ не представилъ никакихъ доказательствъ, что іудей Азефъ не провокаторъ. И онъ прекрасно сдѣлалъ, что не взялъ на себя неблагоприятной задачи оправдывать іудея Азефа отъ какого бы то ни было преступленія. Онъ ограничился только тѣмъ, что установилъ, что доказательствъ виновности іудея Азефа нѣтъ; это, къ сожалѣнію, такъ. Разъ нѣтъ у насъ доказательствъ, то значитъ запросъ принимать нельзя; но я съ своей стороны позволилъ бы себѣ обратиться къ нашему Правительству, пусть оно бережется, пусть оно прекратитъ обращаться къ сомнительнымъ услугамъ іудейскаго племени, ибо, кромѣ предательства, кромѣ одной измѣны, ничего не послѣдуетъ для него отъ этихъ ужасныхъ услугъ. Во всякомъ случаѣ, я считаю, что тѣ пренія, которыя возникли по этому запросу, по запросу о провокаторскихъ дѣйствіяхъ іудея Азефа, они утѣшительны, они намъ очистили атмосферу, они прояснили много изъ того, что для насъ было неясно: во-первыхъ, обнаружилось поразительное, невѣроятное скудоуміе революціи. Затѣмъ еще утѣшительнѣе видѣть, и не столько намъ—мы это видѣли всегда и раньше—но показать нашей несчастной революціонной молодежи, кто стоитъ во главѣ революціи. Поэтому я съ большимъ чувствомъ удовлетворенія высказываюсь, что хотя придется запросъ отвергнуть, но этотъ запросъ не прошелъ втуне; онъ обнаружилъ всю ту нечисть, которая приплеталась къ революціи и которая, съ Божьей помощью, опрокинетъ эту революцію въ грязь. (*Рукоплесканія справа*).

Сазоновъ (Казанская губ.). Одинъ вещественный документъ, который мы здѣсь изволили слушать—это есть цѣлое письмо и затѣмъ выдержка изъ другого письма, читанная намъ депута-

томъ Булатомъ. Гг., если бы эти письма были написаны до совершения террористическихъ актовъ, если бы эти письма появились тогда въ рукахъ обличителей, то они могли бы сказать, что Азефъ предвидѣлъ, содѣйствовалъ, сотрудничалъ, и тогда бы я понялъ, что они могли имѣть,—относительно правительственнаго агента,—только нѣкоторую доказательную силу; но написанныя послѣ совершившихся актовъ, послѣ того, когда каждый зналъ о случившемся, они, на мой взглядъ, никакой цѣны не имѣютъ, потому что для Азефа это было вопросомъ сохраненія жизни. На что не способенъ человѣкъ въ тотъ моментъ, когда ему грозитъ смертная казнь? Ни для кого не секретъ, что гг. революціонеры съ нимъ не постѣснялись бы, если бы они хоть на одинъ моментъ прониклись убѣжденіемъ, что Азефъ не ихъ сторонникъ. Тутъ не только убійства Сипягина, Плеве, Великаго Князя Сергѣя Александровича; Азефъ въ этотъ моментъ готовъ былъ принять на себя всѣ убійства, которыя были совершены до его рожденія. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи эти письма не могутъ служить доказательствомъ. Сильная блестящая рѣчь, которая была произнесена депутатомъ Пергаментомъ, которая, неся на себѣ нѣсколько обвинительный характеръ, все-таки давала намъ возможность основываться на двухъ, повидимому, имъ строго взвѣшенныхъ обвинительныхъ пунктахъ,—она послѣ простой, только соотвѣтствовавшей правдѣ, рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ, потеряла настолько въ яркости своихъ красокъ, она настолько поблѣднѣла, что, я вамъ скажу, я почувствовалъ себя лично успокоеннымъ относительно того недоразумѣнія, въ которомъ мы находились по отношенію агента Азефа. Теперь далѣе, обратите вниманіе на тотъ фактъ, который также не столь давно, во времена революціоннаго движенія, совершился въ Парижѣ. Я позволю себѣ сослаться на него только какъ на примѣръ растяжимости слова провокаціи. Являются среди опредѣленныхъ вполнѣ, съ ярко очерченной характеристикой, лицъ революціонеровъ, являются представители, носящіе громкое названіе представителей партіи народной свободы, гг. Милюковъ и кн. Долгорукій. Они участвуютъ на конференціи революціонеровъ, но, гг., допустимте, что они не произносятъ ни единого слова, допустимъ, что они тамъ, можетъ быть, только въ силу человѣческой слабости аплодируютъ изрѣдка тому или другому удачному выступленію ораторовъ. (*Рукоплесканія справа*). Но какъ дѣйствуетъ присутствіе ихъ на всѣхъ собравшихся тамъ революціонеровъ? Мнѣ кажется, въ значительной степени ободряющимъ образомъ. Мнѣ кажется, что присутствіе лицъ, кадетъ, столь сильной партіи

въ то время въ Россіи (Шингаревъ, съ мѣста: тогда ея еще не было), должно было удесятить силы революціонеровъ, оно должно было представляться въ ихъ глазахъ санкціонированіемъ всѣхъ ихъ рѣшеній. Да, въ сущности, оно такъ и было. Гг., вы не будете отрицать, что иногда не только слова являются провокаціей, а что выраженіе лица, простое присутствіе такового лица, наконецъ его извѣстное поведеніе можетъ въ извѣстный моментъ подтолкнуть того или другого на совершеніе того или иного акта. Я скажу, что пылкіе, фанатично настроенные люди, несомнѣнно, были спровоцированы, и въ данную минуту утверждаю, что провокаторами были представители кадетской партіи, которые тамъ были... Разрѣшите, такъ какъ мнѣ это поручено, предложить вамъ выслушать формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ со стороны партіи умѣренно-правыхъ: „Признавая объясненія Правительства удовлетворительными и исчерпывающими и выражая увѣренность, что въ борьбѣ съ терроромъ Правительство будетъ пользоваться всѣми законными средствами, — Государственная Дума отвергаетъ запросъ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“. (*Рукоплесканія справа*).

Засѣданіе продолжается подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственной Думы.

Мотовиловъ (Симбирская губ.). Въ настоящее время адресовать какой-нибудь укоръ Правительству нѣтъ мѣста, и я полагаю, что самый запросъ надлежитъ признать не имѣющимъ въ настоящее время мѣста. Такого же мнѣнія придерживается и фракція націоналистовъ.

Милюковъ (г. Петербургъ). Гг. члены Государственной Думы. Запросъ, внесенный въ Думу фракціей народной свободы, былъ защищенъ передъ вами настолько исчерпывающимъ и блестящимъ образомъ моими товарищами... (*возгласы справа и смѣхъ*) моими товарищами по фракціи: Пергаментомъ, Маклаковымъ и Родичевымъ, что для его юридическаго обоснованія и для выясненія его политическаго значенія мнѣ прибавить было бы нечего. Я, можетъ быть, не сталъ бы выходить и для того, чтобы отвѣчать на намеки и обвиненія, подобные тѣмъ, которые я только что выслушалъ отъ представителей съ правыхъ скамей. (*Голосъ справа: ахъ, какой святой*). Защищать честное имя кн. П. Д. Долгорукова (*возгласы справа: ого!*) передъ этимъ собраніемъ я не считаю нужнымъ. О той роли моего глубокоуважаемаго товарища и друга, о которой говорилъ представитель Курской губ. сейчасъ, о его роли въ крестьянскомъ союзѣ времени освободительнаго движенія съ полной искренностью и откровенностью повѣдалъ самъ князь раньше, чѣмъ сталъ

вопросъ о какихъ бы то ни было уголовныхъ преслѣдованіяхъ, съ этой каѳедры—передъ другимъ высокимъ собраніемъ, передъ членами первой Государственной Думы. И тотъ, кто желаетъ выяснитъ его роль, можетъ обращаться не къ матеріаламъ Департамента Полиціи, а къ этой откровенной и глубоко благо-родной рѣчи Мой другой товарищъ, Родичевъ, конечно, самъ отвѣтитъ на инсинуаціи, раздавшіяся здѣсь по его адресу.) *Голоса справа*: не слыжали). Онъ не былъ названъ, но рѣчь шла о немъ. Точно также я не стану опровергать здѣсь глупыя сказки о выраженіяхъ сочувствія по поводу покушенія на адмирала Дубасова, которыя въ числѣ многихъ и многихъ легендъ перешли на эту каѳедру изъ митинговыхъ собраній. Наконецъ, я долженъ былъ бы протестовать съ негодованіемъ противъ тѣхъ вылазокъ противъ цѣлыхъ національностей, которыя постоянно раздаются съ этой каѳедры. Я долженъ былъ бы, гг., это сдѣлать, но не нахожу въ себѣ соотвѣтствующаго настроенія. (*Шумъ; звонокъ Предсѣдателя*). Можетъ быть, уже такъ притупили нашу воспримчивость тѣ постоянныя выступленія, которыя мы здѣсь слышимъ, что мы перестаемъ быть чувствительными къ тому, что въ другомъ собраніи показалось бы преступнымъ и позорнымъ; а можетъ быть, гг., и то вѣрно, что всякому негодованію человѣческому есть предѣлъ, и когда это негодованіе приходится обращать на представителей, которыхъ я не хочу называть по имени, отъ Бессарабской и Курской губ., — гг., можетъ быть, я виноватъ, но чувство негодованія не шевелится во мнѣ, а шевелятся другія чувства, которыхъ я лучше не буду называть. (*Рукоплесканія слева; справа шиканье*).

Если я всетаки выхожу на эту каѳедру, то только потому, что довольно неожиданно я сдѣлался предметомъ особаго вниманія со стороны Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Въ числѣ свѣдѣній, полученныхъ изъ Департамента Полиціи,—въ той ихъ категоріи, которую онъ называлъ „менѣе важной“, Предсѣдатель Совѣта Министровъ нашель упоминаніе нѣсколькихъ именъ, которыя онъ счелъ нужнымъ огласитъ съ этой каѳедры. Онъ замѣтилъ при этомъ, что ранѣе эти „менѣе важныя“ свѣдѣнія „мало обращали на себя вниманія“ и, вѣроятно, поэтому онъ о нихъ не вспоминалъ. Онъ не вспоминалъ о моемъ присутствіи на парижскомъ конгрессѣ, когда въ іюнь 1905 г. велъ со мной предварительныя переговоры о кадетскомъ министерствѣ. Онъ не вспоминалъ объ этомъ вплоть до того момента, когда колесница русской свободы очутилась въ третьей Думѣ. И вотъ тутъ онъ нашель нужнымъ на то, на что мало обращалось вниманія прежде, обратитъ теперь просвѣщенное вниманіе высокаго

собрания. (*Голосъ справа*: лучше поздно, чѣмъ никогда). И мнѣ приходится поднять перчатку, выйти передъ вами и говорить о томъ, о чемъ заговорилъ онъ.

Гг., для тѣхъ, кто нѣсколько знакомъ съ событіями послѣднихъ лѣтъ, фактъ, на который указывалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, не новъ; онъ хорошо извѣстенъ. Конгрессъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій, состоявшійся осенью 1904 г. въ Парижѣ, немедленно послѣ своего окончанія опубликовалъ всѣ состоявшіяся на немъ рѣшенія. Эти рѣшенія были напечатаны во многихъ изданіяхъ, заграничныхъ и русскихъ. Они вошли затѣмъ въ цѣлый рядъ историческихъ изложеній русскаго освободительнаго движенія. И, въ числѣ другихъ историковъ этого движенія, я самъ изложилъ ихъ и комментировалъ весьма подробно въ своей книгѣ „Россія и русскій кризисъ“, которую, написанную по-англійски, во французскомъ переводѣ вы можете найти въ любомъ книжномъ магазинѣ на Невскомъ. (*Пуришкевичъ, съ мѣста*: цѣна 1 р. 20 к.; *голосъ справа*: онъ рекламируетъ свою книжку).

Предсѣдатель. Позвольте вамъ напомнить, что вы въ Государственной Думѣ. (*Голосъ справа*: мы это знаемъ).

Милюковъ. Итакъ, гг., содержаніе постановленій этого сѣзда, какъ, впрочемъ, и вообще содержаніе всего, что я когда-либо говорилъ и писалъ, мнѣ скрывать нечего. Меня не приведутъ въ удивленіе цитаты изъ моихъ давнихъ или недавнихъ рѣчей и сочиненій и не застанутъ врасплохъ, потому что въ такой короткій промежутокъ времени, — хотя и болѣе длинный, чѣмъ тотъ, который прошелъ со времени рѣчей Предсѣдателя Совѣта Министровъ въ первой Думѣ, — мнѣ не приходилось мѣнять своихъ мнѣній.

Очень оригинальнымъ образомъ, гг., мы съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ очутились въ аналогичномъ положеніи. (*Справа смѣхъ; голосъ*: съ порядочнымъ человѣкомъ?). Кадетовъ обвиняли въ близости къ революціонерамъ. И вотъ оказалось, что въ непосредственной близости къ революціонерамъ предсталъ предъ нами Предсѣдатель Совѣта Министровъ. Вѣдь это, гг., въ самомъ дѣлѣ странное совпаденіе: русское Правительство, злѣйшій врагъ революціи, оказывается въ какомъ-то постоянномъ и полудружественномъ сосѣдствѣ съ ней. А насъ, которыхъ тоже обвиняютъ въ сосѣдствѣ и дружбѣ, насъ умнѣйшіе изъ революціонеровъ всегда называли и считали своими злѣйшими врагами. Въ чемъ тутъ секретъ? Для того, чтобы объяснить это, вы мнѣ позвольте говорить здѣсь не съ точки зрѣнія полицейской, а съ точки зрѣнія политической. Предсѣ-

датель Совѣта Министровъ тоже пытался подняться надъ полицейской или, какъ онъ выразился, „вѣдомственной“ точкой зрѣнія на точку зрѣнія государственную. Я жалѣю, что это ему не удалось. (*Справа шумъ*).

Итакъ, каково же, прежде всего, отношеніе Правительства къ революціи? Мой товарищъ Пергаментъ спрашивалъ здѣсь: какъ же это такъ, Правительство знаетъ членовъ центрального комитета с.-р.—самой опасной для Правительства партіи,— знаетъ, гдѣ они живутъ, по какимъ паспортамъ переѣзжаютъ, что дѣлаютъ, и знаетъ все это не мѣсяць, не два, а годъ, два, три,—цѣлый рядъ лѣтъ, оказывается, знаетъ. И почему-то оно терпитъ ихъ существованіе, не арестуетъ, не хватаетъ ихъ, какъ, повидимому, слѣдовало бы сдѣлать. Почему это такъ происходитъ? Предсѣдатель Совѣта Министровъ посильно на это отвѣтилъ. Онъ отвѣтилъ, что въ то время, когда терроризмъ является длительнымъ явленіемъ, съ нимъ приходится и считаться длительными мѣрами и для него приходится держать этихъ агентовъ „внутренняго освѣщенія“. И онъ спросилъ васъ, „можетъ ли Правительство по совѣсти удовольствоваться только внѣшней, наружной охраной, или на его отвѣтственности, на его совѣсти лежитъ охранять и Государя, и государственность другими путями, внутренняго освѣщенія?“ Членъ Думы Замысловскій отвѣтилъ на этотъ вопросъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ: „да, иныхъ способовъ нѣтъ“. Правительство „обязано“ поступать такъ, какъ оно поступало, пользуясь услугами Азефовъ, пользуясь вплоть до провокаціи, г.г., вплоть до тѣхъ самыхъ явленій (*шумъ справа*), которыя Предсѣдатель Совѣта Министровъ здѣсь называлъ „уродливыми“. Правда, членъ Думы Замысловскій хотѣлъ здѣсь остановиться. Онъ сказалъ вамъ: „нѣтъ, г.г., провокація недопустима“. Но, вѣдь, здѣсь много разъ было доказано, къ этому я возвращаться не буду, что тотъ, кто пользуется услугами Азефовъ, долженъ брать въ придачу уже и все остальное и долженъ считаться съ тѣмъ, что всякаго рода длительное общеніе съ Азефами дѣлаетъ Правительство прямымъ соучастникомъ цѣлаго ряда преступленій, политическихъ и обыкновенныхъ. Съ этимъ ужъ приходится мириться. Да, г.г., я согласенъ, совершенно согласенъ и съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, и съ членомъ Думы Замысловскимъ. Я полагаю, что, дѣйствительно, *это* Правительство не можетъ отказаться отъ подобнаго способа дѣйствій. Въ тотъ самый моментъ, когда вы предлагаете ему вашъ запросъ, когда оно даже, быть можетъ, согласится очиститься отъ одного Азефа, вы сами, вѣдь, отлично сознаете, что остаются другіе Азефы, которые продолжаютъ эту

почтенную дѣятельность. И никому изъ васъ—даже немногимъ и изъ противниковъ Правительства—не приходило въ голову потребовать отъ Правительства, чтобы оно просто предало суду Азефа или Рачковскаго. Разъ вы согласны съ системой, вы должны принимать и ея послѣдствія. А вы понимаете, что нынѣшнее Правительство, вами поддерживаемое, отъ этой системы отказаться не можетъ. Оно должно держаться этого сожительства съ революціей, оно сжилось съ революціей, гг., многіе десятки лѣтъ и въ теченіе этихъ десятковъ лѣтъ, постоянно усиливая мѣры внѣшней борьбы, оно не измѣнило одного: не измѣнило этого способа „внутренняго освѣщенія“. Ну, гг., если приходится сожительствовать столь долгое время, то, конечно, въ сожительство выработываются и извѣстныя правила общежитія, извѣстная этика. При всякомъ постоянномъ общеніи, между людьми общающимися устанавливается нѣкоторое условное согласіе, то, что составляетъ ихъ взаимную мораль и взаимную нравственность.

Для иллюстраціи, какъ устанавливаются приемы подобнаго сожительства, позвольте мнѣ процитировать не кадетскую „Рѣчь“, а весьма солидный октябристскій органъ „Голосъ Москвы“. Въ этомъ органѣ рассказывается, какъ одинъ высокій сановникъ, занимавшій очень высокій постъ, находящійся теперь въ Государственномъ Совѣтѣ, испытавшій на себѣ три покушенія,—дѣло происходитъ въ Москвѣ, слѣдовательно, псевдонимъ довольно прозрачный,—какъ этотъ сановникъ рассказывалъ интервьюеру о своихъ приемахъ соглашенія съ революціей. Когда готовилось покушеніе на это лицо, къ нему приставили охранника. Этотъ охранникъ добылъ изъ противоположнаго лагеря «языка». Языкъ сообщилъ данныя о готовящемся покушеніи. И вотъ, между сановникомъ и охранникомъ произошелъ слѣдующій разговоръ: «выше высокопревосходительство, здѣсь надо вступить въ соглашеніе», говоритъ охранникъ сановнику. „Какъ?“ спрашиваетъ изумленный сановникъ. „Сойтись съ главарями и обмѣняться съ ними безопасностью“. Сановникъ спрашиваетъ далѣе: „какъ это обмѣняться безопасностью?“ — А такъ, ваше превосходительство: мы потребуемъ безопасности для васъ, а имъ взамѣнъ этого гарантируемъ безопасность ихъ главарей. Конечно, мы сейчасъ можемъ открыть всю организацію, карты у насъ въ рукахъ, но это, вѣдь, намъ не расчетъ: этого наркромъ, другіе отомстятъ, лучше уже вступить въ соглашеніе“. Сановникъ подумалъ и сказалъ: „что же, надо вступить въ соглашеніе, это, дѣйствительно, надежнѣе. Но какъ же вы вступаете въ соглашеніе?“ — „Да придется имъ выдать кого-нибудь изъ нашихъ. Ну, пусть ужокошатъ какого-нибудь агента изъ

маленькихъ, чтобы очиститься, а мы тоже схватимъ кого-нибудь изъ незначительныхъ. (*Голосъ справа*: анекдотъ). Если этого будетъ мало, придется выдать нашего шпіона". (*Голосъ справа*: какой сановникъ?) „Знаете, это что-то уже мерзко выходить“, говоритъ сановникъ. „Какъ угодно вашему превосходительству“. „Ну, дѣлайте, какъ знаете“. Вотъ, гг., какъ заключаются эти соглашенія. Можете изъ другихъ сообщеній — тоже высокопоставленныхъ сановниковъ — увидѣть, что соглашенія эти бываютъ двоякія. Бываютъ соглашенія надежныя, съ полнымъ ручательствомъ и гарантіей, — это для первой степени сановниковъ. Бываютъ и соглашенія неполныя, съ рискомъ, — это для сановниковъ второго разряда. Если съ ручательствомъ, тогда уже покушеніе навѣрное не удастся; ну, а съ рискомъ — другой разъ и удастся. Вы поймете послѣ этого соль того анекдота, или, повидимому, истиннаго происшествія, которое намъ разсказалъ съ этой кафедръ гр. Уваровъ, тоже о большомъ сановникѣ (онъ даже, кажется, сказаль о Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ), который устроилъ свою гарантію проще и, пожалуй, надежнѣе. Онъ сажаль съ собой во время выѣздовъ Рачковскаго. Вы поймете, что не случайно совпали эти разсказы и анекдоты съ бѣглой замѣткой въ томъ письмѣ, которое вамъ вчера читалось, — письмѣ самого Азефа, — о какомъ-то тоже соглашеніи, состоявшемся на той основѣ, чтобы беречь нѣкоторыхъ наиболѣе высокихъ особъ и за то по мѣрѣ надобности распорядиться жизнью всѣхъ остальныхъ. Итакъ, гг., вотъ этика сожителства между Правительствомъ и революціей. Это напоминаетъ вамъ, дѣйствительно, какъ нѣсколько разъ здѣсь говорилось, два противоположныхъ лагеря, которые расположились на продолжительную осаду и, уставши вести постоянныя боевыя дѣйствія, приходятъ иногда другъ къ другу въ гости, сговариваются, даже условливаются относительно военныхъ дѣйствій въ будущемъ. Это по-человѣчески такъ дѣлается, если война затягивается на слишкомъ долгое время.

Но, гг., во всемъ этомъ какая же мораль и къ чему я вамъ все это излагаль? Для того, чтобы показать, что всѣ правительственныя мѣры не только не гарантируютъ намъ прекращеніе революціи, а, напротивъ, исходятъ изъ мысли о невозможности побѣдить революцію и прямо разсчитаны на долгую, длительную борьбу. Искушенное опытомъ, Правительство разсчитываетъ на десятилѣтія борьбы, если не больше. Что же это такое, какъ не признаніе полного своего безсилія бороться съ революціей тѣми путями, той системой, которую выбираетъ Правительство? Гг., здѣсь было указано, что такимъ путемъ

Правительство находится въ нѣкоторомъ длительномъ „плѣну“ у этой самой организациі «соглашеній». Маклаковъ характеризовалъ этотъ плѣнъ со стороны, такъ сказать, технической, — съ точки зрѣнія интересовъ самой охраны. Но «плѣнъ» этотъ имѣетъ и политическую сторону. Если Правительство находится въ плѣну цѣлыя десятилѣтія, это показываетъ вамъ, что зависимость эта не случайная. Это показываетъ, что цѣль борьбы, самая цѣль, для которой примѣняются правительственные приемы, постановлена неосуществимая. Въ недавнемъ прошломъ, гг., неосуществимость этой цѣли — защиты стараго порядка — была всѣмъ ясна. Но и теперь, нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ того, какъ высшая точка борьбы, высшій разгаръ ея остались позади, мы еще видимъ созданныя борьбой за неосуществимую цѣль политическія послѣдствія. Въ этой самой залѣ, когда начинаютъ между собою считаться разныя партіи, особенно, если вы прислушаетесь къ крайне правой терминологіи, вы можете услышать, что „кадеты“ сидятъ не только на кадетскихъ скамьяхъ. Скамьи сосѣднія часто получали названіе скамей „кадетовъ второго сорта“. А недавно я узналъ о существованіи „кадетовъ третьяго сорта“, сидящихъ еще немножко правѣе. Сегодня наконецъ, къ моему изумленію, на прямой вопросъ, заданный члену Думы Замысловскому: не былъ ли и онъ кадетомъ, онъ отвѣчалъ конфузливымъ молчаніемъ. (Замысловскій, съ мѣста: неправда, вотъ это типичная провокація) Говорятъ, просился, но не былъ принятъ. (Шумъ). Но если еще и теперь это зловредное, антиправительственное кадетское жало такъ глубоко проникло и такъ много элементовъ изолировало вотъ отъ тѣхъ скамей (указывая на министерскія кресла), которыя сейчасъ остаются пустыми, то, вѣдь, вы можете себѣ представить, что было передъ 17 октября? Тогда правые элементы сидѣли спокойно, ихъ никто не видѣлъ и не слышалъ. Но всѣ остальные, дѣйствительно, являли собой одинъ молчаливый заговоръ противъ маленькой кучки, которая съ помощью критикуемой нами системы боролась за собственное самосохраненіе. Да, гг., когда вамъ говорятъ, что азефщиной защищается государственность, не вѣрьте этому. Системой постоянного сожительства съ революціей защищаются лица, лица, у которыхъ кругозоръ клиномъ сошелся на этой тупой идеѣ — поддержать жизнь въ покойникахъ. Вотъ, гг., почему теперешнее Правительство изолировано и безсильно; вотъ, почему нѣтъ у него самой надежды въ болѣе или менѣе скоромъ времени побѣдить революцію. У насъ, кадетовъ, эта надежда была. Теперешнее Правительство защищаетъ позицію незащитимую, которая ограничиваетъ его сторонниковъ малень-

кой кучкой, а остальных превращаетъ въ кадетовъ и кадетоидовъ. Мы хотѣли занять позицію, которую мы могли бы защищать. И для этого, гг., мы, можетъ быть, дѣйствительно оказывались въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ группами, политически настроенными гораздо лѣвѣе, чѣмъ мы. Но что мы искали въ этомъ сосѣдствѣ? Того ли, что при помощи Азефа ищетъ Правительство въ своемъ сожителствѣ съ революціей? Обращались ли мы тоже къ низкимъ чувствамъ и къ подлымъ дѣламъ? Нѣтъ, гг., наше сосѣдство съ элементами русской общественности, настроенными революціонно, имѣло иной политической смыслъ, и съ нимъ связывались иныя надежды. Насъ называютъ духовными руководителями (*голоса справа*: да, да) этихъ болѣе лѣвыхъ группъ. Да, вѣрно, мы хотѣли быть идейными руководителями тѣхъ „идейныхъ, готовыхъ жертвовать собою молодыхъ людей и дѣвушекъ“, о которыхъ вамъ говорилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ. Мы хотѣли этого, но вы намъ помѣшали. (*Голосъ справа*: и вы стали отрыжкой революціи). Мы повели бы эту молодежь, мы хотѣли ее вести, но не въ ту сторону, куда вы предполагаете, считая насъ единомышленниками русской революціи. Не разрывая со всѣмъ преданіемъ русской политической борьбы, не разрывая съ традиціей русской интеллигентной мысли, мы возымѣли смѣлую идею: этой политической мысли дать конкретное и практически осуществимое выраженіе, вылить политическую идеологію въ осязательную форму осуществимой политической программы. (*Голосъ справа*: а Азефъ гдѣ?). Мы хотѣли—можетъ быть, это была утопія—мы хотѣли въ нѣсколько лѣтъ высокаго подъема общественной жизни (*голоса справа*: къ дѣлу) уничтожить плоды вѣкового отчужденія, вѣковой ненависти между элементами русской государственности и русскаго общества. Мы хотѣли засыпать пропасть между русскимъ обществомъ и Правительствомъ; мы хотѣли, чтобы русскій орелъ, на котораго вы такъ любите ссылаться, не дѣлился бы въ своихъ двухъ головахъ, съ одной стороны, мысли безъ воли, а съ другой — волю безъ мысли. Мы хотѣли, чтобы эти двѣ головы по крайней мѣрѣ знали, что дѣлаетъ каждая. (*Голоса*: а Азефъ? къ дѣлу). Вотъ, гг., я подошелъ теперь къ тому вопросу, о которомъ вы меня спрашиваете. Едва ли вы согласились съ тѣмъ, что я говорилъ раньше. Но если вы только поняли, что я говорилъ, то вы уже поняли и то, зачѣмъ я ѣздилъ въ Парижъ. (*Голосъ справа*: это намъ не интересно). Вы должны были понять, зачѣмъ я очутился въ этой залѣ вмѣстѣ съ Азефомъ. Прежде всего, нѣсколько предварительныхъ справокъ. (*Шумъ*). Вы спросили,

отъ кого я былъ на этомъ сѣздѣ? Тутъ даже дѣлались нападки на партію народной свободы по поводу моего и моихъ товарищей присутствія на этомъ сѣздѣ. Говорившіе это обнаружили большое политическое невѣдѣніе. Очевидно, политическою жизнью они начали жить даже не три года назадъ, какъ гр. Бобринскій, а гораздо меньшее время. Иначе они знали бы, что въ 1904 г. партіи конституціонно-демократической не существовало, а существовали ея предшественники, существовалъ „союзъ освобожденія“. (*Шумъ; голоса: это все равно, тѣ же кадеты*). Да, гг., я и не думалъ дѣлать формальнаго отвода. Тогда, не будучи кадетами, мы уже стали на кадетскую линію, и въ этомъ наша заслуга, въ этомъ наша большая заслуга. (*Шумъ*).

Предсѣдатель. Прошу поближе къ дѣлу. (*Голосъ слева: а Гулькинь?*).

Милюковъ. Я считаю, что нахожусь въ самомъ курсѣ дѣла. Если вамъ угодно меня выслушать дальше, то я буду продолжать, а если вы находите, что это къ дѣлу не относится, тогда я кончу рѣчь. (*Шумъ; звонокъ Предсѣдателя*).

Предсѣдатель. Покорнѣйше прошу поближе къ дѣлу. (*Голоса: просимъ, просимъ; Крупенскій, съ мѣста: дали обѣщаніе слушать, такъ слушайте*).

Милюковъ. Что же тамъ было на этомъ конгрессѣ? Здѣсь, оказывается, даже внесли запросъ обо мнѣ, по поводу моего присутствія на этомъ конгрессѣ. (*Шумъ; смѣхъ; голосъ справа: онъ хуже Азефа*). Дѣятельность конгресса въ запросѣ формулирована такимъ образомъ: „Милюковъ участвовалъ въ совѣщаніи революціоннаго конгресса, выработывавшаго планъ революціи въ Россіи и способы производства террористическихъ актовъ“. (*Смѣхъ въ центрѣ*). Правда, членъ Думы Сазоновъ, одинъ изъ подписавшихъ запросъ (*голосъ справа: я—тоже*), на этой каедрѣ былъ ко мнѣ нѣсколько болѣе снисходителенъ. Онъ соглашался ограничиться предположеніемъ, что мы только апплодировали и при этомъ молчали. Онъ указывалъ, конечно, что даже и это не есть чисто пассивная роль, что мы, всетаки, своимъ молчаніемъ и апплодисментами поощряли, толкали на убійства. (*Голоса справа: вѣрно*). Прежде всего, я долженъ разочаровать члена Думы Сазонова: мы вовсе тамъ не молчали и не играли пассивной роли. (*Крупенскій, съ мѣста: этого запроса еще нѣтъ*).

Милюковъ. Я отвѣчаю на мнѣніе подписавшихъ запросъ о томъ, что такое былъ Парижскій конгрессъ. Я хочу показать вамъ, что ихъ взглядъ обнаруживаетъ, опять таки, глубокое

невѣжество въ томъ, что происходило въ Россіи въ столь недавнее время. Во-первыхъ, это былъ конгрессъ не революціонныхъ группъ, а революціонныхъ и оппозиціонныхъ, при чемъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ (*голосъ справа*: хорошая шайка) предѣлъ обсужденій диктовался минимальными взглядами наиболѣе умѣренныхъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ партій. Во-вторыхъ, ни о какихъ „способахъ“ дѣйствій на этомъ конгрессѣ разговора не было, и, слѣдовательно, ни „выработки плана революціи“ тамъ не было, ни подготовки убійствъ, словомъ, ничего подобнаго тому, что вы предполагаете въ программѣ этого конгресса. Что же тамъ было? Впервые на Парижскомъ конгрессѣ русское общественное движеніе, въ лицѣ всѣхъ тогда дѣйствовавшихъ партій, объединилось около одной политической задачи. Въ первый разъ, гг., все русское движеніе согласилось признать своей задачей то, что считала таковой наиболѣе умѣренная часть русскаго активно-борющагося общества, именно — измѣненіе формъ стараго политическаго строя, паденіе абсолютизма и самодержавія. (*Шумъ справа*; **Марковъ 2**, *съ мѣста*: васъ надо за это повѣсить). Это, гг., былъ тогда „существующій“ строй. Тотъ, кто считаетъ, что онъ и теперь существуетъ, какъ членъ Государственной Думы **Марковъ 2**, конечно, долженъ думать, что меня за это надо повѣсить. (*Шумъ*; **Марковъ 2**, *съ мѣста*: внѣ всякаго сомнѣнія). Но кто вѣритъ въ существованіе „обновленнаго представительнаго строя“, а, какъ я узналъ, въ послѣднее время этотъ терминъ разрѣшенъ къ употребленію даже въ учебникахъ для военныхъ заведеній, кто признаетъ такого рода строй, тотъ, конечно, признаетъ и то, что политическая цѣль Парижскаго конгресса была, по крайней мѣрѣ, отчасти достигнута манифестомъ 17 октября. (*Шумъ*). Мы этого добились. И если вы здѣсь сидите, то это — благодаря нашимъ усиліямъ. (*Голоса*: браво и рукоплесканія слева).

Предсѣдатель. Позвольте васъ просить держаться поближе къ дѣлу.

Милюковъ. Я продолжаю думать, что я въ курсѣ дѣла.

Предсѣдатель. Вамъ угодно было просить слова не по личному вопросу, иначе я далъ бы вамъ не болѣе, какъ пять минутъ, а вы все время изволите говорить по личному вопросу и при этомъ не пять минутъ. Я васъ покорнѣйше прошу говорить по вопросу. (*Рукоплесканія*).

Милюковъ. Я долженъ заявить, что я ни минуты не понималъ то, что я говорю, какъ мое личное оправданіе или какъ личный вопросъ. Я въ такомъ оправданіи не нуждаюсь и никогда не сталъ бы затруднять васъ не только пять минутъ, но

ни одной секунды. Если я говорю это, то это не защитительная рѣчь, это обвинительный актъ противъ Правительства, связанный съ дѣломъ Азефа. (*Рукоплесканія слева; шумъ*).

Предсѣдатель. Покорнѣйше прошу не мѣшать оратору. (*Обращаясь къ Милюкову*). Прошу по возможности придерживаться вопроса.

Милюковъ. Итакъ, гг., первая задача, нами поставленная на Парижскомъ конгрессѣ... (*голоса справа: опять; къ дѣлу*)... къ сожалѣнію не вполнѣ, но была выполнена. Пока мы ее выполняли и шли вмѣстѣ, русское политическое движеніе носило цѣльный, національный характеръ. Оно разбилось послѣ 17 октября. До этого времени оно, дѣйствительно, въ своей цѣли было едино.

Разумѣется, гг., оно не было едино въ своихъ средствахъ. Оно не было едино въ средствахъ борьбы уже потому, что въ русской политической жизни того времени не существовало средствъ для законнаго проявленія политической борьбы. Мы, вѣдь, изъ-за нихъ именно, изъ-за приобрѣтенія этихъ средствъ легальной борьбы и боролись,—каждый по своему. Члены „союза освобожденія“ боролись тѣмъ единственнымъ оружіемъ, которое они въ своихъ рукахъ имѣли—перомъ и мыслью. Я долженъ вамъ сказать, что какъ только появились первые проблески возможности легальной борьбы, мы, будущіе кадеты, ихъ горячо привѣтствовали. (*Голоса: къ дѣлу*). Я лично, къ большому неудовольствію моихъ болѣе лѣво настроенныхъ друзей, 6 августа написалъ статью, въ которой даже тогдашній законъ о народномъ представительствѣ, хотя и совѣщательномъ, я съ извѣстной точки зрѣнія привѣтствовалъ. Я видѣлъ въ немъ способъ перехода къ новымъ приемамъ борьбы.

Русская дѣйствительность меня и моихъ товарищей въ тотъ же день разочаровала. Въ то же утро 6 августа, когда моя привѣтственная статья появилась въ „Сынъ Отечества“, я былъ отвезенъ въ тюрьму (*голоса справа: правильно; смѣхъ*). вслѣдствіе того, что засѣдалъ въ это время съ нѣсколькими товарищами въ союзѣ союзовъ. Такимъ образомъ, иностранный журналистъ, какъ разъ тогда пріѣхавшій въ С.-Петербургъ, долженъ былъ констатировать, что Россія еще не перешла той грани, которую я, въ своемъ излишнемъ оптимизмѣ, полагалъ, что она переходитъ. Русскій конституціонный „конь“ тогда хромалъ на всѣ четыре ноги.

Какъ бы то ни было, наступило 17 октября. Оно, я долженъ сказать, уже наступило не одними усиліями партіи народной свободы, а усиліями, гораздо болѣе рѣшительными, пар-

тій, стоящихъ лѣвѣ, и этимъ вы должны быть благодарны имъ больше, чѣмъ намъ. (*Голосъ*: котораго числа вы родились?). Мы тогда противъ крайнихъ формъ этого движенія, болѣе лѣваго, боролись, не имѣя еще поддержки справа, и имѣя лишь слабую надежду на то, что легальная борьба въ самомъ дѣлѣ станетъ возможной. Мы чаяли въ ней единственное спасеніе въ ближайшемъ будущемъ. И во имя этой, неясной еще, возможности, мы, гг., рисковали популярностью, мы погубили ее весьма быстро, потому что русское движеніе пошло по тому самому руслу, къ которому приучила его азефщина, къ которому приучило его то самое долговременное сожителство революціи съ Правительствомъ, о которомъ я вамъ говорилъ раньше. Гг., въ русской жизни кореннымъ несчастьемъ является то, что въ политической борьбѣ выступали до сихъ поръ только крайніе, только красные и черные, и между ними не было ничего средняго. Это фатальная черта русской политической жизни, въ которой ни одна изъ борющихся сторонъ не понимала силы идеи, а понимала только возможность примѣненія непосредственной, прямой, физической силы, къ сожалѣнію, не могла быть зачеркнута однимъ почеркомъ пера 17 октября. И постольку, поскольку она не была зачеркнута, лѣвыя партіи продолжали свою революціонную борьбу,—а мы? Мы не получили почвы для борьбы строго-конституціонной. Вотъ, почему, гг., вы насъ не можете считать идейными руководителями движенія, руководство которымъ возможно было бы только тогда, если бы русская дѣйствительность дала намъ болѣе твердую опору. Эту опору вы у насъ вырвали изъ-подъ ногъ.

Мы, тѣмъ не менѣе, боролись. Мы привели русское общество въ первую Думу, и тогда, когда элементы болѣе лѣвые заранѣе въ нее не вѣрили, заранѣе не вѣрили въ дѣйствительность уступокъ русскаго Правительства, мы настояли на своемъ, и мы положили начало открытой и свободной русской политической жизни. Вотъ, что сдѣлали кадеты изъ своего сосѣдства съ болѣе лѣвыми элементами. (*Пуришкевичъ, съ мѣста*: profession de foi). Они сдѣлали это не для того, чтобы служить революціи. Они сдѣлали это подъ ударами той же революціи, осыпаемые насмѣшками, презрѣніемъ, негодованіемъ и заподозриваніемъ. Эти „чашки чаю“, эти „переднія“ у Министровъ,—не вы ихъ выдумали, гг. Вы только повторяете то, что говорили о насъ на лѣвыхъ митингахъ того времени. (*Голосъ справа*: мы тамъ чаю не пьемъ). Насъ обвиняли въ стремленіи къ „портфелямъ“. Но, гг., мы прекрасно понимали, что въ тотъ моментъ наше время не пришло. Мы не могли быть господами

положенія и не хотѣли быть его рабами. Эту роль мы представили вамъ.

Теперь я перехожу къ другой сторонѣ дѣла, которая была предметомъ обсужденія Парижскаго конгресса. (*Шумъ справа*). Кромѣ политическихъ задачъ, Парижскій конгрессъ поставилъ своей цѣлью улаженіе національной вражды. И по этому поводу на насъ клеветали. Говорили, будто мы хотимъ расчленивать Россію, уничтожить русское государственное единство. Гг., это такія же клеветы, какъ обвиненія въ „обструкціи“ и цѣлый рядъ подобныхъ обвиненій, взводимыхъ на насъ съ этой каѳедры. Что мы сдѣлали въ дѣйствительности? Я полагаю—и считаю, что имѣю право сказать это здѣсь—я полагаю, что мы были первые, которые этой вѣковой національной враждѣ и розни пытались положить конецъ, но не мѣрами насилія, какъ пытаются положить наши противники, а мѣрами взаимнаго согласія. Мы были первые, которые нашимъ отношеніемъ, нашимъ прямымъ согласіемъ итти на переговоры и взаимныя уступки, переломили то настроеніе польскаго общества, которое существовало въ немъ 40 лѣтъ. И мы сдѣлали это, написавши въ Парижѣ такую программу дѣятельности по національнымъ вопросамъ, подъ которой, можетъ быть, даже и центръ теперь подписался бы (*Шумъ; голоса: вы ошиблись*). Вы мнѣ скажете, можетъ быть, что теперь вы это сдѣлали лучше и сговорились на большихъ уступкахъ. Мы, гг., на это дѣло не смотрѣли, какъ на предметъ торговли. Мы не торговались. Мы считались съ тѣми идеалами и чаяніями, какіе существовали въ дѣйствительности, и, исходя изъ нихъ, мы взяли за собой всю польскую окраину. Пойдетъ ли она за вами, мы еще не знаемъ.

Но мы знаемъ навѣрное, что другая страна, которая съ нами шла, съ вами не пойдетъ,—я говорю о Финляндіи (*Голоса справа: къ дѣлу; опять Финляндія*).

Предсѣдатель. Покорнѣйше прошу не шумѣть.

Милюковъ. Я опять предупреждаю, что буду говорить о томъ же, о чемъ началъ.

Предсѣдатель. Я васъ еще разъ предупреждаю. Здѣсь идетъ вопросъ не о кадетской партіи, а разбирается запросъ по дѣлу Азефа.

Милюковъ. Я долженъ сказать, что почти ни одинъ ораторъ не выступалъ съ этой каѳедры, который бы не дѣлалъ вопроса объ Азефѣ вопросомъ объ обвиненіи кадетской партіи. Я считаю себя призваннымъ и обязаннымъ развить тѣ доказательства въ ея защиту, которыя я теперь излагаю, тѣмъ болѣе,

что первымъ, кто меня принудилъ къ этому, былъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ. (*Голосъ справа*: онъ съ вами не считается). Если бы онъ со мной не считался, то не произнесъ бы моей фамиліи съ этой кафедры. (*Шумъ; голоса*: хвостунъ). Итакъ, гг., на Парижскомъ конгрессѣ, между прочимъ, созванномъ по инициативѣ финляндцевъ, а не революціонеровъ, финляндцевъ изъ конституціонной оппозиціи, на — этомъ конгрессѣ мы протестовали противъ манифеста 3 февраля 1899 г., отмѣнивашаго существенную основу финляндской конституціи, (*Голоса*: къ дѣлу, къ дѣлу). Гг., эта наша задача — „возстановить законный порядокъ“ въ Финляндіи — была осуществлена. Я употребляю точныя выраженія.

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Милюковъ. Послѣдній разъ покорнѣйше прошу васъ держаться вопроса, — вы рѣшительно отъ него отклоняетесь; несмотря на многократныя мои къ вамъ обращенія и просьбы итти по надлежащему пути, вы все время идете въ сторону и этимъ мы доводимъ собраніе до дурного состоянія. Прошу покорно вернуться къ вопросу, который мы разсматриваемъ.

Милюковъ. Я употребилъ подлинныя выраженія правительственнаго манифеста 22 октября 1905 г. (*голоса*: о которомъ рѣчи нѣтъ), по которому „законный порядокъ“, нарушенный манифестомъ 3 февраля 1899 г., былъ возстановленъ. Если теперь, ликвидируя наши завоеванія, вы дошли и до этого пункта и хотите тамъ вернуться къ бобриковскому режиму, то вы несете на себѣ отвѣтственность за послѣдствія этого.

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Милюковъ. Я васъ покорнѣйше прошу подчиниться моей просьбѣ, вполне законной и основательной.

Милюковъ. Господа. Не я виной тому, что подробно изложеному того, что происходило на Парижскомъ конгрессѣ и что поставлено мнѣ въ укоръ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, здѣсь ставится предѣлъ. Если кто либо будетъ меня потомъ обвинять, что въ этотъ важный моментъ я чего либо не договорилъ или не успѣлъ сказать, вина лежитъ не на мнѣ. Я перейду прямо къ своему политическому заключенію.

Я сказалъ вамъ, почему мы оказались слабыми. Мы оказались слабыми не потому, что вы были противъ насъ. Вы пришли позднѣе; тогда вы сидѣли по домамъ. Мы оказались слабы и остались одни потому, что сразу нельзя было воспитать политически все только что проснувшееся русское общество. Мы остались одни потому, что отошла отъ насъ та самая лѣвая сторона, въ руководительствѣ которою вы насъ

обвиняете. Я скажу больше, гг. Тогда наше отношеніе къ этой лѣвой сторонѣ, по выраженію Предсѣдателя Совѣта Министровъ, „не замѣчалось“. Тогда насъ приглашали въ Министры. Почему? Гг., я не питаю иллюзій. Вѣдь я знаю, что при помощи политическихъ идей въ Россіи управлять не привыкли. Въ Россіи привыкли управлять силой. И насъ звали въ Министры тогда, когда считали, что мы—сила и опираемся на такую же красную силу, на какую опираются теперь съ правой стороны,—на черную силу. Вотъ почему насъ уважали, пока насъ считали... революціонерами. Но когда оказалось, что мы только строго-конституціонная партія, тогда надобность въ насъ прошла.

Гг., я полагаю, что передовая часть русскаго общества получила въ тѣхъ итогахъ, которые я только что подвелъ, горькій урокъ. Теперь къ намъ вернулись многіе изъ тѣхъ, которые относились къ намъ недоувѣрчиво въ то время. Мы думаемъ, что къ намъ все вернется. Мы не знаемъ, конечно, когда рухнутъ тѣ „лѣса“, о которыхъ здѣсь говорилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, и не знаемъ, окажется ли онъ правъ, и „задавятъ“ ли эти лѣса „подъ своими обломками“ Правительство. Но мы знаемъ одно. Этимъ теперешнимъ путемъ,—тѣмъ, который приводитъ къ Азефамъ и дѣлаетъ неизбежной азефщину,—этимъ путемъ можно только увѣковѣчить революцію, а Россію довести до полнаго вырожденія и истощенія. Не надѣйтесь, гг., на спокойную „внутреннюю работу“, которую этимъ путемъ обѣщаетъ дать вамъ Министръ. Эта работа не наступитъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ теперь уже иначе выражается и о тѣхъ свободахъ, о которыхъ онъ говорилъ съ большимъ почтеніемъ въ первой и второй Думахъ передъ нами. Передъ вами онъ теперь отказывается „подкрашивать Россію румянами всевозможныхъ вольностей“. Гг., никакими румянами—даже и либеральными—не подкрасить ему того повапленнаго гроба, въ которомъ вмѣстѣ съ жалкими обломками и обрывками либеральныхъ полуобѣщаній сохраняются однѣ только реликвіи заживо сгнившаго порядка. Этого стараго порядка теперь нельзя спасти отъ смерти даже „сотрудничествомъ“ Азефа. *(Рукоплесканія слыва)*. Но, умирая, своимъ гніеніемъ онъ еще можетъ надѣлать бѣдъ: онъ можетъ вамъ заразить и сохранившіеся пока здоровые соки нашей родины. *(Рукоплесканія слыва; шиканье справа)*.

Шубинской (Тверская губ.) Предшествующій ораторъ справедливо сказалъ вамъ, что борются въ этомъ парламентѣ чаще всего крайнія теченія,—среднее же теченіе—центр—выступаетъ довольно рѣдко. Поэтому, не откажите въ нѣсколькихъ мину-

тахъ вниманія, которыя я займу у васъ въ качествѣ представителя этого центра, который терпѣливо выслушалъ цѣлую бездну вещей, которыя, по его сознанию, никакого отношенія къ спорному предмету не имѣютъ. (*Голоса: вѣрно*). Много разъ я замѣчалъ, что мы идемъ совсѣмъ не по той дорогѣ которую указываютъ намъ доклады и даже нашъ долгъ. Начавъ съ какого-либо запроса, мы быстро покидаемъ почву, рамки запроса и уносимся то къ бичеванію людей, правительственныхъ системъ, къ бичеванію государственнаго строя, однимъ словомъ уносимся къ тому, что наименѣе относится къ запросу. И нерѣдко, чѣмъ слабѣе почва запроса, тѣмъ мы горячѣе говоримъ по предмету, относящемуся къ области нашихъ обличеній. Я думаю, рано или поздно вы сами придете къ убѣжденію, что этому надо положить конецъ. Если бы я поддался сегодня увлеченію отвѣчать на то, что слышалъ съ этой трибуны, было бы мало ночи, чтобы сказать мнѣ свой отвѣтъ. Но мой трудъ облегченъ однимъ: во всѣхъ этихъ папосахъ, во всѣхъ этихъ экстазахъ выступаетъ одно безплодіе, слабость дѣловой мысли. Если въ нихъ вы будете искать зерна, то вы найдете только мертворожденное зерно. Гдѣ Азефъ? Почему не говорятъ объ Азефѣ? Я начинаю думать, что, можетъ быть даже въ интересахъ запросчиковъ какъ можно меньше говорить объ Азефѣ, даже спрятать Азефа совсѣмъ. (*Голоса справа: вѣрно*). А по поводу запроса объ Азефѣ и азефскомъ дѣлѣ, что дѣлаютъ? Мечутъ грома въ Предсѣдателя Совѣта Министровъ—разъ, поютъ панегирики кадетской партіи—два, затѣмъ—выражаютъ различнаго рода положенія, обличенія и т. д. Но пусть до конца доведутъ свои рѣчи! Пусть выскажутъ до конца свою разрушительную критику, посредствомъ которой они служатъ Россіи. Куда они идутъ? Вникните въ это, послушайте ихъ рѣчи. Предсѣдатель Совѣта Министровъ—союзникъ убійцъ; стало быть—это никуда негодный дѣятель; система, которую онъ защищаетъ, никуда не годна; договаривайте же, что же нужно сдѣлать для Россіи? (*Розановъ, съ мѣста: конституцію настоящую*). Настоящую — какъ вы ее понимаете? (*Розановъ, съ мѣста: справедливость и отвѣтственность Правительства*). Позвольте, будемъ говорить о дѣйствительности и дѣйствительныхъ фактахъ. Со многимъ мы всѣ согласились бы. Пусть критикуютъ дѣятельность охранныхъ отдѣленій, пусть находятъ тамъ разнообразныя недостатки. И когда они будутъ подтверждены фактами, мы первые будемъ сторонниками этой критики. Но идутъ гораздо дальше. Что хотятъ сказать,—не надо охранныхъ отдѣленій? Я вовсе не сто-

ронникъ и не поклонникъ охранныхъ отдѣленій (смѣхъ слѣва), но я считаю, что тамъ, гдѣ борьба покинула сферу слова, когда рѣчь идетъ о бомбахъ, когда рѣчь идетъ о браунингахъ и человеческой крови, защита отъ нихъ существовать должна. Депутатъ Булатъ справедливо указалъ, что комиссія имѣла одинаковый матеріаль для двухъ запросовъ. Можетъ быть, естественнымъ и логическимъ путемъ дѣйствія комиссіи было бы сразу отвергнуть оба запроса. Но именно потому, что мы не питали никакого фаворитизма ни къ кому, ни даже къ Правительству, мы одинъ изъ запросовъ поставили на вашъ судъ. Мы руководствовались мыслью: пусть заявители выскажутся и представятъ доказательства, если они ихъ имѣютъ, а не слова только, не потоки рѣчей, которыя раздавались здѣсь, не сцены изступленія и экстаза. Пусть они восполняютъ эти оба запроса. Наша мысль была—дать возможность высказаться какъ интерpellанту, такъ и Правительству, высказать факты, если они дѣйствительно существуютъ, ибо въ комиссіи были загадочныя, неясныя слова, внесенныя въ протоколъ, заключавшія обѣщаніе что-то представить потомъ. Я противникъ этихъ представлений потомъ, противникъ этихъ неожиданностей, которыя какъ глыбы летятъ отсюда, не систематизированныя, не изученныя, иногда не понятныя и только заграждаютъ прямой путь, который намъ чаетъ самъ себѣ запросъ. Я бы думалъ, что всякій новый документъ, которому Государственная Дума можетъ придать значеніе, который неожиданно является передъ ней, долженъ влечь возвращеніе запроса въ комиссію, чтобы она имѣла возможность разсмотрѣть новый документъ, войти въ его оцѣнку, чтобы сама Государственная Дума не по выдержкамъ, иногда случайнымъ, не по толкованіямъ, совершенно произвольнымъ, приступала къ обсужденію такихъ вопросовъ, которые мы должны привести къ извѣстному опредѣленію. Тѣмъ не менѣ эта система существуетъ и дала себя знать и по настоящему запросу во всей своей полнотѣ. Что такое запросъ? Что онъ долженъ заключать въ себѣ? Извѣстные, опредѣленные, ясно установленные факты, въ отношеніи которыхъ утверждается незаконность. Стало быть, онъ имѣетъ двѣ стороны — фактическую и юридическую. О первой изъ этихъ сторонъ до сихъ поръ происходитъ много споровъ. Нужно ли для подающаго запросъ имѣть ясное и несомнѣнное доказательство существованія утвержденнаго факта? да и кого можно обязать подавать запросъ съ неоспоримыми доказательствами? Онъ воленъ поступать какъ хочетъ. Иному просто взбрела фантазія, онъ прочелъ газету, взволновался и написалъ запросъ. Я думаю, это хорошо до тѣхъ поръ, пока пишется и

вносится запросъ, а когда онъ представленъ въ Государственную Думу, когда онъ переданъ въ комиссію, нашъ долгъ убѣдиться, существуютъ ли данные факты или нѣтъ, ибо не существуютъ факты—не существуетъ и запроса. Юридическая задача комиссіи—произвести толкованіе этихъ фактовъ, заключаютъ ли они въ себѣ незаконность, или таковой въ нихъ нѣтъ? Какъ же можно говорить о незаконности какого-либо факта, если самъ фактъ является спорнымъ, если нѣтъ согласія, что онъ существуетъ. Съ этой точки зрѣнія, оба данныхъ запроса не заслуживаютъ никакого довѣрія, никакого уваженія со стороны Государственной Думы; всѣ они построены на документахъ, исходящихъ отъ такихъ организацій, которыя иначе какъ преступными названы быть не могутъ, гдѣ бы эти организаціи ни существовали, — въ Россійской Имперіи или за границей. (*Рукоплесканія справа*). Напрасно указываютъ на то, что лица правительственныя пользовались съ этой каѳедры документами, оттуда же исходящими. Да вѣдь документъ документу рознь. Иное дѣло, когда члены партіи пишутъ о себѣ: о своихъ замыслахъ цереубійствъ, о нападеніяхъ съ бомбами. О себѣ пиши, что хочешь, а когда они пишутъ о другихъ, это совершенно иная вещь, въ особенности о тѣхъ другихъ, на которыхъ они, можетъ быть, имѣютъ нѣкоторое основаніе обижаться и быть недовольными. (*Смѣхъ справа и въ центрѣ*). Поэтому я думаю, что довѣрять такимъ документамъ никакого основанія нѣтъ. Остаются новые документы, документы, за которыми депутатъ Булатъ ѣздилъ въ Парижъ. Документы не стоили такой поѣздки, говоря откровенно. Письма эти по дѣльнымъ вопросамъ необычно блѣдны, но рѣчь Булата необыкновенно интересна. Депутатъ Булатъ отправился въ Парижъ. Пріѣхавъ туда, онъ направилъ свое посѣщеніе къ извѣстному, по его словамъ, идеологу В. Чернову. Въ глазамъ Булата Черновъ только идеологъ, по справкѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, идеологъ этотъ засѣдаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ революціонныхъ комитетахъ и занимается направленіемъ бомбистовъ, браунинговъ и т. д. Итакъ, отправившись къ идеологу, Булатъ получилъ отъ него письмо Азефа, которое прежде всего свидѣтельствуетъ о необыкновенной довѣрчивости депутата Булата. Правда, онъ самъ нашель необходимымъ говорить намъ: удостовѣрьтесь въ подлинности, дѣлайте экспертизу и она убѣдитъ васъ, что это рука Азефа; но я думаю, экспертизу можно и не дѣлать, можно, безъ всякой экспертизы, взять эти письма въ руки и прочесть, чтобы убѣдиться, что эти письма—типичнаго провокатора въ отношеніи той партіи, которой онъ ихъ написалъ. Первые строки этихъ писемъ—

это какое то сплошное глумленіе. Я понимаю, что тогда партія не приняла ихъ въ смыслъ глумленія. Но теперь, когда она разочаровалась въ Азефѣ, даже она не могла бы другими глазами смотрѣть на нихъ, на эти письма, какъ смотреть на нихъ каждый изъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ — почитайте выраженія этихъ писемъ. Говорятъ, Булатъ ихъ неискусно прочелъ, — нѣтъ, онъ ихъ очень искусно прочелъ. Писемъ два. Онъ читалъ сплошь одно, а второе съ пропусками: оно больше состоитъ изъ цѣлаго ряда путанныхъ выраженій, изъ которыхъ вы ничего не извлечете по иной системѣ, какъ по системѣ Булата. Что нужно было Булату, то онъ и постарался взять: будто Азефъ зналъ и участвовалъ въ убійствѣ Великаго Князя Сергѣя Александровича. Но прочитайте письмо въ подлинникѣ: тамъ Азефъ пишетъ: это вздоръ, что убійство удалось только потому, что измѣнили планъ, скрывъ это отъ меня. Эта оговорка за Азефа, а не противъ него. Такимъ образомъ, оказывается, что Азефъ не былъ посвященъ въ это дѣло и, стало быть, не могъ быть соучастникомъ этого преступленія. Коснусь перваго письма. Послушайте, что пишетъ Азефъ: онъ называетъ ультиматумъ, который ему поставили, гнуснымъ и говоритъ о возможности защищаться противъ взведеннаго, замѣтьте — взведеннаго на него, Азефа, полиціей и ея агентами гнуснаго обвиненія, которое ему кажется возмутительнымъ. Итакъ передъ трибуналомъ революціоннымъ онъ заявляетъ о гнусныхъ дѣйствіяхъ русской полиціи. Что же, Булатъ вѣрить этому крику негодованія? Если Азефъ агентъ, а развѣ объ этомъ спорять, то слова эти — провокаціонныя слова, которыя могутъ только насмѣшку вызвать, могутъ показать глумленіе Азефа надъ партіей революціонеровъ. Самъ агентъ полиціи заявляетъ, что полиція и ея агенты подводятъ его подъ судъ революціоннаго трибунала; развѣ въ этомъ есть разумъ и логика. Затѣмъ Азефъ пишетъ, что исторія оцѣнить поведеніе комитета, который разбиралъ его дѣло; онъ говоритъ о необходимости очистить свою честь, запятнанную полиціей россійской. Право, гг., какую дѣтски наивную нужно имѣть душу, чтобы придать значеніе этимъ словамъ. Но есть въ письмѣ выраженія, которыя прямо въ восторгъ приводятъ Булата, и онъ цитировалъ ихъ предъ вами: „моя работа въ прошломъ даетъ мнѣ эти силы, подымаетъ меня надъ смрадомъ и грязью, которыми вы теперь окружены“. Гг., я даже не знаю, что это такое, какъ не выраженіе, извините за слово, наглеца, который глумится окончательно надъ всѣмъ, даже тѣмъ, что онъ предавалъ самъ. Остальныя части письма рѣшительно не стоитъ цитировать, онъ по содержанію своему лишены всякаго значенія. Это мате-

риаль, ничего не стоящій и рѣшительно никуда непригодный. Съ Булатомъ можно бы было окончить, хотя восклицаніе Булата послѣ писемъ весьма интересно. На немъ стоитъ платформа, если можно такъ выразиться, всѣхъ послѣдующихъ рѣчей. Когда Булатъ прочиталъ эти два письма, онъ буквально восклицаетъ: можно ли допустить, чтобы русское Правительство не знало объ этой преступной дѣятельности Азефа? Эти скачки, эта подстановка несуществующей платформы о знаніи Правительствомъ недоказанной преступности Азефа, и есть основа всѣхъ рѣчей, которыя съ такимъ громомъ раздавались съ этой трибуны, тогда какъ громадная разница между тѣмъ, былъ ли Азефъ дѣйствительно участникомъ различнаго рода преступлений, и знало ли объ этомъ русское Правительство. Могло быть и такъ, что Азефъ, дѣйствительно, былъ участникомъ, но Правительство могло этого и не знать,—и, стало быть, самый вопросъ падаетъ по своему существу. Тѣмъ не менѣе у насъ происходило иное. Концепція мыслей у депутата Булата такова: Азефъ совершалъ преступленія, а если Азефъ ихъ совершалъ, то Правительство не могло не знать. Послѣдующіе ораторы берутъ этотъ выводъ, какъ окончательный фактъ: Правительство знало о преступности Азефа,—и объявляютъ прямо Правительство союзникомъ убійцъ и плѣнникомъ охранныхъ отдѣленій. Такова постройка ихъ мыслей, она не напоминаетъ даже лѣса, это постройка изъ спичекъ, изъ картъ, которая отъ одного дунуванія разсыпается въ прахъ. Все это дѣло необыкновенно простое; просто агентъ полиціи, когда-то бывший въ революціонныхъ кружкахъ партій, продался и за деньги поставлялъ свѣдѣнія; потомъ его разоблачили; этихъ разоблаченій теперь много: не одного Азефа, цѣлыя группы разоблачаютъ — Бржозовскаго въ Краковѣ разоблачили, другого убили, третьяго судили и т. д. (*Голосъ слыва*: а дальше что будетъ?). Теперь дальше я вамъ скажу кое-что болѣе интересное, я вамъ прочту документъ весьма интересный. Перейдемте теперь къ рѣчи о незаконномѣрности. Въ отношеніи таковой сдѣлалъ попытку говорить депутатъ Пергаментъ. Онъ юристъ, и поэтому онъ не довольствуется только тѣмъ, что, всходя на трибуну, побранить одного, расскажетъ разные факты, ловкіе анекдоты, происшествія и затѣмъ конецъ. Нѣтъ, онъ знаетъ отлично (*шумъ справа и смѣхъ*), что такіе рассказы—дешевая вещь, пока они не сведены къ опредѣленному юридическому значенію. И вотъ, онъ начинаетъ вспоминать—съ этой трибуны Предсѣдатель Совѣта Министровъ по поводу погромовъ говорилъ: „я обладаю полнотою власти и ничего не допущу“;—а провокацію Азефа допускали,

говорить депутатъ Пергаментъ. Въ этомъ, продолжаетъ онъ, — я вижу бездѣйствіе власти. Въ чемъ же бездѣйствіе власти? Въ чемъ? Я ни изъ устной, ни изъ печатной его рѣчи не могу усвоить хорошо. Очевидно, въ томъ, что Азефъ, по его мнѣнію, занимался провокаціей, но вѣдь это нужно установить. Да и что подъ провокаціей онъ разумѣетъ. Провокація, какъ это совершенно справедливо объяснили здѣсь, — это замыслы полиціантовъ: искусственно подговаряютъ трехъ-четырехъ человѣкъ убить такого-то и ихъ хватаютъ съ бомбами, — это есть провокація. Повидимому, совсѣмъ иначе понимается называемая здѣсь провокація. Здѣсь провокаціей называютъ участіе въ убійствѣ. Это, гг., не провокація, это просто соучастіе въ преступленіи. Такимъ образомъ, подводя юридическій сводъ, въ чемъ находятъ незаконность. Въ томъ, что Азефъ былъ соучастникомъ убійцы, — тогда это не законность, это уже соучастіе въ убійствѣ, это будетъ укрывательство со стороны лицъ, знавшихъ, что Азефъ соучастникъ убійцы. А депутатъ Пергаментъ говорилъ всего о бездѣйствіи власти. Если, на самомъ дѣлѣ, Азефъ — участникъ убійства, то надо доказать, что Правительство знало это, и тогда это будетъ не бездѣйствіе власти, а для Предсѣдателя Совѣта Министровъ тягчайшее обвиненіе, это будетъ укрывательство преступника, укрывательство убійцы. До этого, однако, не договорились, въ этомъ отношеніи остановились только передъ первой брошенной фразой. Затѣмъ, второй обвинительный пунктъ въ рѣчи Пергамента, гдѣ пытались такъ говорить: — Азефъ раскрылъ составъ боевой организаціи, почему ее не арестовали? — Гдѣ? въ какомъ составѣ? кто могъ бы ее арестовать? — рѣшительно ничего не выяснено обстоятельствами дѣла. Собственно для меня — я сдѣлаю тутъ небольшое отступленіе — чрезвычайно непонятно, какъ правительственный чиновникъ можетъ искать союза и вести его для предупрежденія убійства съ убійцами. Я никакъ не могъ этого уяснить себѣ. Если Азефъ дѣйствительно участникъ убійствъ, то я не понимаю, какъ искать въ его помощи защиты отъ убійствъ. Такой человѣкъ опаснѣе всякаго убійцы. (*Голосъ слыва: вѣрно*). Съ этой стороны для меня представляется неяснымъ, о какихъ укрывательствахъ и т. д. можно здѣсь вести рѣчь. Я думаю, въ первомъ случаѣ, когда только узнали бы, что Азефъ соучастникъ убійствъ, то, вѣроятно, ему была бы первому и надлежащая награда и такая, послѣ которой онъ прекратилъ бы всякую дѣятельность на землѣ, а не только въ Департаментѣ Полиціи. (*Смѣхъ въ центрѣ*). Собственно въ мои планы входило разобратъ подробнѣе рѣчь депутата Пергамента, но я сокращу эту

работу и коснусь коротко двухъ указаній, которыя были сдѣланы въ его рѣчи. Иду далѣе по фактической сторонѣ настоящаго дѣла. Конечно, дѣло это переносить мысли собранія въ чрезвычайно тяжелую, грустную область, въ область человѣческихъ преступленій и борьбы съ ними. Нѣтъ правительства, которое не боролось бы съ преступностью, одно одними способами, другое—другими способами. Совершенно присоединяюсь къ мнѣнію, которое было высказано депутатомъ Пергаментомъ, что нѣкоторые приемы недопустимы: нельзя пользоваться ни рясою священника, ни формой адвоката для того, чтобы исторгать у обвиняемаго, арестованнаго, привлеченнаго къ суду, признанія. По поводу виленскаго запроса мы выразили эту мысль и стойко ждемъ отъ Правительства, что оно, по нашему пожеланію, будетъ преслѣдовать провокацію и недостатки полиціи и вполнѣ отвѣтитъ нашимъ пожеланіямъ въ этомъ случаѣ. Но, тѣмъ не менѣе, нужно разобратся въ вопросѣ, что за мѣръ этой борьбы, и въ чемъ заключается эта борьба? Оборона, самооборона допустима каждымъ закономъ. Я не могу стрѣлять въ другого, но, когда я обороняюсь, я вправѣ стрѣлять въ него. Мѣры борьбы съ преступностью за границей гораздо рѣшительнѣе нашихъ мѣръ. Мы никакихъ денежныхъ ставокъ не дѣлаемъ, за границей дѣлаются ставки, преміи за открытіе преступленій—постоянно. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ особыхъ приемовъ и способовъ существуетъ тамъ. Мѣръ борьбы съ преступностью необычайно интересный мѣръ. Онъ полонъ загадочности, полонъ находчивости, онъ до того увлекателенъ, что милліоны листовъ, разнаго рода брошюръ, книгъ, посвященныхъ ему, распространены въ Россіи; Шерлокъ Холмсъ, Пинкертоны—это вещи, которыя владѣютъ воображеніемъ и увлекаютъ человѣческую мысль въ разныя стороны находчивости, изобрѣтательности и т. д. Надо сознаться, во всякомъ случаѣ, что это вовсе не такой привлекательный мѣръ, куда можно было бы итти безъ перчатокъ, безъ опасенія, что увидишь явленія, полныя мерзости и отвращенія. Но будемъ безпристрастны въ оцѣнкѣ явленій. Возьмемъ явленія во весь ихъ ростъ. Можетъ быть, потому такъ и замалчивали Азефа, какъ Азефа, Азефа какъ дѣятеля, Азефа, какъ личность, о которой можно будетъ сказать нѣсколько словъ,—что и въ томъ лагерѣ есть явленія, которыя заслуживаютъ быть отмѣченными и заслуживаютъ вашего вниманія. Если вѣрить газетнымъ органамъ и допустимо иногда пользоваться газетными статьями, то позвольте прочесть вамъ нѣсколько очень короткихъ выдержекъ изъ газеты „Русск. Вѣдом.“. Вотъ что описано тамъ: нѣкій Петръ Рысь оправдываетъ собствен-

наго брата, котораго заподозрили въ службѣ Департаменту Полиціи; онъ хочетъ очистить его память, и такъ начинается описаніе (*читаетъ*): „мой братъ, много послужившій революціи, получивши кличку Мортимера, въ 1906 г. былъ арестованъ, кажется, въ Кіевѣ. Друзья многочисленные помогли ему освободиться. Очутившись на свободѣ, Мортимеръ,—таково названіе Рыса,—немедленно увѣдомилъ товарищей, что ему предложили поступить на службу въ Департаментъ Полиціи. Онъ согласился въ надеждѣ принести пользу революціонерамъ. Эти послѣдніе одобрили его рѣшеніе и выразили ему довѣріе. Обладая даромъ всѣмъ внушать къ себѣ слѣпое довѣріе, Мортимеръ скоро проникъ во всѣ секреты тайной полиціи и такимъ образомъ узналъ, что Азефъ служитъ въ ней агентомъ провокаторомъ“. Но этого мало; Мортимеръ и другимъ дѣломъ занимался кромѣ того, что узнавалъ объ Азефѣ. Чтобы возвеличить его память, его братъ продолжаетъ описаніе (*читаетъ*): „тѣмъ временемъ Мортимеру удалось посодѣйствовать нѣсколькимъ крупнымъ экспроприациямъ, отвлекая вниманіе полиціи въ другую сторону“. (*Смѣхъ въ центрѣ*). Такимъ образомъ, какъ вы видите, и въ тѣхъ рядахъ занимаются очень успѣшно проведеніемъ своихъ элементовъ въ ряды правительственной полиціи для ознакомленія съ тайнами, для осуществленія экспроприаций и убійствъ. Я не хочу этимъ сказать, что обѣ стороны вправдѣ борются одинаковымъ оружіемъ, но отмѣченный фактъ заслуживаетъ вниманія. Я продолжаю думать, что нельзя говорить о Правительствѣ и революціонерахъ, какъ о сторонахъ, и что только шутя кто-то разсматривалъ ихъ, какъ стороны. Съ одной стороны, мы имѣемъ Правительство, а съ другой стороны—тайную преступную организацію, которая выплыла и получила освѣщеніе только благодаря тому, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ нашель возможнымъ посвятить насъ во всѣ документальныя тайны дѣла, которыя касались дѣятельности этой преступной организаціи. Мы узнали цѣлую массу интереснѣйшихъ фактовъ, которые касаются революціоннаго періода Россіи,—фактовъ, которые были закрыты отъ насъ, фактовъ, которые, по требованію даннаго запроса, здѣсь развернулись во всемъ своемъ объемѣ. Чѣмъ откровеннѣе былъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, чѣмъ болѣе подробныя свѣдѣнія онъ давалъ, тѣмъ болѣе это разочаровывало, съ одной стороны, а съ другой, выдвигало упрекъ за излишнюю откровенность. Я, наконецъ, ждалъ момента, когда скажутъ: какъ же? это тайны Департамента Полиціи, а онъ все это открываетъ. Да вы сами добивались, гг., чтобы онъ представилъ подробное, полное объясненіе по данному запросу.

Онъ пошелъ, изучилъ въ ревизионномъ порядкѣ дѣло. Дѣло сыска и охраны не его дѣло, но, побуждаемый довѣріемъ къ нему Государственной Думы, или, по крайней мѣрѣ, той части, отъ которой я говорю (*голосъ слева*: по крайней мѣрѣ о той части?),—подъ этимъ побужденіемъ, проревизовавъ это дѣло, онъ всѣ матеріалы ревизіи принесъ и изложилъ откровенно здѣсь передъ вами. По закону онъ имѣлъ право отсутствовать и сказать: присылайте ко мнѣ вашъ запросъ, въ теченіе мѣсяца я буду готовиться и черезъ мѣсяць отвѣчу вамъ. Однако же онъ не сдѣлалъ этого; еще запросъ не принять, а онъ прямо пришелъ отвѣтить на него; никакого желанія ни увильнуть, ни уклониться у него не существовало... Для меня необыкновенно уяснились этими запросами многія подробности революціонной жизни Россіи, для меня совершенно ясно стало, какъ протекала русская революція, какъ десятка два лѣтъ тому назадъ элементы горячіе, недовольные, одни, поставившіе задачей бороться за права, другіе — за равноправіе, при чемъ послѣдніе элементы, обладающіе даромъ убѣждать неотразимо, отправлялись за границу и тамъ создали революціонные центры. Изъ этихъ революціонныхъ центровъ они двинули агитаторовъ, обладающихъ неотразимымъ даромъ убѣжденія. Эти агитаторы притянули и подчинили себѣ громадное количество русской молодежи. Русская молодежь и начала дѣлать русскую революцію: часть отправилась въ народъ, часть отправилась на фабрики, которыя и стали поднимать и дѣйствительно моментами достигали крупныхъ успѣховъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь изъ насъ, хоть на одинъ мигъ, серьезно повѣритъ, что событія 1905 г. произведены изъ Департамента охранной полиціи, изъ Петербурга? Неужели кто-нибудь повѣритъ, что забастовки желѣзно-дорожныя, волненія и чисто революціонное движеніе въ Москвѣ, цѣлый рядъ почтово-телеграфныхъ забастовокъ, цѣлый рядъ террористическихъ актовъ имѣли своимъ происхожденіемъ Департаментъ Полиціи въ Петербургѣ? Это слишкомъ наивная вещь, чтобы предположить или допустить что-нибудь подобное. Наша революція двигалась совершенно инымъ путемъ. На путь ея привлекались и увлекались молодая русскія силы, юныя, безусыя, неокрѣпшія, полныя энтузіазма, и направлялись на страшную, роковую, преступную дорогу. Изъ этой молодой фаланги завербованныхъ неотразимымъ даромъ убѣжденія болѣе рѣшительная часть согласилась на совершеніе террористическихъ актовъ и убійствъ. Посмотрите, кто совершаетъ террористическіе акты: тѣ ли, кто засѣдаетъ въ революціонномъ трибуналѣ? Нѣтъ, они отправляютъ русскую молодежь — Сазонова

Каляева, Карповича. Это все юность, еще умственно не созрѣвшая, душою не окрѣпшая, можетъ быть, одаренная прекрасными душевными качествами, но увлеченная преступнымъ фанатизмомъ. Вотъ, гг., гдѣ подстрекатели или, по вашему, провокаторы; вотъ кто держалъ въ плѣну молодежь, которая пожертвовала собой для страшныхъ актовъ и платилась за это своею жизнью. Предавали ихъ казни съ двухъ сторонъ тѣ, которые ихъ водили. Вы слышали, какъ водили? Иные итти не хотѣли—ихъ за руку вели; иные не рѣшались—ихъ плечомъ толкали; они имѣли всегда ассистентовъ отъ центральныхъ комитетовъ, которые возвращались назадъ, предавъ челоуѣка смерти. Помню убійцу гр. Игнатьева: прострѣленный красавецъ-юноша лежалъ — кажется, и другіе изъ членовъ нашихъ видѣли, это было у насъ въ залѣ — съ прострѣленной своими руками грудью; это былъ юноша цвѣтущій, 18 лѣтъ; у него мать, сестра, всѣ любили когда-то этого челоуѣка, и онъ пожертвовалъ собою. Вотъ кто предавалъ, кто посылалъ на смерть. (*Голосъ справа*: это жида). Не смѣю называть племени. Такъ было съ русской молодежью: ихъ предавали съ двухъ фланговъ, предавали тѣ, которые посылали совершать преступленіе, и предавали одинаково такіе типы, какъ Азефъ. Но да опомнятся наши юноши и да познаютъ они, что могутъ быть иные учителя, кромѣ этихъ, умѣющіе увѣщевать, могутъ быть иные идеалы, кромѣ браунинга и преступленія; да познаютъ они, что русская жизнь великій шагъ совершила, что она получила этотъ дворецъ, въ которомъ мы случайные и не очень долгіе гости; недолгіе потому, что мы пришли сюда въ качествѣ ополченцевъ, даже не настоящихъ воиновъ; мы уже прожили жизнь, мы отбудемъ свои пять лѣтъ и оставимъ имъ великое дѣло, къ которому молодежь должна приготовить себя, забывъ прошлое и забывъ революціонные порывы, увѣровавъ въ обновленіе Россіи посредствомъ мирнаго строя, мирнаго труда, мирнаго обновленія. Насъ они не должны упрекать: мы пришли въ тяжелую революціонную эпоху, мы не меньше ихъ любимъ и свободу, и свѣтлыя и лучшія формы жизни. Но мы миримся со многимъ потому, что, можетъ быть, лучшіе дни успокоенія въ странѣ еще не наступили. Они еще не наступили для насъ, но наступятъ для нихъ. Пусть они вѣрятъ въ эти дни, и пусть эта вѣра укрѣпитъ ихъ, отрѣшитъ отъ увлеченій и направитъ на свѣтлый и правый путь въ русской жизни! (*Рукоплесканія центра и справа*).

Нисселовичъ (Курляндская губ.). На мнѣ, гг., лежитъ долгъ дать отвѣтъ на рѣчи двухъ предыдущихъ ораторовъ. Скажу прежде всего, что не ожидалъ, что мнѣ придется давать отвѣтъ

на рѣчь послѣдняго оратора. Я ожидалъ, что мнѣ придется отвѣтить на рѣчь, которая раздастся съ этой (*указываетъ направо*) стороны, но что придется отвѣтить на рѣчь представителя центра, такъ называемаго конституціоннаго центра,—этого я, гг., не ожидалъ. Но то, что совершилось, раскрываетъ передо мною тѣ отношенія, которыя мы можемъ ожидать именно отъ конституціоннаго центра, или, вѣрнѣе сказать, именующаго себя конституціоннымъ центромъ. Да, намъ говорятъ теперь, что русской революціи не было, а была только еврейская революція. Этотъ лейтъ-мотивъ я уже слышалъ двѣ недѣли тому назадъ отъ праваго депутата Шульгина, и я признаюсь вамъ, гг., что, когда я слышалъ тогда рѣчь депутата Шульгина, я какъ то самъ въ своихъ глазахъ выросъ (*Шумъ справа*). Вы сейчасъ узнаете почему: я выросъ въ своихъ глазахъ потому, что я подумалъ: неужели то великое освободительное движеніе (*шумъ справа*), которое охватило всю Россію и благодаря которому вы, гг., сидите теперь здѣсь (*шумъ справа*), неужели это освободительное движеніе есть только дѣло рукъ моихъ едино-вѣрцевъ? (*Голосъ справа: къ сожалѣнію*). Вы говорите «къ сожалѣнію», что же, припоминаю, что въ 1906 г., въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, любимый вашъ писатель нововременскій, Меньшиковъ, написалъ, что вы, русская интеллигенція, обязаны русской конституціи никому другому, какъ только японцамъ и евреямъ; онъ тогда выразился образно, что русская конституція должна была быть написана на японской бумагѣ и еврейскими буквами. Гг., я тогда это принялъ за шутку, и всякій изъ насъ принималъ это за шутку, за анекдотъ, но—увы!—когда съ этой высокой каѳедры раздаются тѣ же самыя слова, то я думаю, что вы, гг., неправы, и, къ чести русскаго народа, я долженъ сказать, что вы лжете, вы клеветаете на русскій народъ. (*Рукоплесканія лъвой и въ центрѣ; голоса справа: браво; шумъ справа; звонокъ Предсѣдателя*). Русская конституція, какова бы она ни была въ настоящее время, она добыта... (*Крупенскій съ мѣста: она не добыта, она дана Царемъ*)... она добыта не евреями одними, она добыта всѣмъ русскимъ народомъ, ибо вы вспомните, гг. (*голосъ справа: насчетъ Азефа*), когда же вы, собственно говоря, получили вотъ эту законодательную Думу? Вы получили ее только тогда, когда была всеобщая забастовка. Послѣ этого вы получили, вамъ даровалъ тогда русскій Монархъ Манифестъ 17 октября, но, увы, вы этотъ Манифестъ уже разорвали (*голосъ справа: и хорошо сдѣлали*), вы его, однимъ словомъ, не соблюли. Но что же, гг.? (*Голосъ справа: это не по запросу объ Азефѣ*). Я возвращаюсь къ тому, что вы обви-

няете евреевъ въ революціи, въ томъ, что евреи примкнули къ революціонному движенію. (*Голосъ справа*: къ дѣлу, это не по запросу). Вѣдь, гг., я отвѣчаю на тѣ рѣчи, которыя были тутъ только что произнесены. И вотъ если вы обвиняете евреевъ въ томъ, что они примкнули къ революціонному движенію, то мы ничуть не отрицаемъ этого, и я давно уже, еще весной нынѣшняго года, когда мнѣ пришлось говорить по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, указаль на то, что часть еврейской молодежи примкнула къ русской революціи потому, что ее выгнали изъ учебныхъ заведеній. (*Голосъ справа*: слава Богу). Я теперь скажу еще одно: вся еврейская масса сочувствовала революціи не потому, что, какъ вы говорили, она домогалась равноправія, не потому, что она домогалась и домогается равноправія, а потому, что вы ее поставили въ положеніе самаго отчаяннаго безправія. Различайте эти двѣ вещи. Я вамъ скажу далѣе: развѣ революція началась только съ 1904 или съ 1905 г.? Вѣдь вотъ рѣчь идетъ объ Азефѣ и Лопухинѣ. Вы знаете, какимъ образомъ Лопухинъ попалъ на высокій постъ директора Департамента Полиціи. Вѣдь это было послѣ того, какъ Плеве поѣхаль въ Харьковскую и Полтавскую губ. для того, чтобы усмирять тамъ бунтъ. Тамъ, я думаю, бунтовали не евреи (*голосъ справа*: а кто же?), тамъ бунтовали крестьяне, тамъ бунтовали именно тѣ, которые бунтовали и послѣ, а евреи, собственно говоря, примкнули къ революціи впослѣдствіи. Этому движенію предшествовало не что иное, какъ кишиневскій погромъ въ 1903 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. (*Голосъ справа*: вы сами виноваты). Чему вы удивляетесь, гг., когда учинили евреямъ кровавыя бани, когда, послѣ того, какъ былъ потерянъ одинъ берегъ Сахалина, прибавилось къ русскимъ морямъ новое море — море еврейскихъ слезъ, смѣшанныхъ съ ихъ алой кровью, то чему вы удивляетесь, если насталь моментъ, когда оно всколыхнулось и вышло изъ береговъ? (*Голоса*: это не объ Азефѣ).

Предсѣдатель. Прошу васъ говорить по дѣлу Азефа.

Нисселовичъ. Говоря объ Азефѣ только какъ о провокаторѣ, я долженъ отвѣтить депутату Маркову. Онъ высказаль тутъ одно пожеланіе, чтобы русское Правительство не обращалось больше къ услугамъ іудея Азефа; къ этому пожеланію я отъ всей души присоединяюсь, я привѣтствую это пожеланіе, потому что (когда русское Правительство принимаетъ евреевъ на позорную службу политическаго сыска, то это намъ, евреямъ, не честь, и мы скажемъ слава Богу, когда Россія откажется отъ этого. Мы жалѣемъ отъ всей души, что есть такой Азефъ, что

еврей Азефъ оказался такимъ провокаторомъ. Но, гг., я опять повторяю: Азефъ появляется только тогда, когда есть для этого подготовленная почва. А почва была подготовлена. Вы посмотрите, что сообщаютъ вамъ самые официальные источники. Я беру всеподданнѣйшій отчетъ сенатора Турау о безпорядкахъ въ Кіевѣ. (*Голоса:* объ Азефѣ). Я попрошу васъ выслушать меня такъ же, какъ мы слушали гг. Маркова и Шубинскаго. (*Голосъ справа:* разница большая; *голосъ слева:* тише, васъ слушали). Вотъ что онъ вамъ сообщаетъ (*читаетъ*): „Было бы ошибочно искать причину революціоннаго движенія, выразившагося въ октябрьскихъ безпорядкахъ до возникновенія еврейскаго погрома, исключительно въ мѣстныхъ условіяхъ жизни. Причина эта, говоритъ сенаторъ Турау, лежитъ далеко за предѣлами ихъ и находитъ себѣ объясненіе во всеобщемъ состояніи смуты, охватившей всю Россію“. Слѣдовательно, сенаторъ Турау объявляетъ, что смута охватила всю Россію. Значитъ, это не есть та великая еврейская революція, которая создана, какъ деликатно выразился депутатъ Шульгинъ, пятью жидами. Нѣтъ, не пять жидовъ создали великую революцію, ее создали тѣ условія, тотъ произволь, тѣ насилія, которые всегда существовали до этого времени не надъ одними евреями, а надъ всей Россіей, надъ всѣмъ русскимъ народомъ. Какъ описываетъ сенаторъ Турау то, что дѣлалось именно въ Кіевѣ? (*Голоса:* говорите объ Азефѣ). „На нѣкоторыхъ улицахъ, какъ, напр., на Бибиновскомъ бульварѣ, евреи могутъ жить лишь по одной сторонѣ, на другой, выходящей за предѣлы старо-кіевскаго участка, имъ жительство запрещается“. „Несомнѣнно—говоритъ Турау,—что бездѣйствіе, проявленное полиціей и войсками во время погрома, поддержало убѣжденіе въ томъ, что сама власть устроила погромъ, а потому относится такъ безучастно къ тѣмъ насиліямъ надъ жителями и къ расхищенію еврейскаго имущества“. (*Голоса:* къ дѣлу). Но, гг., то, что сообщалось о погромѣ въ Кіевѣ, блѣднѣетъ предъ тѣмъ, что опять таки имѣется въ официальномъ документѣ, въ докладѣ ротмистра Пѣтухова Варшавскому Генералъ-Губернатору о сѣдлецкомъ еврейскомъ погромѣ. (*Голоса справа:* къ дѣлу; это къ дѣлу не относится). Это относится къ дѣлу потому, что тутъ та же провокація происходитъ. Когда говорятъ сегодня изъ центра, что Азефъ наслѣдовалъ свое провокаторство отъ своей націи, то я вамъ скажу: вотъ провокація, которая имѣется здѣсь, и вы удостовѣритесь, что тутъ не было іудея, а что тутъ былъ истинно-русскій человѣкъ. Подполковникъ Тихановскій имѣлъ намѣреніе посадить столько-то лицъ, считая ихъ заложниками; на вопросъ, какимъ образомъ заложники бу-

дуть лишены жизни, подполковникъ Тихановскій обратился къ полицеймейстеру съ вопросомъ же, не найдется ли у него стражника, который, притворившись сумасшедшимъ, могъ бы перестрѣлять заложниковъ. (*Голоса:* къ дѣлу). Это, гг., дѣло. (*Голоса справа:* говорите объ Азефѣ; надо сегодня кончить этотъ вопросъ; о погромахъ вы скажете въ свое время).

Предсѣдатель. Пожалуйста, прошу васъ говорить ближе къ дѣлу.

Нисселовичъ. Вы говорите о провокаціи Азефа и другихъ, и поэтому позвольте мнѣ доказать вамъ, какую провокацію производили именно въ Сѣдлецѣ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ такого же доклада ротмистра Пѣтухова. Драгуны, потирая руки, съ самодовольными улыбками заявляли громогласно: „Ужъ мы устроимъ погромчикъ, пощады не будетъ“. Войска безпощадно истребляли мирныхъ жителей. Пѣтуховъ заявляетъ: „я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ приведено было въ полицейское управленіе нѣсколько человѣкъ“ Такъ вотъ изъ того же доклада ротмистра Пѣтухова я читаю дальше: „войска безпощадно расправлялись съ мирными жителями, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ приведены были въ полицейское управленіе нѣсколько человѣкъ, преимущественно пожилыхъ и старыхъ евреевъ, и какъ солдаты съ увлеченіемъ, на глазахъ у подполковника Тихановскаго, пропускали ихъ черезъ строй прикладами“. Это были тѣ невинные еврейчики, о которыхъ говорилъ самъ Шульгинъ. Что же послѣ этого случилось? Министръ Внутреннихъ Дѣлъ командировалъ въ Сѣдлецъ своего чиновника Губонина, который подтвердилъ все сообщенное ротмистромъ Пѣтуховымъ, и послѣ этого генералъ Скалонъ выразилъ особую благодарность и Тихановскому, и тѣмъ драгунамъ, и всѣмъ солдатамъ. Что же, гг., послѣ этого Министръ Внутреннихъ Дѣлъ принялъ мѣры къ тому, чтобы возбудить дѣло по этому поводу? До сихъ поръ дѣло о сѣдлецкомъ погромѣ не возбуждено. (*Голоса справа:* внесите другой запросъ). Не о запросѣ идетъ дѣло, а тутъ идетъ рѣчь о томъ—есть ли здѣсь провокація, или нѣтъ. Тутъ прямая провокація, а Правительство говоритъ: мы провокацію не допускали, не допускаемъ и не допустимъ. Я утверждаю, что провокація допускалась и допускается и по настоящее время. (*Голоса справа:* слава Богу). Я зналъ заранѣе, что вы будете славить Бога не тогда, когда это нужно. Предсѣдатель Совѣта Министровъ сказалъ: „такимъ образомъ, очевидно, не безвыгодно продолжать распускать нелѣпые слухи про администрацію, такъ какъ посредствомъ такого рода слуховъ, посредствомъ обвиненія Правительства, можно достигнуть многого, можно переложить,

напр., ответственность за беспорядки революціи на Правительство“. Я скажу, что слова Предсѣдателя Совѣта Министровъ были высказаны давно, но несомнѣнно, что отвѣтственность за тотъ погромъ, который былъ совершенъ въ Сѣдлецѣ, за то, что до сихъ поръ виновники этого погрома не привлечены къ отвѣтственности, падаетъ исключительно только на Правительство. (*Гукоплесканія слова*).

Полетаевъ (Петербургская губ.). Не первый разъ, гг., съ этой трибуны бросается обвиненіе правительственной власти въ провокаціи, и всякій разъ Правительство отвѣчаетъ съ этой трибуны — нѣтъ. Мы утверждаемъ, что Правительство, благодаря провокаціи, военнымъ судамъ и висѣлицамъ, благодаря только этимъ средствамъ, остается у власти. Здѣсь, съ правой стороны, когда членъ Думы Родичевъ говорилъ о провокаціи рабочаго движенія, требовали доказательствъ. Я, гг., приведу вамъ эти доказательства и при томъ доказательства не изъ революціонныхъ источниковъ, а доказательства, подписанныя гг. Министрами. Правительство, видите ли, создавало рабочія организаціи, исходя изъ мысли, что Правительству-де надлежитъ руководствоваться планомъ дѣйствій, принятымъ революціонной пропагандой, что ему слѣдуетъ организовать внѣзаконные рабочіе союзы, войти въ нихъ черезъ особыхъ довѣренныхъ агентовъ и руководить рабочими организаціями по указаніямъ полицейской власти. Министръ Финансовъ въ своемъ докладѣ говоритъ, что упомянутыя рабочія организаціи должны были вступить на ложный, опасный путь. Это обусловливалось прежде всего тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ, что, при допущеніи организаціи, имѣлись въ виду вовсе не тѣ цѣли, которыя формально были обозначены въ уставѣ; въ дѣйствительности цѣль была ослабить политическую пропаганду, на самомъ же дѣлѣ эта система усилила политическую пропаганду и дала совершенно обратные результаты. Далѣе Министръ Финансовъ Коковцовъ по поводу этихъ же петербургскихъ организацій въ январьскомъ письмѣ 1905 г. писалъ Государю Императору (*читаетъ*): „Полиція долгіе мѣсяцы оставалась безучастной свидѣтельницей того, какъ развивались, крѣпли преступныя организаціи, дозволенные въ началѣ самимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ“. Это писалъ, гг., Министръ Финансовъ Коковцовъ. Затѣмъ, далѣе, когда говорилъ членъ Государственной Думы Родичевъ о провокаціи революціоннаго движенія, о провокаціи еврейскихъ погромовъ, ему говорили, что это неправда, ложь; такъ вотъ у насъ на этотъ счетъ есть тоже документы; есть докладная записка Го-

варища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Макарова; вы въ ней вѣроятно сомнѣваться не будете. Я вамъ изъ нея кое-что процитирую сейчасъ. (*Шумъ; голоса: не надо*). Вотъ изъ донесеній ротмистра Будаговскаго, за такими-то нумерами. Это донесеніе не оставляетъ никакого сомнѣнія, что избіеніе евреевъ въ г. Александровскѣ готовится, что преступная агитація съ этой цѣлью ведется по инициативѣ ротмистра Будаговскаго и что чинами Департамента Полиціи, которые были своевременно освѣдомлены, не только не было принято мѣръ къ прекращенію означенной агитаціи, но дѣятельность ротмистра Будаговскаго даже поощрялась; что по молчаливому соглашенію и одобренію д. с. с. Рачковскаго и Тимоеева эта агитація достигла своей цѣли, и избіеніе еврейскаго населенія въ г. Александровскѣ состоялось. Далѣе, какъ рассматриваетъ эти дѣйствія Макаровъ? Такія дѣйствія нижепоименованныхъ должностныхъ лицъ, которыя создали благопріятныя условія (*шумъ*) для усиленія развитія успѣха революціоннаго движенія, составляютъ преступленіе, предусмотрѣнное ст. 341. Вотъ тотъ аттестатъ Макарова, который онъ выдалъ Рачковскому. Здѣсь Предсѣдатель Совѣта Министровъ говорилъ, что Рачковскій ни въ чемъ абсолютно не виновать, что онъ не участвовалъ въ провокаціи. Мы знаемъ, что если бы Предсѣдатель Совѣта Министровъ порылся въ портфель Департамента Полиціи, онъ бы тамъ нашелъ докладную записку Министра Плеве на Высочайшее Имя, гдѣ доказывалось участіе Рачковскаго не только въ провокаціи, но и въ убійствахъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ этого, конечно, не сдѣлалъ, онъ прошелъ мимо этого документа. (*Голоса: довольно, побойтесь Бога*). Мы сами знаемъ, когда довольно, когда намъ нужно кончить. (*Голосъ: уже первый часъ*). Г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ на всѣ эти обвиненія, какъ я раньше уже сказалъ, отвѣтилъ словомъ „нѣтъ“ и сорвалъ здѣсь, въ третьей Думѣ, оглушительные аплодисменты. Но вѣдь, гг., эти аплодисменты очень дешевые. Это аплодисменты вы знаете чьи? Это аплодисменты столыпинскихъ подпѣвалъ. Вы своими аплодисментами, гг., довели до того, что и Правительство, и народъ презрительно проходятъ мимо третьей Государственной Думы. Теперь, гг., я предложу слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ (*читаетъ*). (*Чтеніе формулы сопровождается шумомъ и смѣхомъ справа; голоса справа: великолѣпно, браво, по крайней мѣрѣ, кончилъ*). Напрасно вы, гг., радуетесь, я немного еще не кончилъ и задержу ваше вниманіе еще на полторы минуты. Здѣсь членъ Государственной Думы Милюковъ говорилъ, что кадеты имѣли тенденцію стать во главѣ революціоннаго дви-

женія. Онъ высказывалъ, между прочимъ, гг., что Правительство-де отказалось отъ надежды побѣдить революцію, а кадеты имѣли такую надежду, но что выполнить эту надежду имъ помѣшала здѣсь правая сторона. Насколько помнится, въ первыхъ Государственныхъ Думахъ правая сторона была представлена десятками двумя—тремя и помѣшать имъ выполнить эту задачу ни въ коемъ случаѣ не могла (*Голосъ справа*: милые грызутся). Помѣшало выполнить эту задачу имъ другое совершенно. Съ чѣмъ явились революціонный пролетаріатъ и крестьянство въ первую Государственную Думу, съ какими революціонными требованіями? Они выражали собою революцію: они явились требовать земли и воли. Чѣмъ вы отвѣтили тогда, представляя собой большинство въ первой и второй Думѣ? „По справедливой оцѣнкѣ“—вотъ почему революція не пошла съ вами, а вовсе не потому, что...

Предсѣдатель. Я васъ покорнѣйше прошу, членъ Государственной Думы Полетаевъ,—здѣсь вопросъ идетъ о запросѣ, а вовсе не о пререканіяхъ вашихъ съ депутатомъ Милюковымъ о качествахъ и дѣйствіяхъ кадетской партіи.

Полетаевъ. Я здѣсь не пререкаюсь, а только говорю. И здѣсь, въ третьей Государственной Думѣ, кадетская тактика является той же самой: сегодня они бранили Правительство очень краснорѣчиво, говорили о висѣлицахъ и тюрьмахъ, но прекрасно голосуютъ заемъ и даютъ деньги, которыя пойдутъ на тѣ же висѣлицы, на тѣ же тюрьмы. Дѣйствительные вожди революціи должны говорить: мы Правительству Азефа и Рачковскаго не даемъ ни копѣйки. (*Рукоплесканія справа*; *Пуришкевичъ, съ мѣста*: за искренность).

Предсѣдатель. Внесено предложеніе о полномъ прекращеніи преній. Ставлю на голосованіе. (*Баллотировка*). Принято. Слово принадлежитъ докладчику г-р. Бобринскому 2.

Г-р. Бобринскій 2 (докладчикъ комиссіи по запросамъ). Наше гуманное законодательство предоставляетъ право, даже обязываетъ прокурора въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ убѣждается, что нѣтъ достаточныхъ основаній обвиненія, отказываться отъ этого обвиненія. Къ сожалѣнію, въ этомъ положеніи я не нахожусь, такъ какъ обвиняю не я, а предъявляетъ запросъ вся комиссія и отказаться отъ запроса можетъ только вся комиссія. Поэтому я долженъ поддерживать обвиненіе до конца и предложить Государственной Думѣ тотъ единственный документъ, который можно предъявить, единственное доказательство, которое можно предъявить въ подтвержденіе настоящаго запроса. Это есть то, о чемъ говорилъ вамъ много членъ Государственной Думы Ми-

люковъ, но съ нѣкоторыми пропусками,—именно: постановление Парижскаго съѣзда, которое безусловно относится къ дѣлу, такъ какъ въ немъ участвовалъ г. Азефъ. Въ этомъ постановленіи говорится, что партіи, которыя соединились на названномъ конгрессѣ, т. е. партіи русскихъ освободителей, національной польской лиги, польская социалистическая партія, русская партія социалистовъ-революціонеровъ, партія федералистовъ грузинскихъ, армянская революціонная федерація и финляндская партія „de résistance active“, т. е. активнаго сопротивленія, рѣшили— „en s'unissant pour une action coordonnée“, т. е. соединившись для согласованныхъ дѣйствій, рѣшать то-то и то-то, при чемъ сейчасъ же оговариваются, что ни одна изъ партій не отказывается отъ методовъ тактики въ борьбѣ, которые ей присущи. Слѣдовательно, конечно, никто не можетъ сказать, что кто-либо здѣсь присутствовавшей есть какой-нибудь террористъ, но несомнѣнно, можетъ быть, есть въ числѣ участвующихъ тутъ, кого можно назвать дисконтерами террора. Это есть, отъ этого отказаться нельзя, помните слово „согласовать“. Это есть документъ, г. г., единственный документъ, который былъ предъявленъ. Если на основаніи его вы находите возможнымъ принять запросъ, то примите его. (*Голоса: браво; рукоплесканія; смѣхъ*)

Предсѣдатель. Пренія по настоящему дѣлу закончены. Членъ Государственной Думы Шубинской, вамъ угодно говорить о формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ?

Шубинской (Тверская губ.). Фракція союза 17 октября работала совмѣстную формулу съ фракціей умѣренно-правыхъ. Эта формула была подана депутатомъ Сазоновымъ. Фракція союза 17 октября будетъ вотировать за эту формулу. (*Голоса: браво*).

Тычининъ (Гродненская губ.). Фракція націоналистовъ присоединяется къ только-что объявленной формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Жуковский (Петроковская губ.). Польское коло присоединяется къ формулѣ мирнаго обновленія.

Предсѣдатель. Позвольте доложить всѣ формулы по порядку поступленія. Г. Секретарь, благоволиите огласить формулы трудовой группы.

Секретарь Государственной Думы. Формула трудовой группы (*читаетъ*): „Принимая во вниманіе: 1) что участіе состоявшаго на службѣ Департамента Полиціи Азефа въ организациі цѣлаго ряда террористическихъ дѣяній, какъ-то: убійства Уфимскаго губернатора Богдановича, Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве и Великаго Князя Сергѣя Александровича, безусловно

установлено, помимо другихъ доказательствъ, собственноручнымъ письмомъ Азефа; 2) что дѣятельность его въ качествѣ члена боевой организаціи не могла быть неизвѣстной его начальству въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; 3) что русская политическая полиція, пользуясь въ преслѣдованіи своихъ цѣлей безконтрольно огромными матеріальными средствами, широко употребляетъ ихъ на подкупъ людей, способныхъ играть двойную роль, состоя одновременно въ революціонной организаціи и на секретной полицейской службѣ; 4) что такая система плодитъ агентовъ-provokatorовъ, принимающихъ участіе во всевозможныхъ покушеніяхъ и организующихъ ихъ съ тѣмъ, чтобы выдавать полиціи; 5) что, такимъ образомъ, русская политическая полиція и ея секретные фонды служатъ приманкой для авантюристовъ всякаго рода; 6) что вокругъ сыска создается, въ концѣ концовъ, атмосфера самаго неразборчиваго политическаго авантюризма, и самая политическая полиція становится государствомъ въ государствѣ—организаціей, имѣющей собственную линію поведенія, которая никому неизвѣстна; 7) что какъ для моральнаго сознанія общества, такъ и для всего общественнаго порядка такая система чревата всевозможными неожиданностями, какъ это показываетъ дѣло Азефа, а равно и всѣ предыдущія проявленія полицейской демагогіи: забастовки, организованныя агентами Зубатова, дѣло Гапона, печатаніе погромныхъ прокламацій въ стѣнахъ Департамента Полиціи, дѣло о черносотенномъ покушеніи на Витте и Юллоса и многія другія; 8) что прекратить террористическіе акты и избавить страну отъ язвы провокаціи Правительство можетъ единственно уваженіемъ къ законности, созданіемъ гласнаго, независимаго народнаго суда и немедленнымъ проведеніемъ въ жизнь обѣщанныхъ манифестомъ 17 октября свободъ и дружную работою вмѣстѣ съ правильно избраннымъ народнымъ представительствомъ,—Государственная Дума принимаетъ запросы и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Предсѣдатель. Такимъ образомъ, первая формула трудовой группы предлагаетъ принять оба запроса. Далѣе вторая формула—отъ группы умѣренно-правыхъ, націоналистовъ и отъ союза 17 октября.

Секретарь Государственной Думы (читаетъ): „Признавая объясненія Правительства удовлетворительными и исчерпывающими и выражая увѣренность, что въ борьбѣ съ терроромъ Правительство будетъ пользоваться всѣми законными средствами, Государственная Дума отвергаетъ запросы и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Предсѣдатель. Господа. Покорнѣйше прошу усвоить, что первая формула предлагаетъ принять запросы, а вторая предлагаетъ ихъ отклонить. Слѣдуетъ третья формула конституціонно-демократической фракціи.

○ Секретарь Государственной Думы (читаетъ): „Находя, что оглашенныя въ Государственной Думѣ и опубликованныя въ русской и заграничной печати данныя о дѣятельности агента „внутренней“ службы Азефа съ несомнѣнностью доказываютъ, что, состоя на службѣ охранной полиціи, это лицо въ то же время являлось однимъ изъ главныхъ вдохновителей и организаторовъ всей террористической дѣятельности центрального комитета и боевой организациі партіи социалистовъ-революціонеровъ, и въ этомъ качествѣ въ теченіе ряда лѣтъ совершило длинный рядъ политическихъ и обыкновенныхъ уголовныхъ преступленій; считая, что данный фактъ, являясь наиболѣе яркимъ и ужаснымъ изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ, далеко не представляется, однако, ни случайнымъ, ни единичнымъ, а составляетъ лишь неизбежное проявленіе примѣняемой исключительно въ Россіи системы полицейскаго сыска путемъ непосредственнаго участія чиновъ государственной полиціи въ революціонной дѣятельности крайнихъ лѣвыхъ и крайнихъ правыхъ организацій; что заслуживающая безусловнаго осужденія терпимость Правительства къ преступной дѣятельности своего агента, о сущности которой оно не могло не знать, составляетъ косвенное признаніе безсилія власти бороться болѣе прямымъ и законнымъ путемъ со зломъ политическаго террора; что какъ это зло, такъ и примѣняемая противъ него система борьбы посредствомъ полицейской провокаціи, неизбежно переходящей въ то самое преступленіе, съ которымъ Правительство борется, одинаково обязаны своимъ происхожденіемъ отсутствію въ русской дѣйствительности элементарныхъ условій свободной политической жизни и широкой публичности, — Государственная Дума высказываетъ убѣжденіе, что лишь дѣйствительное осуществленіе коренныхъ основъ гражданской свободы, обѣщанныхъ манифестомъ 17 октября, можетъ ввести русскую политическую жизнь въ нормальную колею, создать чувство ответственности и общественной солидарности и сдѣлать невозможнымъ повтореніе ужасныхъ для русской государственности фактовъ сотрудничества между чинами государственной полиціи и политическимъ терроромъ слѣва и справа, и принимаетъ оба запроса“.

Предсѣдатель. Эта третья формула конституціонно-демократической фракціи предлагаетъ принять оба запроса. Затѣмъ слѣдуетъ формула группы прогрессистовъ и польскаго коло.

Секретарь Государственной Думы (*читаетъ*): „Выслушавъ объясненія Правительства и находя: 1) что система провокаціи не должна служить средствомъ борьбы съ терроромъ; 2) что Правительство не представило доказательствъ того, что оно принимаетъ достаточныя мѣры къ искорененію провокаторскихъ дѣйствій своихъ агентовъ; 3) настаивая на томъ, что Правительство обязано прекратить нынѣ широко практикуемую систему провокаціи со стороны агентовъ власти, — Государственная Дума принимаетъ оба запроса и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Предсѣдатель. Только что доложенная формула предлагаетъ принять оба запроса. Далѣе, формула социаль-демократической фракціи.

Секретарь Государственной Думы (*читаетъ*): „Принимая во вниманіе: 1) что провокація является неразрывной органической частью системы политическаго сыска; 2) что, какъ установлено цѣлымъ рядомъ фактовъ, агенты политическаго сыска неоднократно являлись зачинщиками и подстрекателями къ организациіи убійствъ, грабежей, динамитныхъ покушеній, доставляя жертвамъ своихъ преступныхъ дѣйствій всѣ средства къ совершенію террористическихъ актовъ (оружіе, взрывчатые вещества, деньги, фальшивые паспорта и различнаго рода свѣдѣнія), а затѣмъ предавали этихъ обманутыхъ и увлеченныхъ ими людей въ руки суда и, такимъ образомъ, подводили ихъ подъ смертную казнь и каторгу; 3) что затѣмъ представители мѣстной и центральной администраціи ссылались на эти террористическіе акты, зачастую подготовленные и совершенные ихъ же агентами, для оправданія и увѣковѣченія своей репрессивной политики вообще и усиленныхъ и чрезвычайныхъ охранъ въ частности; 4) что эта система политическаго сыска, неотдѣлимую часть которой составляетъ провокація, угрожаетъ личной и общественной безопасности, вноситъ въ общество глубокую деморализацію и является однимъ изъ главныхъ препятствій къ политическому развитію страны; 5) что всѣ эти губительныя стороны существованія полицейской системы съ особенной рѣзкостью выразились въ дѣятельности провокатора Азефа и содѣйствовавшихъ ему чиновъ Департамента Полиціи; 6) что Предсѣдатель Совѣта Министровъ, подтверждая въ своей рѣчи фактъ преступной провокаціонной дѣятельности Азефа и повторяя прежнія лицемѣрныя завѣренія Правительства о недопустимости провокаціи, въ то же время опредѣленно выразилъ свое твердое намѣреніе сохранить въ полной силѣ существующую полицейскую систему, необходимой составной частью которой является провокація;

7) что радикальное устранение полицейской провокации немислимо безъ полного осуществленія политическихъ свободъ и прекращенія преслѣдованій за, такъ называемыя, политическія преступленія,—Государственная Дума, признавая, что безусловно необходимо пролить свѣтъ на закулисную дѣятельность Департамента Полиціи и охранныхъ учрежденій, и что выполнить эту задачу можетъ только парламентская комиссія, составленная изъ всѣхъ думскихъ фракцій, облеченная полнотою слѣдственной власти, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ, предлагая принять запросъ № 51.

Предсѣдатель. Итакъ, три формулы связаны съ принятіемъ обоихъ запросовъ; одна формула связана съ принятіемъ запроса № 51, и одна формула можетъ быть поставлена на голосованіе лишь въ томъ случаѣ, если оба запроса будутъ отклонены. Ставлю на голосованіе предложеніе комиссіи по запросамъ: «запросъ № 51, внесенный социаль-демократической фракціей, отклонить». (*Баллотировка*). Принято. Слѣдовательно, запросъ № 51 отклоненъ. Ставлю на голосованіе предложеніе комиссіи по запросамъ о принятіи запроса № 52, внесеннаго конституціонно-демократической фракціей. (*Баллотировка*). Отклонено. Такимъ образомъ, запросъ № 52 отклоненъ.

Розановъ (Саратовская губ.). Въ виду отклоненія запросовъ, трудовая группа предлагаетъ исключить изъ своей формулы только слова „принять запросъ“, а формулу предлагаетъ голосовать.

Предсѣдатель. Въ такомъ случаѣ, позвольте голосовать двѣ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Первая формула внесена трудовой группой. Ставлю ее на голосованіе. (*Баллотировка*). Отклонено. Ставлю на голосованіе формулу фракцій союза 17 октября, націоналистовъ и умѣренно-правыхъ. (*Баллотировка*). Принято. Такимъ образомъ, по данному вопросу всѣ пренія и баллотировки закончены.

Засѣданіе закрывается въ 12 ч. 38 м. ночи.

Типографія „Т-ва Екатеринбург. Печатное Дѣло“, СПБ. Екатеринбург. 10—19.

750

REPUBLICAN
MAY 1950
7-50
183583/124

34(09c)

3-33

